

Вадим Чекунов
Тираны 2. Императрица

ISBN: 978-5-906338-11-2



Тираны²



Имя	Орхидея
Фамилия	Ехэнара
Время действия	1852 г. н.э.
Возраст	17 лет
Адрес	Пекин
Локация	Запретный город
Предмет	Крокодил
Дар	Хладнокровие
Сайт	www.etnogenez.ru



ЭТНОГЕНЕЗ

ГЛАВА 0

БЕСЕДА У КАМИНА

Замок Мортлейк, Англия. 1840 год

В курительной комнате царили полумрак и молчание.

За окном густели дождливые сумерки. Капли приглушенно стучали по стеклу и широкому карнизу, отбивая убаюкивающий ритм. Тихо потрескивал камин. Волны тепла расходились от него по всему залу, приводя в движение клубы застоявшегося табачного дыма.

Лица трех расположившихся в глубоких кожаных креслах джентльменов были едва различимы. Силуэты их тоже скрадывались наступающей темнотой и внушительностью мебели. Но все-таки было возможно разобрать, что один из них долговяз – худые ноги в лакированных штиблетах он протянул к огню, а острые локти выступали в стороны, будто сидящий отстаивал свое право на место. Когда он затягивался сигарой, красноватый огонек освещал его длинный узкий нос и впалые щеки. Джентльмен справа являл собой полную противоположность первому – казалось, этот коротышка состоял из одних округлостей. Кресло было ему явно велико, и, если бы не щеточка аккуратных усов и не сигара в толстых пальцах, в темноте зала он легко сошел бы за разжиревшего мальчика, облаченного в охотничью куртку и клетчатые панталоны в обтяжку. Фигура третьего выделялась широкими плечами и крепко посаженной головой. Он расположился почти на самом краю сиденья, с ровной вытянутой спиной, будто в седле. Сигару он, в отличие от двух других, не держал пальцами, а зажимал зубами, напоминая грозную башню с нацеленной на неприятеля пушкой. Визитный фрак темно-серого цвета сидел на нем идеально, но явно стеснял своего обладателя, судя по всему, привыкшего к иной одежде.

Вот уже четверть часа троица предавалась курению с видом людей, занятых крайне важным делом, болтать во время которого – дурной тон. На кончиках сигар выросли серые столбики пепла, и могло показаться: джентльмены соревнуются, у кого он продержится дольше. Наконец коротышка парой аккуратных постукиваний о пепельницу стряхнул со своей сигары лишнее, повертел ее, любуясь оранжевым конусом тлеющего кончика, поерзал в кресле – ноги его в высоких ботинках из оленьей кожи не доставали до пола – и сокрушенно произнес:

– Да уж... Послал же Господь такую погоду...

Долговязый курильщик неопределенно хмыкнул, выпустив очередное облачко дыма. Зато третий, коренастый, живо отреагировал, по-прежнему не вынимая сигару из рта:

– Как по мне, так нет ничего прекрасней, чем добрая английская непогода!

Коротышка по-детски поболтал в воздухе ногами и вкрадчиво спросил:

– Так понимаю, полковник Траутман, экспедиция на восток оставила в вашей душе неизгладимый след?

Тот, кого называли полковником, наконец-то положил сигару в пепельницу.

– Не только в душе, мой друг, но и в теле! Ну скажите на милость, чем может досадить проливной дождь? Разве что грязь развезет на дороге, да намокнешь слегка. Против последнего есть надежное проверенное средство! – Траутман щелкнул по стоявшему на низком столике возле его кресла широкому стакану с виски. – А в проклятой Азии оно, к сожалению, не работает. И дожди там совершенно другие. А уж заразы столько, что европейцу остается лишь молиться, чтобы не подхватить всё разом... Эта чертова лихорадка до сих пор дает о себе знать. Подумать только, теперь не могу выкурить и половину сигары! И мне очень повезло, что я сижу сейчас в Мортлейке среди вас, господа, а не кормлю рыб где-

нибудь у берегов Кантона. Дьявол бы побрал этот Китай!..

Полковник нахмурился, взялся было за сигару, но, с сожалением крикнув, затушил ее.

– Вижу, вы натерпелись изрядно, – сочувственно произнес коротышка.

– Китай действительно опасен для белого человека, мистер Кинзи, – вдруг отозвался третий из собравшихся, подтянув свои длинные ноги к креслу. – Пребывать там намного труднее, чем в Индии. И не только в климате дело. Это совершенно иной мир, отличный от всего, с чем мы сталкивались раньше.

– Очень интересно... И в чем же отличие? – Толстый Кинзи сложил короткие руки на объемном животе и совиным взглядом выпученных глаз уставился на военного в ожидании подтверждения слов долговязого. – Мне казалось, разница между тамошними землями невелика...

– Черта с два! – неожиданно для собеседников повысил голос Траутман. – Три года службы в Бенгалии дались мне легче, чем полгода болтанки вдоль южных берегов этой проклятой страны. Не знаю, как там в глубине материка – нам следует спросить лорда Филдинга, ведь он дважды бывал в их столице с дипломатической миссией.

Филдинг выдержал паузу, сосредоточенно водя ухоженными пальцами по граням толстостенной хрустальной пепельницы. Кинзи, не сводя с него глаз, нетерпеливо поерзал, скрипнув кожей кресла, а полковник поглядывал на нескладного штатского слегка снисходительно, как и полагалось военному человеку.

– Страна эта причудлива и огромна, – оставив наконец пепельницу в покое, задумчиво начал лорд Филдинг. – Поездка через нее мне запомнилась не меньше, чем нашему бравому Сэмюэлю рейд вдоль побережья. Нам крайне повезло, что туземные чиновники были довольно обходительны и почти без помех препроводили до самого императорского дворца. К русским миссиям они относились гораздо прохладнее. Надо сказать, всех без исключения иноземцев там принято считать дикарями и варварами, по нелепой случайности овладевшими технической стороной жизни. В благородстве души нам отказано полностью, мы для них – «заморские дьяволы», «длинноносые черти» и множество других определений. Между тем, одни лишь их ритуалы поклонения своему императору столь нелепы, с точки зрения просвещенного европейца, что даже мысли не возникает, кто же из нас на самом деле дикарь...

Закончив тираду, лорд Филдинг пожал костистыми плечами, как бы призывая собеседников присоединиться к его горькому недоумению.

Траутман кашлянул в кулак и глухо сказал:

– Это правда. Как есть дикари. Сколько стычек у нас ни случилось с ними, ясно одно – правила войны им неведомы. Вооружены черт знает как. Взаимодействия никакого, вместо солдат воюет крестьянский сброд. Разве что маньчжурские полки еще представляют угрозу. Но тактика у них осталась со времен кочевания. Действуют только наскоком и всей ордой разом! Не выйдет атака, так просто бросают оружие и бегут без оглядки. Но если уж случится им отсечь и одолеть какой наш отряд – тут пощады не жди. Вот что я вам скажу, господа: Бог бывает милосердным, а китайцы – никогда!

– Лорд Мельбурн утверждает, что до тех пор, пока война не объявлена, а происходят столкновения у пограничных территорий, мы не вправе требовать от китайцев соблюдения принятых норм, – тускло произнес Филдинг, поглаживая золоченую морду льва на пуговице своего фрака.

– Не знаю, не знаю... – проворчал полковник. – Дикари горазды на выдумки собственных правил, соблюдения которых они требуют от всех без исключения. И плевать им на звания и ранги. Сколько раз они разворачивали русские миссии, например! Не удивительно, что терпение Николая лопнуло и он приказал готовить войска.

– Мне довелось слышать, что туземная холодность к посланникам из Петербурга как

раз объясняется тем, что были допущены нарушения неких правил. Верно ли это, сэр? – поинтересовался мистер Кинзи. – О китайских церемониях ходят самые невероятные слухи... Ведь вам приходилось испытывать их на себе?

Серебряная цепочка тускло мерцала под животом любознательного толстяка. Когда Кинзи попытался дотянуться до нее, чтобы выудить часы, то стал похож на откормленного кота, чешущего брюхо.

Лорд Филдинг несколько раз задумчиво кивнул, словно припоминая, что с ним случилось в Поднебесной.

– Эта страна живет и дышит традициями, многим из которых не один десяток веков, – произнес он. – Когда-то это помогало, теперь же стала очевидна архаичность подобной организации государства. Но традиции в Китае сильнее здравого смысла. Они там настолько крепки, что даже нынешняя правящая династия, отнюдь не китайская, во многом придерживается их. Попутно, конечно, добавив свои.

– По сути, маньчжуры – самые обыкновенные захватчики? – скорее утвердительно заявил, нежели спросил мистер Кинзи. Ему наконец удалось достать часы, и он, щелкнув крышкой, взглянул на циферблат.

– Разумеется, – вновь кивнул Филдинг. – Причем довольно деспотичные. Взять, например, их приказ коренному населению носить маньчжурскую одежду и прически. Всех, кто не побрил лоб, схватили и насильно привели в «надлежащий вид» после сурового наказания. Император-маньчжур живет во дворце, выстроенном для китайских владык, именуется Сыном Неба. Он проводит большую часть жизни внутри стен своей крепости, куда постороннему не попасть – отсюда и название: Запретный город. Простым смертным в Пекине не дозволяется даже смотреть на башни и ворота этого места. А в те редкие случаи, когда их правитель выезжает за пределы дворца – на молитву в отдаленный храм или на охоту, – в столице случается настоящая катавасия. Стража гонит народ прочь с дороги, теснит куда подальше. Следом бегут уборщики, сметают весь мусор, сносят торговые стойки и даже целые лавки могут разломать, лишь бы очистить доступное взору владыки пространство. Улицы, по которым проляжет путь Дракона, посыпают желтым песком, а выходы в прилегающие переулки закрывают полотнищами ткани. Смотреть на властелина строжайше запрещено. Однако, джентльмены, отмечу, что азиаты – страстные любители зрелищ! Если им приспичит на что-либо поглазеть, даже смертной казнью не напугаешь!

– Что верно, то верно! – сдержанно хохотнул Траутман и тут же закашлялся. – Помню, случилось нам высадиться в устье возле одной деревушки... Впрочем, прошу прощения, как-нибудь потом расскажу... Продолжайте, сэр!

Лорд Филдинг иронично склонил голову, словно повинуюсь привыкшему отдавать команды и распоряжения полковнику, и продолжил:

– И вот за этими своеобразными кулисами толпятся желающие взглянуть сквозь щелочку на процессию. Надо отметить, есть на что посмотреть! Императора несут в паланкине, а вокруг целое войско: стража, знаменосцы, евнухи всевозможных рангов и должностей, несколько смен носильщиков – это оживляет улицы, откуда выгнали всех прочих. В общем, для горожан каждый редкий выезд их правителя – одновременно и напасть, и зрелище, пускай и запретное.

– В самом дворце, надо полагать, жизнь не сахар, с такими-то порядками? – Мистер Кинзи поднес часы к глазам, пытаясь разобрать показания стрелок.

– Не знаю, насколько комфортно живет многочисленным обитателям Запретного города, а вот должность посла в Пекине приятной не назовешь. Попасть на прием – задача не из легких. Мы привыкли мыслить категориями «день», «час», «минута», а туземцы – «не сегодня», «потом», «как-нибудь в другой раз» и подобными недопустимыми для правительства мало-мальски цивилизованной страны недомолвками. Ждать аудиенции

приходится неделями или даже месяцами. Но, джентльмены, вы подумайте, *чего именно* ожидает несчастный посол! Явиться во дворец при шпаге не дозволяется. Да что там, даже в очках нельзя предстать перед взором их повелителя. Общение с императором происходит только на коленях. Исключений нет ни для кого, даже для членов его семьи, – изволь почтительно замереть в требуемом положении. Девять раз поклонись, да так, чтобы коснуться лбом пола – за этим следит один из евнухов. Сколько прстоишь на коленях, неизвестно. Могут заставить кланяться и пустому трону, если императора нет, а принимает его сводный брат. Китайцы, дабы уберечь ноги, додумались обматывать колени ватой, ведь под халатом не видно. Мы, иностранцы, долго страдали, пока не догадались подкупить того самого евнуха-наблюдателя. Он начал выдавать нам маленькие подушки, и приемы стали менее болезненны...

Помолчав, Филдинг усмехнулся и добавил:

– По крайней мере, для тела. Душа продолжала страдать и протестовать. Но выхода нет никакого. Русские пробовали противиться этому варварству... Их первого посла пытались заставить бить поклоны ламаистскому храму, дабы он таким образом попрактиковался в заведенных при дворе приветствиях. Дворянин не пошел против веры и принципов и был в два счета выдворен из Пекина. Годы спустя нового посла допустили все же во дворец, но подарки и грамоты от него не приняли – ибо он так же отказался кланяться. Наши дипломаты оказались сговорчивей... Лорд Маккартни выполнил все условия туземцев, чем привел их в расположение. Ему удалось даже побеседовать с императором. С тех пор создан прецедент, и китайцы каждому вновь прибывшему европейскому дипломату напоминают об усердии лорда и ставят его в пример.

– Мы имеем все основания считать нашу дипломатию лучшей! – торжественным тоном, будто это он сам на благо Британии отстоял на коленях перед восточным деспотом, заключил Кинзи. – Как я понимаю, ни одной европейской державе такого успеха развить не удалось?

Лорд Филдинг дернул длинным носом и саркастично усмехнулся:

– Думаю, лучшей иллюстрацией достигнутого нами «успеха» послужит ответ императора на предложение королем Георгом торгового и политического союзничества. Сын Неба был весьма краток и заявил следующее: «Нам никто не нужен. Забирайте свои подарки и возвращайтесь к себе!»

– Вот в этом вся их суть, – угрюмо произнес военный. – Переговоры с ними вести всегда было нецелесообразно, что в прошлом столетии, что в нынешнем. Пустая трата времени и сил.

– И тем не менее ее величество королева Виктория приняла окончательное решение, – продолжил лорд Филдинг. – «Следует научить их уважать свободную торговлю. И я хочу быть убеждена, что именно Британия сделает это. Тот, кто заполучит Китай, будет владеть всем Востоком» – таковы ее слова, с которыми невозможно не согласиться. Этот рынок и эти ресурсы мы упустить не имеем права. С севера на китайцев нападают русские, с востока нацелились американцы. Так что в самое ближайшее время следует готовиться к всестороннему развитию отношений с Китаем.

Полковник Траутман покачал головой:

– Если под этими словами имеется в виду высадка войск на материк, то буду пессимистичен. Взять под контроль острова мы сумеем, однако на континенте шансы у нас невелики.

Толстяк Кинзи шмыгнул носом-пуговкой и удивленно вытаращился на собеседника:

– Неужели их армия и флот так внушительны, что британской короне с ними не совладать?!

Полковник потряс в воздухе ладонью, будто стряхивая с нее невидимые капли.

– Их флот – полная чепуха! Утлые лодчонки под командой неумелых мореходов! Мы легко сможем разбить их в любом месте! Однако следует помнить – мы высаживаемся в страну, населенную таким сбродом и так густо, что запросто увязнем там, едва сойдем на берег. Пусть их армия непригодна для войны, но ведь придется иметь дело чуть ли не со всем населением, весьма враждебным к чужакам. А это, если я не ошибаюсь, четыреста миллионов человек.

– Намного больше, чем индусов, – подтвердил лорд Филдинг. – Миллионов на пятьдесят, по самым приблизительным подсчетам. Вы знаете, с какими трудностями столкнулась Британская торговая компания в этих землях. Наши предложения туземцев не заинтересовали, а вот их продукция, наоборот, оказалась весьма востребованной в Европе. Но отступить мы не имели права. Джентльмены, ни для кого из вас не секрет, что для такого огромного рынка нами был найден превосходный товар, с помощью которого мы с легкостью потеснили итальянцев и русских с их стеклом и мехами. Наконец-то положительный торговый баланс с Китаем достигнут и твердо удерживается. Ост-Индская компания утратила монополию на продажу, и дела резко пошли вверх. Лишь за прошедший год было продано две тысячи тонн. Кроме того, теперь мы имеем возможность влиять на живую силу противника. А уж то, что китайцы нам отнюдь не друзья и никогда ими не станут, думаю, полковник подтвердит?

Сэмюэль Траутман лишь молча кивнул, как бы в ответ на очевидное.

– А что же сами туземцы? – Мистер Кинзи, казалось, обеспокоился положением дел. – Ведь такой оборот радовать их не может... Насколько серьезны чинимые ими препятствия?

– Весьма серьезны, смею вас заверить, – вздохнул Филдинг. – Прошлой весной мы потеряли свыше двадцати тысяч ящиков и сверх того около двух тысяч тюков. После блокирования китайскими войсками наших факторий в Гуанчжоу и мы, и американцы были вынуждены сдать товар императорскому чрезвычайному уполномоченному. Восемь миллионов фунтов – и все это сброшено в воду!

– Этот чертов Линь Цзэсюй! – воскликнул полковник и его глаза вспыхнули гневом. – Вот уж кто попортил нам крови!

– Еще как! – резко клюнул носом воздух лорд Филдинг, словно из солидарности с военным на мгновение растеряв свое хладнокровие. – Уничтожил весь наш запас товара, а право на торговлю стал выдавать лишь тем, кто соглашался на подписку об отказе провозить контрабанду. Большинство предпринимателей решили продолжать коммерцию, не обращая внимания на указы чиновника. Весьма непростой человек, доложу вам, джентльмены, этот уполномоченный Линь! Мы не сразу оценили его непреклонность и решительность. Поначалу приняли его за очередного подхалима маньчжурской династии, проходимца, купившего должность, как большинство китайских чинуш. Жестокая ошибка! Он оказался ревностным слугой и пылким радетелем государства. К тому же, как мы разузнали, увлекается философией и является основателем одного из поэтических обществ... Ну скажите на милость, кто мог ожидать от человека, склонного к рифмованию и раздумьям об отвлеченных материях, таких решительных и жестких действий! К лету он оттеснил и блокировал наших представителей в Макао и не просто вставил палки в колеса своими запретами, а расколол всю налаженную систему торговли окончательно. У китайского императора от успехов его наместника взыграл боевой дух, и этот Сын Неба объявил о закрытости своей страны для коммерческой деятельности британцев. Нынешней зимой нашим кораблям пришлось покинуть Гуанчжоу. Только тогда в Лондоне наконец-то осознали всю серьезность положения дел и принялись готовить новую экспедицию. К концу марта или началу апреля корпус будет сформирован и выслан.

– Насколько я знаю, осознали они не до конца, – подал голос полковник. – Собираются

силами четырех полков и двумя ротами артиллерии произвести впечатление на тамошнюю публику. Это у них получится, но ровно до тех пор, пока мы будем на воде. Капитан Линдсей еще несколько лет назад на своем корабле тайно обследовал ключевые порты: Фучжоу, Сямэнь, Нинбо и Шанхай. Взять их под контроль не составит особого труда. Но что дальше? Как можно рассчитывать обойтись тремя тысячами человек – не представляю... Император у них – крепкий орешек...

Траутман прижал кулак к губам, сдерживая кашель, – от волнения говорить дальше он не смог.

Мистер Кинзи в очередной раз посмотрел на часы и озабоченно обратился к собеседникам:

– Однако, время позднее, господа. Наш гость задерживается. Опасаюсь, не размыло ли дорогу, в такую-то непогоду...

– Ерунда! – фыркнул полковник. – Британский офицер обязан преодолевать любые препятствия, встань хоть сам дьявол на его пути. Впрочем, я слышал, этот ваш гость еще совсем молокосос, простите великодушно за грубость...

Едва вояка закончил раздраженную тираду – остальные отнеслись с пониманием к словам человека, чье здоровье подорвано тяжелыми условиями службы ее величеству – как раздался негромкий стук и в двери курительной комнаты шаркающей походкой вошел дряхлый дворецкий.

– А, старина Хоуп, вы весьма вовремя! – оживился Филдинг. – Распорядитесь насчет освещения, уже совсем стемнело, а мы с минуты на минуту ожидаем важного визитера.

Дворецкий склонил голову, словно раздумывая над услышанным, затем выпрямился по-военному и, важно шевеля седыми усами, доложил:

– Лампы принесут сейчас же, сэр.

И действительно, трое слуг возникли из-за спины старика и расставили керосиновые светильники. Комната озарилась теплой желтизной, проступили золотые узоры тяжелых портьер, матово заблестела отменная кожа кресел, стал виден густой ворс широкого ковра под ногами джентльменов. Облик мистера Кинзи принял сдобный и лоснящийся вид, под глазами лорда Филдинга обозначились темные полукружья, а на лице полковника Траутмана проявились еще сохранившиеся следы тропической экспедиции – не до конца сошедший загар сливался с болезненной желтизной кожи.

Дворецкий, убедившись, что освещения вполне достаточно, повернулся к дверям. Постоял минуту, будто размышляя над чем-то. Его внимательный взгляд из-под кустистых бровей уловил движение за неплотно прикрытыми створками, а крупное ухо, поросшее седым волосом, распознало негромкие голоса. Несмотря на возраст, Хоуп мог дать молодым сто очков вперед в наблюдательности и чутье. Старость изрядно подпортила его кости и суставы, но пощадила голову – та до сих пор ясно соображала, а зрению и слуху дворецкого могли позавидовать самые заядлые охотники графства.

Он повернулся, попытавшись сделать это по-военному браво, но слегка покачнулся. Удержав равновесие, принял торжественный вид и объявил:

– Сэр Генри Уинсли только что прибыл в замок и испрашает аудиенции!

Филдинг всплеснул руками:

– Боже мой, Уильям, молодой человек проделал такой путь и томится за дверями! Да еще и, как вы изволили выразиться, «испрашает»!

Одна из бровей лорда Филдинга иронично дрогнула. Однако дворецкий, не изменившись в лице, важно подтвердил:

– Именно так, сэр!

– Зовите его скорее, Хоуп! – заерзал пуще прежнего Кинзи и протянул руки к журнальному столику перед собой. – Ну наконец-то!

Дотянуться до стоявшей на полированном дереве плоской шкатулки ему не удалось. Тогда толстяк соскочил со своего места, сцапал ее, открыл, тут же захлопнул, сунул под мышку и запрыгнул обратно в кресло, явив необычайную для своей комплекции ловкость и резвость. Шкатулку он положил на свои круглые колени и принялся наглаживать украшенную орнаментом крышку.

Лорд Филдинг умело скрыл улыбку, наблюдая за суетой собеседника, а полковник Траутман недоуменно подвигал бровями, выражая свое отношение к штатским лицам.

Седой Хоуп набрал воздуха во впалую грудь и, придав лицу торжественное выражение, объявил надтреснутым старческим голосом:

– Сэр Генри Уинсли, капитан флота ее величества, по особому приглашению его лордства...

Неожиданно голос дворецкого осекся и рассыпался мелким кашлем.

– Оставьте, Уильямс, оставьте! – махнул рукой Филдинг и крикнул в сторону дверей: – Сэр Уинсли, входите же скорее, мы вас ждали!

В курительную быстрым шагом ворвался молодой человек в синем двубортном кителе с белыми лацканами и обшлагами, на которых виднелись разводы второпях оттертой грязи. Тщательно вымытые сапоги еще влажно блестели. На плечах визитера красовались эполеты с серебряным якорем, что говорило о небольшой выслуге лет. Лицо его было невозмутимо, глаза смотрели твердо, и лишь голос, зазвеневший чуть громче, чем положено, да румянец на бледных щеках выдавали волнение вошедшего:

– Джентльмены, приношу извинения за возникшую задержку! Дорогу развезло совершенно. В пяти милях от Мортлейка наш экипаж перевернулся, и остаток пути пришлось проделать пешком. Но британский офицер обязан преодолевать любые препятствия, встань на его пути хоть сам дьявол! И вот я здесь!

Последние слова капитан Уинсли произнес уже тише, с недоумением глядя на собравшихся в комнате – мистер Кинзи заливисто расхохотался, лорд Филдинг, улыбаясь одними глазами, сохранял невозмутимость на лице и поглядывал на полковника Траутмана, который в смущении принялся откашливаться в кулак и покачивать головой.

– И вы нас извините, Генри, – по-свойски обратился Филдинг к замершему неподалеку от дверей капитану. – Мы как раз обсуждали свойства военного человека перед вашим прибытием. Вы подтвердили и наши догадки, и правоту полковника Сэмюэля Траутмана. Вот он, кстати, перед вами.

Военные обменялись быстрыми прощупывающими взглядами и сухими кивками.

– Меня вы знаете достаточно давно, – посерьезнев, продолжил лорд. – А это, позвольте представить, мистер Джордж Кинзи, о котором вы наверняка слышали, а теперь имеете возможность познакомиться лично.

Толстяк приветственно улыбнулся. Шкатулку он не выпускал из рук и продолжал ее поглаживать, будто на коленях у него расположилась кошка.

– Прошу садиться, Генри, – Филдинг повел рукой в сторону свободного кресла, поставленного к камину ближе остальных. – Здесь вы наверняка согреетесь. Плед, виски?

– Благодарю вас, лорд Филдинг, я в порядке! – Капитан сел и знаком дал понять дворецкому, что ни в чем пока не нуждается.

Тот чинно качнул подбородком и направился к выходу.

– Распорядиться подать чаю, сэр? – уже на пороге обернулся Хоуп и, по-старчески часто моргая, посмотрел на лорда.

Филдинг почесал нос и кивнул.

– Белый индийский, сэр? – угадывая настроение хозяина, спросил дворецкий

– Нет-нет, Уильямс, сегодня впору будет какой-нибудь китайский сорт. – Филдинг впервые за все время нахождения в курительной комнате улыбнулся, растянув узкие

губы. – Позаботьтесь о молочном *улу* для нас, и пусть принесут *пуэр* для полковника и капитана – военные люди любят сорта покрепче!

Траутман и Уинсли одновременно едва заметно кивнули в знак согласия.

Хоуп наморщил лоб, важно пошевелил усами, учтиво склонил седую голову и вышел, заметно подволакивая ногу.

– Сколько же ему лет? – поинтересовался Кинзи, глядя вслед дворецкому. – Помню его еще с тех пор, когда я был строен и носил кэмбриджский плащ!.. А он уже тогда был стариком!

– Наш Уильям действительно весьма почтенного возраста, – согласился Филдинг. – Их семейство служит Ордену не одно поколение. В частности, его внук – камердинер в Эшли, откуда мы все с нетерпением ждали сегодня нашего гостя и наконец дождались.

– Так точно, джентльмены. Энтони Хоуп – превосходный слуга, не имеющий нареканий! – отчеканил капитан Уинсли не без некоторой гордости за родное имение.

Румянец на его чуть удлинённом породистом лице медленно угасал, взгляд серых глаз стал внимателен и сосредоточен.

Сэр Филдинг откинулся на высокую спинку кресла, опустил кисти рук на острые колени и забарабанил по ним длинными пальцами. Встреча с молодым капитаном явно вызвала в нем возбуждение и азарт, как у охотника.

– Время действовать пришло, джентльмены. Оставим в стороне всю эту предварительную болтовню. Перейдем сразу к главному. Мистер Кинзи, вам слово!

Услышав слова Филдинга, толстяк оживился. Бережно лелея шкатулку, он взглянул первым делом на Траутмана и голосом, полным значимости, сказал:

– Наш дорогой полковник сомневался, достаточно ли хорошо понимают в Лондоне ситуацию с Китаем. Смею заверить – осознают превосходно. Именно потому наш Орден получает карт-бланш на...

Кинзи выдержал недолгую паузу, во время которой прикрыл глаза и пожевал губами, как бы подбирая слово по вкусу.

– На проведение, скажем так, некоторых особых мероприятий в Китае и прилегающих к нему территориях, – выдал наконец коротышка и весомо хлопнул по крышке шкатулки. – На начальном этапе основную работу проделывают морские силы ее величества, расчищая территориальные воды от сил туземцев. Флотилия из сорока кораблей уже готова к отправке из Индии. Эскадра адмирала Эллиота с экспедиционным корпусом займется блокировкой устьев рек и высадкой на архипелаги. Надеюсь, трудностей на этой стадии возникнуть не должно. Как считают господа военные?

В этот момент двери комнаты распахнулись и трое слуг под предводительством Уильяма Хоупа вошли с подносами в руках. Споро расставив по столикам чашки и чайники, они взглянули на дворецкого. Тот, окинув комнату взором полководца, удовлетворенно кивнул и преданно посмотрел на лорда Филдинга. Желая быстрее освободиться от помехи для разговора, хозяин изящным движением пальцев разрешил прислуге удалиться.

– Прошу, джентльмены! – сказал лорд Филдинг, едва створки дверей затворились. – Угощайтесь, и жду ваших мнений.

– Их так называемый флот – это всего лишь сборище рыболовецких шхун. Один британский корабль может пустить на дно как минимум десяток китайских, – заявил полковник, с удовольствием глотнув крепкого чая.

– Позвольте не согласиться, сэр! – неожиданно ответил Генри Уинсли и поставил свою чашку на блюдце.

Траутман кашлянул и с недоумением посмотрел на молодого капитана. Остальные джентльмены переглянулись и выжидающе замерли.

– Вы сомневаетесь в силе британского флота? – оправился от удивления полковник, но

по его голосу было понятно: старый вояка возмущен до глубины души.

Генри Уинсли выпрямил спину и отчеканил:

– Сэр, если бы я хоть на миг сомневался в могуществе королевских сил, я не имел бы права носить офицерскую форму. Но мое убеждение таково – один британский корабль способен уничтожить весь китайский флот.

Полковник Траутман благосклонным кивком оценил ответ молодого офицера. Однако в разговор неожиданно вмешался лорд Филдинг:

– Джентльмены, я восхищен вашим патриотизмом и верой в победу. Однако позвольте кое-что пояснить. Китайцы – это народ, наделенный обостренным чувством справедливости. И они верят, что вся жизнь должна быть посвящена борьбе за достижение этой самой справедливости. А такая вера способна разрушить любой боевой корабль. Она готова противостоять всей нашей мощи, как военной, так и торговой.

Джентльмены внимательно слушали. Лорд воодушевленно продолжал:

– Мы уже испытали значительные трудности с реализацией товара – именно из-за убежденности туземцев в несправедливости британской коммерции. Позвольте вас ознакомить с депешей, отправленной в Запретный город ранее упоминавшимся императорским уполномоченным в Гуанчжоу. Больших трудов стоило нашей агентуре перехватить этот документ...

Филдинг протянул руку к столику. Ему, в отличие от Кинзи, не составило труда взять, не вставая с кресла, нужную вещь, а именно – листок бумаги. Развернув его, лорд откашлялся и, придав голосу нотки сарказма, зачитал:

– «От наместника Линь. В столицу, срочно! Небесная империя под ударом! Беспечное пользование опиумом становится серьезной угрозой. По моему мнению, наше бездействие губительно. Если сейчас же не принять мер, меньше чем за десяток лет случится истощение и падение династии Цин. Иностранцы могут завоевать нашу нацию, даже не используя силу». Вот такой крик китайской души. От себя добавлю – так бы и случилось, не вздумай этот Линь и ему подобные сорвать торговлю. Что скажете, джентльмены?

Филдинг обвел взглядом сидевших в креслах.

– Десяти лет у нас в распоряжении нет, – хмуро обронил полковник Траутман.

– Боюсь, мы не располагаем и половиной этого срока, – взял слово мистер Кинзи. – Русские, американцы, французы дышат нам в затылок. Следовательно, мы вынуждены форсировать события.

– Устроить славную заварушку внутри страны теми силами, что выделены правительством, – решительно невозможно! – весомо заключил Траутман и досадливо нахохлился, став похожим на обиженного индюка.

– Национально-освободительная борьба... – словно в раздумье произнес Генри Уинсли. – Нужно заставить забродить всю эту массу изнутри...

Кинзи кинул на него восхищенный взор и переглянулся с Филдингом.

– Совершенно верно, Генри, – сказал лорд, не скрывая довольной улыбки. – И миссию вложить закваску в самую сердцевину Китая наш Орден возлагает именно на вас.

Хотя капитану и удалось сохранить бесстрастное выражение лица, но глаза его лихорадочно заблестели. Осознание важности предстоящих дел и его роли в них окрыляло молодого военного.

– Собственно, с высадкой нашей экспедиции и начинается второй этап мероприятия, – продолжил мистер Кинзи и щелкнул замком.

Приоткрыв шкатулку, он наклонил ее так, чтобы сидящим стало видно, что находится в середине. Серебристое свечение озарило внутреннюю сторону крышки и, подобно лунному свету, упало на лицо капитана Уинсли, сидевшего ближе всех к толстяку.

– Наша агентура активно – вопреки крайне неблагоприятным условиям – работает на

материковом Китае с потенциальными лидерами будущего восстания, – с гордостью заявил лорд Филдинг, оторвав взгляд от содержимого шкатулки и переведя его на Уинсли. – Отмечено несколько перспективных кандидатур. От вас же, Генри, в дальнейшем зависит выбор конкретного предводителя и, соответственно, одного из предоставляемых Орденом артефактов. Остальные должны остаться при вас и затем быть возвращены в срок, который мы оговорим позже. Разумеется, я имею в виду фигурки, а не туземцев.

Собравшиеся рассмеялись. Полковник Траутман вновь закашлялся, и, когда его надсадное «кхах-кха-хах!» стихло, мистер Кинзи плотоядно облизнул губы и добавил:

– Самое сильное оружие китайцев – а это, как нам поведал знаток их жизни лорд Филдинг, чувство справедливости – надо обратить против них самих. Вернее, против захвативших их страну иноземцев – жестоких маньчжуров, поработивших свободолюбивый народ Поднебесной. Одно унижение национальной гордости чего стоит! Виданное ли дело, насильно впихивать людей в чуждые им одежды и обривать полголовы под страхом отрубания оной! В то время как технический прогресс и свобода торговли шествуют по земному шару рука об руку, правящая династия захватчиков держит Китай в мировой изоляции, заставляя народ страдать! Такое положение вещей недопустимо!

Увлечшись собственной речью, мистер Кинзи сунул шкатулку под мышку, чтобы освободить правую руку, которую он поэтически вознес к потолку. Его совиные глаза возмущенно моргнули несколько раз подряд. Казалось, толстяк воспринял угнетение коренного населения далекого Китая весьма близко к сердцу.

Однако воодушевление покинуло его довольно быстро. Опустив руку, Кинзи хлопнул себя по колену и деловито добавил:

– Следует преподать всему миру хороший урок. Иначе вслед за китайскими наглецами выстроится целая очередь из желающих показать кукиш британской короне. Примерное наказание вразумит остальных.

– Именно так, – подхватил лорд Филдинг. – Как гласит их пословица: «Убей петуха, чтобы испугать обезьяну!»

– Итак, Генри, вы лично доставите артефакты на место, – важно заявил Кинзи. – За вами и выбор подходящих фигур. Досье на лиц, кому будут оказаны доверие и честь возглавить борьбу против циньской династии, вам выдадут по прибытии. Рекомендуем прислушаться и к устным характеристикам нашей агентуры – сведения пополняются ежедневно. Артефакты вы заберете прямо сейчас у меня и с момента получения отвечаете за их сохранность.

Договорив, Кинзи вытянул вперед короткие руки. На пухлых ладонях лежала заветная шкатулка.

Уинсли легко вскочил с кресла и сделал пару шагов в сторону восседавшего рядом толстяка.

Передача прошла быстро и обыденно, без торжественных фраз и протоколов.

Капитан расстегнул ворот кителя, убрал шкатулку во внутренний карман и вернулся на место, как ни в чем не бывало. Словно возле его сердца не покоились в резном ящичке, размером чуть больше обычного портсигара, предметы, способные перевернуть мир.

Лорд Филдинг, оценив самообладание молодого и перспективного члена Ордена, коснулся пальцами лба. Будто вспомнив о чем-то, взглянул на полковника и осведомился:

– Какая-нибудь дополнительная информация об артефактах противника у нас появилась?

Траутман покачал головой:

– На след Дракона мы пока не напали. Тигр предположительно находится у одного из менял в Пекине, мы ищем выходы на него. На территории Китая могут храниться еще несколько фигурок. Вероятно, даже Цилян. Хотя доподлинно мы не знаем. Что касается

императорского дворца, внедрение туда на данный момент не представляется возможным. Остается силовой вариант.

– Третий этап мероприятия, – с энтузиазмом подхватил мистер Кинзи. – Взятие китайской столицы и непосредственно Запретного города. Подготовленные люди проникнут за стены с повстанцами или нашими войсками и проведут тщательнейшее расследование. Не исключено – могут «всплыть» артефакты, считающиеся утерянными. Вы знаете, такое случается, особенно в восточных деспотических государствах. Контроль Ордена за перемещением Предметов там осложнен.

– Как с артефактом монгольского завоевателя? – проявив осведомленность, вмешался в разговор капитан Уинсли. – Тот считался утраченным, пока не объявился в Московии три столетия назад, если не ошибаюсь.

– Вы совершенно правы, Генри, – благосклонно кивнул Филдинг. – Предмет Волк был захоронен вместе с великим ханом в секретном месте, которое Ордену отыскать не удавалось. Зато на него случайно наткнулось некое кочевое племя. Фигурка долгое время находилась в руках различных азиатских князьков, не сумевших использовать ее потенциал в полную силу, пока не попала к самому удачливому из них.

– Тому самому, кто стал первым русским царем, – вставил мистер Кинзи. – Подумать только, именно с Ивана и начались наши проблемы с Россией. Было серьезным упущением проглядеть стремительное усиление и разрастание территорий этой дикой страны.

– Хорошо, что его сватовство к королеве Елизавете осталось безрезультатным, – желчно усмехнулся лорд Филдинг. – Иначе не миновала бы бедную Англию участь стать одной из русских губерний.

Тень брезгливости пробежала по лицам собравшихся джентльменов.

– А Предмет Волк снова исчез после смерти обладателя. Прослеживается закономерность. У нас есть предположения, где он может находиться, и мы работаем над сбором более точной информации. Русским нельзя позволить заполучить эту вещь опять. Иначе мы будем иметь дело с империей, равных которой в истории не было.

Филдинг замолчал, задумчиво глядя на огонь.

В курительной комнате вновь воцарилась долгая тишина, нарушаемая лишь стуком дождя по окнам да легким потрескиванием, доносившимся из камина

Первым ее опять нарушил мистер Кинзи, живой характер которого требовал общения:

– Нелегкие времена ожидают Британию, джентльмены. Противники весьма впечатляющие. Одна надежда – нашими инструментами мы по-прежнему в силах расколоть любую твердыню, как орех!

Для убедительности толстяк стукнул кулаком по подлокотнику кресла. Удар вышел слабым и мягким. Полковник Траутман отметил это едва различимым хмыканьем.

– А что, Генри, насчет вашего наследника? – поспешно обратился Кинзи к капитану, желая переключить внимание на другого. – Мы слышали, ваша супруга родила на прошлой неделе славного мальчугана?

Капитан Уинсли зарделся и потянулся за чашкой.

– Так точно, сэр. Малыш родился в минувший вторник, – смущенно проронил он.

– Поздравляем! – оживился лорд Филдинг. – И какое же имя для него выбрано, позвольте полюбопытствовать?

Генри откашлялся и по-военному чеканно доложил:

– Артур, сэр. Артур Уинсли.

Филдинг одобрительно кивнул:

– Замечательное, звучное имя! Не сомневаемся, он будет достойным продолжателем дела своего отца и всего нашего Ордена!

– Надеюсь, он унаследует военную стезю. Ему есть с кого брать пример! – добавил

полковник Траутман, в ходе разговора переменявший отношение к молодому капитану на уважительное и слегка покровительственное.

Румянец полыхнул на щеках Генри еще сильнее. Военный с благодарностью выслушивал поздравления и сожаления о том, что неотложные дела Ордена не позволяют молодому отцу побыть с супругой и первенцем подольше.

Через четверть часа вновь появился старина Хоуп и доложил о том, что сменный экипаж готов.

Капитан Уинсли поднялся из кресла, попрощался с собеседниками, вежливо отказался от предстоявшего ужина и энергичным шагом покинул курительную комнату.

– Славный офицер, – негромко сказал лорд Филдинг, когда двери за капитаном закрылись. – За его родом большое будущее, попомните мои слова, джентльмены.

– Отменный служака! – согласился простоватый полковник.

– Идеальный представитель Королевства и Ордена, – кивнул мистер Кинзи и потянулся к сигарному ящику.

Дождь снаружи забарабанил, казалось, с удвоенной силой, но сидевших в уютных креслах людей непогода не беспокоила. Чая и сигар было вдоволь. Впереди джентльменов ожидало угощение гостеприимного лорда. Вечерний вист, к сожалению, отменялся из-за нехватки одного из партнеров. Но члены Ордена понимали: неотложные дела белой цивилизации важнее карточных игр. Тем более, вскоре ожидалась игра столь масштабная, что несколькими партиями за зеленым сукном можно было и пренебречь.

(три месяца спустя)

Нестерпимое солнце застыло в зените. Ослепительный белый глаз взирал на распластанный под ним мир.

Колыхался в знойном мареве пыльный городок, притулившийся у подножия двух покрытых плотными зарослями холмов. Вбирали жар серые камни и черепичные крыши. Морщинаялась поверхность широкой бухты, дробилась солнечными бликами, лениво набегала на камни и отступала. Каждый раз волны приносили новые свидетельства вчерашних событий. Груды расщепленного дерева – бывшие мачты, палубы и борта. Рваные полотнища плетенных из тростника парусов. Матерчатая обувь, острые соломенные шляпы, клочки одежды и куски человеческой плоти покрывали всю кромку берега. Между изуродованными телами уже начинали деловито сновать бурые крабы с задранными, словно в торжествующем жесте, клешнями. Чайки, еще встревоженные недавней канонадой, выписывали в воздухе круги, но наиболее смелые уже устремлялись вниз, падали на качавшихся в зеленой воде покойников и нетерпеливо расклевывали солоноватое мясо.

Жгучий солнечный свет стекал по хищным обводам кораблей, замерших у входа в бухту, заливал их палубы и пытался проникнуть через откинутые люки в сумрачные трюмы, выхватывая мелькавшие там закопченные лица и потные торсы. Вяло колыхались иноземные флаги – красный крест на сине-белом фоне. То и дело вспыхивали блики подозрительных труб – с кораблей пристально наблюдали за берегом.

Население городка все еще таилось по домам, с содроганием вспоминая ужас вчерашнего дня. Сражение разыгралось ближе к закату. Десятки военных джонок устремились к возвышавшимся, будто скалы над гладью бухты, кораблям иноземцев. И началось страшное. Долгие вечерние часы казалось, что армия демонов с жутким треском колотила над морем орехи, а кто-то огромный, ростом выше священной горы, хлопал дверью величиной с полнеба, отчего в жилищах смертных все подпрыгивало и ходило ходуном. Вышедшая из-за холмов луна пролила обморочный свет на бурлящую воду – те, кто уцелел

под орудийным огнем, покидали разбитые джонки и пытались вплавь добраться до берега. С кораблей по спасавшимся велась ружейная стрельба. Порой от темных бортов хлестали длинные яркие языки, и через миг над головами цеплявшихся за обломки лодок людей распускались пепельные в лунном свете облачка. Раздавался звук, будто рвалась ткань и ломались ветки, и волны вскипали от ударов шрапнели. К рассвету все закончилось и наступило затишье.

Эта неопределенность тяготила жителей больше всего. На берег никто не высадился, хотя еще ночью по бухте сновали шлюпки пришельцев, но, похоже, их задачей было лишь истребление несчастных моряков.

Корабли чужаков темными тушами застыли в сияющей воде. Те немногие смельчаки, что рискнули поутру пробраться к берегу, затруднялись разглядеть происходящее на палубах. Открытые пушечные порты издали выглядели неопасными окошками на крутых бортах, жерл орудий и вовсе невозможно было разобрать.

К полудню любопытство пересилило страх. Держась на расстоянии от выброшенных на камни останков, толпа густела, росла. Пятна смуглых лиц сливались в бронзовое единство. Чиновники, торговцы, рыбаки, крестьяне, их жены и дети взирали на последствия прибытия чужаков. Взгляды металась между страшным урожаем минувшей битвы и грозными силуэтами замерших в бухте кораблей. Тягостное молчание царило у кромки – лишь резкие крики чаек да вкрадчивый шелест волн нарушали тишину.

Одуряющий зной мутным киселем переливался над сушей и водой, над живыми и мертвыми.

И вот тогда, неожиданно разорвав затянувшееся безмолвие, гулко ударило с ближайшего к берегу трехпалубного корабля. С неба раздался тяжелый рокошующий звук, ежесекундно нараставший, будто по гранитным плитам стремительно катился громадный чугунный шар. Многие из столпившихся у берега задрали головы – но ничего, кроме исступленного солнца, увидеть не могли. Через миг – бриз лишь начал стелить дым от борта корабля по воде и относить в сторону – земля содрогнулась под ногами жителей. За их спинами, там, где возвышалась пагода, жажнуло с такой силой, что куча народа повалилась на землю – схватившись за головы, корчась в пыли, разева рты. Взметнулся огромный веер из кусков глины и черепицы. Клубы пыли, матовые в солнечном свете, всплыли над местом попадания, а следом повалил жирный черный дым, пополз во все стороны по переулкам.

Вслед за пристрелочным выстрелом с корабля грянул мощный залп – прерывисто ахнуло над водой, вспучилось белесым облаком, коротко загремело и засвистело, ломаясь эхом между холмами. Словно от ударов гигантского молота разлетелись хлипкие стены глиняных домов. Ужасающий грохот растолкнул воздух. Фигурки людей на набережной опрокинулись. Одни остались лежать, а другие побежали в разные стороны, прочь от моря, карабкаясь по уходящим к холмам улочкам.

И тут с верхних палуб сразу нескольких кораблей высунулись продолговатые морды орудий, выплюнули почти неразличимые в полуденном свете белые языки пламени. Через миг тут и там над обезумевшими от страха людьми начали появляться и раскатисто лопаться круглые комочки – поначалу довольно высоко, но со вторым залпом уже значительно ниже, почти над самыми головами в платках и широкополых шляпах. Каждый клубок, разорвавшийся в раскаленном воздухе, выкашивал десятки жертв, приминал людей, как грозовой шквал рисовые всходы. Кровь и ошметки плоти щедро летели на руины и пыльную землю. Визг и крики тонули в треске новых шрапнельных разрывов. Раненые – липко-красные, переломанные, с дико разинутыми глазами – судорожно цеплялись за камни и пытались ползти, но очередной дымный шар зарождался над ними и лупил стальным градом с беспощадной, нечеловеческой силой.

Дым, пыль и пепел завесили небо, скрыли палящее солнце...

...Адмирал Джордж Эллиот опустил подзорную трубу. Не складывая, передал ее одному из стоявших рядом офицеров и жестом велел свите покинуть мостик.

– Уинсли, – процедил адмирал, неотрывно глядя на задымленный берег. – А вас я попрошу остаться.

– Есть, сэр! – капитан Генри Уинсли, который на этот раз оказался облачен в красный мундир Королевской морской пехоты, замер на месте.

Около пяти долгих минут на мостике не было проронено ни слова.

Адмирал по-прежнему смотрел на разбитый артиллерией городок. Подбородок его тяжело выступал вперед, губы плотно смыкались, к их опущенным уголкам сбегали глубокие носогубные складки.

Стоя навытяжку, капитан пытался сохранить отрешенное выражение лица, но краем глаза внимательно следил за погруженным в созерцание последствий обстрела грозным командующим.

– Продолжаете считать это недопустимым, капитан? – наконец сухо произнес адмирал. – Бесчеловечным и варварским уничтожением?

– У них ведь не было даже крепости, сэр! – ответил Уинсли звенящим голосом. – Их подобие флота мы разбили. Но берег... Там были одни гражданские лица!

Адмирал усмехнулся.

– Вы можете поручиться, что дело обстояло именно так? – поинтересовался он тоном, не предполагавшим ответа.

Как и ожидалось, капитан промолчал.

– В таком случае, Генри, – неожиданно мягко сказал адмирал и повернул голову к младшему офицеру. – В таком случае напоминаю вам, что лишь Ордену решать, что на самом деле гуманно, а что – нет.

Капитан встретился взглядом с адмиралом, вздрогнул и вытянулся еще сильнее. Несмотря на дружелюбный тон, выражение лица Эллиота сохранялось крайне мрачным.

Тот продолжил, указывая пальцем на дымящиеся развалины:

– И если Орден посчитает необходимой высадку пехоты на остров с целью очистки его от туземцев – вы будете возглавлять эту операцию. Потому что она в интересах Ордена. А вы действуете в его же интересах, отвечая за сохранность Предметов. Вам все понятно, капитан Уинсли?

Глядя в разноцветные глаза адмирала Эллиота, капитан Генри Уинсли четко ответил:

– Так точно, сэр!

ГЛАВА 1

РИКША

Нынешняя зима в Пекине выдалась на редкость морозной и бесснежной. Небо затянуло грязной пеленой. Ветер нес тучи колкой песчаной пыли из далекой пустыни. Завывая, швырял ее в дверные и оконные щели, выдувал тепло из жилищ, трепал одежду прохожих. За наглухо закрытыми ставнями зябли в холодных постелях горожане. Дрожь, кашель, озноб, скрип песка на зубах. Беспросветные унылые дни, длинные стылые ночи. Раскачивались блеклые от непогоды фонарики харчевен, трещали полотнища флагов над городскими стенами, слетали вывески, катился вдоль улиц мусор, горбились фигурки людей. Порой можно было передвигаться лишь на ощупь, хорошенько обмотав лицо тряпкой – иначе пыль так забьет глаза, нос и рот, что ослепнешь, а то и задохнешься. Песок и холод проникали повсюду.

Хозяин чайной лавки дядюшка Чжень кутался в стеганный халат и потирал руки – не

столько от стужи, сколько от предвкушения прибыли. Зима – тяжелое время для рабочего люда. Каждую неделю замерзают десятки человек, в основном бездомные или несчастные *кули*, но и в жилищах погибают целые семейства. Уголь неслыханно подорожал, торговцы благодарили Небо и взвинчивали цену день ото дня. Не каждый горожанин мог позволить себе заснуть в тепле, многие треноги и жаровни стояли погасшими. Чем согреться в такое ненастье? Вечерами – стаканчиком душистой водки. Ну а утром и днем – конечно, чаем. Его у дядюшки Чжэня – на любой кошелек и вкус. Посудники и лудильщики из окрестных лавок присылали подмастерьев за терпким темным сортом пуэра – *шу*, уже заваренным в стеклянной посуде – дешевые глиняные чайники для него не годятся. Хозяйки соседних домов приходили за развесным золотисто-коричневым *шен*. А рикши забегали выпить пару чашек подслащенного *улуна*, чтобы восстановить силы. Даже оборванцы-*кулины* нуждались хотя бы в стакане кипятка, а иначе к концу дня упадут рядом со своими бамбуковыми жердями и корзинами и превратятся в кучу мерзлого тряпья.

В лавке дядюшки Чжэня царили уют и тепло. Рубиново переливались угли на жаровне, побулькивал на спиртовке чайник. Пахло запаренными листьями и разопревшим деревом. День сегодня выдался удачный. Много клиентов, неплохая выручка.

– Никого не жалея, никому не давая товар в долг! – пересчитывая монеты и топорща редкие седые усы, поучал пожилой лавочник помощника. – Помни, чем заканчивается сострадание – никто тебе не вернет причитающегося. Взять того же полоумного Фэна, что решил торговать овощами. И что с ним случилось – опился водкой и умер прямо на улице. Подумать только! С юности горбатился на стройках и погрузках, а на старости лет решил уйти в торговлю... Разжился коромыслом, корзинами, на последние гроши закупил бобов да мерзлой капусты и давай ходить по улицам, покрикивать, будто он и впрямь заправский разносчик. Но кому такая еда нужна? Только совсем уж пропащим, так им даже и это купить не на что. А ведь Фэн и сам был из бедноты, поэтому и согласился в долг отпустить. Вот и разорился быстро! Запил с досады, а это дело до добра не доводило никого. Сердце-то у него было доброе, да вот голова дурная. Такому человеку нет места среди нашего брата! Знай – как трус непригоден для войска, так и человек с мягкой душой не годится для торговли. Какие могут быть чувства, если на кону дело и жизнь!

Дун Ли послушно кивнул. Это был широкоплечий малый с длинным шрамом на лбу. С наступлением холодов рубец багровел и выделялся сильнее, портя приятную внешность парня.

– Тебя не пожалел никто в свое время, и ты не обязан! – строго сказал дядюшка Чжэнь, покончив с подсчетом и берясь заскорузлыми пальцами за горячую чашку.

Хозяин был прав. Город – злая сила. В Пекине каждый сам за себя. Дун Ли давно уже убедился в этом. Ему, выходцу из шаньдунской деревеньки, притулившейся у подножия горы Тайшань, первые годы в Северной столице дались тяжело. Дома почти все соседи были родней, делили и радости, и беды. Все на виду. Чья-то семья копит утку или варит собачатину – вся деревня принимает. То и дело во двор, где идет готовка, заходят гости – взглянуть на процесс, дать совет, поделиться опытом. Если утром чей-то ребенок упал и поцарапал коленку – об этом к обеду становилось известно каждому обитателю. Женщины, уже обсудив событие, успевали сообщить мужьям – старшие дочери приносили новость на гору, в каменоломню, вместе с узелками с едой. А уж если случалась ссора между какими-либо супругами, деревня оживлялась и возбуждалась, как потревоженный курятник. Гвалт разрастался невероятный. Одни вставали на сторону мужа, другие защищали жену, а третьи просто с удовольствием наблюдали за драмой, насмехаясь над обеими сторонами, бегая по дворам и разнося всевозможные сплетни. Порой несколько дней, а то и неделю с лишним, деревушка не могла успокоиться – о причинах конфликта давно забыто, но люди никак не хотели расставаться с будоражащим событием. Но никто не в обиде, даже давно

замирившиеся супруги. Наконец появляется новая пища для пересудов – из одного двора пропала курица, и подозрение пало на кошку – разумеется, не собственную, а соседскую... И хотя глупая птица благополучно найдется спустя час, живой и здоровой, но гомон не угасает до позднего вечера – соседи ходят к друг другу мириться, а с ними и многочисленные свидетели разыгравшейся драмы с пропажей. Из курицы, ставшей причиной ссоры, сварен ароматный суп, и несправедливо обвиненные с удовольствием угощаются, нахваливая кулинарный талант хозяйки. Потчевать друг друга в деревне любили. Поводов имелось множество. В день поминовения, выпадавший на третий день третьего месяца по лунному календарю, все пекли красиво украшенные пряники; в восьмой день четвертого месяца приносили друг другу приготовленное на пару мясо; на праздник начала лета лепили пирожки с клейким рисом; в шестой день шестого месяца наступал срок первого сбора овощей; на праздник осени пеклись «лунные пряники»... И хотя продукты в каждом дворе использовались одни и те же, мастерство хозяек проявлялось в умении состряпать блюдо непохожим на соседское. Им следовало непременно угостить, чтобы выслушать похвалу, а затем провести в приятной беседе пару часов, присматривая за играющей ребятней.

Работали сообща, вместе ели, заботились о стариках и детях, праздновали и горевали. Только так уж сложилось, что в последнее время все больше случалось невзгод. То засуха, то ливни или морозы губили урожай, еды не хватало. Одна за другой закрывались каменоломни, кормившие всех окрестных жителей, – стройки горных храмов завершились, лестницы к вершине высечены. Когда не стало родителей, шестнадцатилетний Дун Ли, самый младший в семье, не пожелал продолжать семейное дело каменотесов. Оставив троих братьев и двух сестер, отправился в столицу на поиски лучшей жизни. С собой в дорогу взял лишь старое одеяло да лепешки, напеченные сестрами. Почти месяц шел пешком, выпрашивая горячей воды в попадавшихся на пути деревнях. Когда кончились припасы, работал за еду, нанимаясь носильщиком – чем ближе становился Пекин, тем больше людей сновало по дороге, многие тащили тяжелую поклажу. Город, словно огромная воронка, засасывал толпы народа из окрестных провинций. И вот как-то вечером, после очередного изнурительного дня, Дун Ли добрался до окраинных столичных поселков. Заночевав в наспех сооруженном шалаше, утром кое-как отмылся от грязи в холодной воде ручья и, подгоняемый голодом, направился в город.

Пекин ошеломил парня. Целыми днями Дун Ли слонялся по многолюдным улицам и рынкам, теряясь в зазывных криках, настойчивых уговорах, теребящих руках и визгливой разноголосице. Принюхивался к пряному запаху соленых овощей, млел от острого аромата, плывущего из лапшевен и пельменных. Заходил в аптечные лавки подивиться на множество мешков с душистыми сушеными травами и черными грибами. Любовался засахаренными, в потеках глазури, фруктами на палочках, но купить их не мог – денег не было вовсе. Тайком посматривал на высоченные стены Запретного города, за которыми виднелись желтые крыши дворцовых построек и густые кроны деревьев. Сглатывая слюну, вдыхал умопомрачительный пар харчевен. Пялился на резво бегущих возниц, в чьих колясках сидели важные горожане и попадались восхитительной красоты девицы. А порой взгляд его натывался и вовсе на нечто невообразимое – самые быстрые и успешные из рикш, те, что в любую погоду щеголяют в куртках с длинными рукавами и белых штанах, подхваченных у щиколоток тесьмой, перевозили диковинно разодетых *ян гуэй цзе*. Этих заморских дьяволов Дун Ли ранее не видал никогда. Лица, словно из белой глины, надменные и вытянутые, как у верблюдов. Волосы этих чертей были точно присыпаны пеплом, длинные носы хищно торчали, а огромные водянистые глаза с презрением смотрели поверх толпы... Жуткое зрелище, но завораживающее – будто видишь злую шутку богов над человеком. Больше всего таких чудачков встречалось в кварталах Внутреннего города неподалеку от императорских стен. Но оборванцев, подобных Дун Ли, стража гнала прочь от увешанных разноцветными знаменами добротных домов, и в основном он бродил по хитросплетению узких *хутунов*, расходящихся

во все стороны от центра города. Теснота переулков напоминала ему родную деревню, и Дун Ли твердо верил: в столице он не пропадет. Ночлег-то уже есть – удалось отыскать небольшой ветхий храм на северной окраине, совсем заброшенный и разграбленный, куда никто, кроме нищих, и не заглядывал. Хоть и вынужден был терпеть визгливую брань соседей поневоле, но зато появилась крыша над головой, а что еще нужно, чтобы скоротать весеннюю ночь... И даже когда лишился одеяла – пока ходил по городу, кто-то из «постояльцев» украл, – не сильно огорчился, считая: вот-вот, и будет у него работа, нормальный кров и еда. Но работу сыскать оказалось непросто. Мало кто горел желанием нанять диковатого деревенского юнца, а где и подыскивалось местечко для простого «поди-подай», там опережали ушлые бедняки-горожане. Объявления о найме, что писались мелом на стенах, оставались для Дун Ли непонятными – грамоте он обучен не был. Живот сводило все сильнее, настойчивое урчание в кишках перешло в постоянную боль. Порой удавалось подобрать на задворках рынка сгнившие листья зелени или испорченную речную рыбу, осклизлую и костлявую, но от такой еды становилось еще хуже. Однажды приключился с ним столь сильный понос, что даже вонючие соседи по ночлегу выгнали его на улицу, под холодный ночной дождь. Лишь крепкое здоровье не позволило Дун Ли умереть. Слегка оклемавшись и постирав одежду, он, шатаясь от слабости, явился в контору по найму рикш. Город юноша уже знал неплохо, без труда мог отыскать удобные кратчайшие пути куда угодно. Наивный, он рассчитывал получить в прокат легкую коляску на рессорах и надувных шинах, в которой повезет богатого и щедрого господина, или его благородного сына, или красивую и добрую к бедняку дочь именитого чиновника... А может, удача улыбнется, и тогда перепадет работа в квартале заморских дьяволов – у тех, говорят, карманы трещат от набитых монетами кошельков... Хозяин же конторы, лысый и толстощекий старикан Ву, оглядел его с ног до головы, хмыкнул и направил на перевозку грузов. Денег не предложил, но парень с радостью согласился работать за кров и еду. Что только не довелось возить Дун Ли: мешки с мукой и рисом, тюки с тканями, брикеты с чаем, бочки с маслом и вином, целые горы угля, песка, щебня и известки, доски, кирпичи, смрадные корзины с нечистотами... Огромную неуклюжую тележку приходилось нагружать и разгружать самому, но для Дун Ли, с детства привыкшего трудиться на каменоломне, задача была посильной. Зато тащить все это, ухватившись за толстые деревянные ручки, по тесным извилистым улицам, заполненным шатающимися туда-сюда народом, оказалось невыносимо тяжело. Везти груз полагалось только бегом. По-иному рикшам передвигаться запрещалось. Если кто донесет или хозяин сам увидит работника, едва переставляющего ноги, – выкинет в тот же миг без лишних слов. Как только телега разгонялась и бежать становилось чуть легче, так сразу, как назло, возникал на пути чиновничий паланкин, или не спеша ступал дородный господин с веером, или семенила стайка девиц в расшитых халатах, а то и просто более удачливый собрат вез важного пассажира, покрикивая и бряцая колокольчиком. У каждого на дороге было свое право, кроме рикши-тяжеловоза. У того имелась лишь обязанность – сквозь паутину улиц и переулков, людскую сутолоку и презрение каждого встречного доставить груз и отправиться за новым.

Перекус в каком-нибудь глухом, пропахшем гнилью, углем и мочой, тупичке, сидя на подножке коляски. Чашка кипятка, выпитая второпях... И снова изнурительный бег. Гудящие ноги, ноющие плечи, сбитое дыхание и просоленная потом одежда. Грузовые рикши – низшая, самая неуважаемая категория, никого не волнуют их усталость и самочувствие. Жизнь такого трудяги коротка – пять-семь лет, если ступил на эту дорогу смерти молодым и здоровым. Не больше двух – если нужда швырнула тебя на дно к тридцати годам, а сорокалетних среди перевозчиков грузов уже не встречалось. Но Дун Ли считал, что ему сказочно повезло – ведь не нужно было тратить на еду и жилье. А проработав на старика Ву чуть больше года, он потихоньку научился находить заказы самостоятельно, выполняя их в сверхурочное время. Многие клиенты заметили исполнительного и ловкого

перевозчика и просили его у хозяина в долгосрочное услужение. Дун Ли стал получать за труды медные монетки, которые нанизывал на бечевку. Еще через два года он накопил достаточно, чтобы начать платить господину Ву за жилье и аренду пассажирской коляски – пусть скрипучей и старенькой, со слабыми спицами и ветхой накидкой, но зато теперь он мог распоряжаться временем самостоятельно. Содержать себя самому – куда лучше, чем жить, словно домашнее животное. За коляску следовало внести деньги с утра, и остальное время, без ограничений – твое. Рабочий день большинства рикш тянулся до заката. Некоторые предпочитали выходить с обеда и бегать по городу до полуночи. И совсем единицы отваживались на ночную смену. Дун Ли забирал коляску за час до рассвета, и возвращал поздним вечером, валясь с ног от усталости. И в жару, и в холод, и даже в дождь – он готов был искать желающих совершить поездку. За такое усердие приходилось расплачиваться здоровьем. Появились судороги в ногах и ломота спины, из-за новой, непривычной нагрузки – бегать приходилось быстрее, чем с грузовой телегой. Но зато сама работа его стала рангом повыше. Конечно, о том, чтобы зазывать клиентов в богатых кварталах возле Запретного города, оставалось лишь мечтать – раньше его оттуда гнали полицейские, теперь к ним прибавились и рикши, обслуживающие богачей и заморских дьяволов. Ничего, подумал тогда Дун Ли, – раз опасаются, значит, видят во мне будущего успешного возницу, способного их потеснить. Вот только бы разжиться собственной коляской!.. Тогда – сам себе господин. Выбираешь время и седока по своему усмотрению, торгуешься настойчивей и бежишь, гордо глядя поверх толпы – спина прямая, лицо бесстрастное.

Прошло еще два года, прежде чем Дун Ли удалось накопить денег и выложить их на стол перед хозяином прокатной конторы. Конечно, коляску, которую он купил, новой назвать было нельзя – но все же не та рухлядь, что выдавалась ему в аренду. Что ни говори, а коляска была хороша – с удобными ручками, крепкими спицами и добротными шинами, а тент ее был прорезинен и прочен, без дыр – никакой дождь не страшен пассажиру. Мечта, а не коляска! Главное – своя! Теперь-то нет нужды падать на кровать глубокой ночью и вставать уже через пару часов. Ведь успеть в контору нужно к раздаче – иначе достанется самая захудалая. Дун Ли решил по утрам отсыпаться, накапливать силы, а наверстывать заработок можно и вечером – в это время рикш на улицах становится немного. Спрос хоть и падает, но все-таки имеется, даже на ночные поездки, особенно если путь лежит в увеселительные кварталы. И цена поднимается, за риск. Оказаться избитым и ограбленным в темном глухом переулке мог любой, кто праведному сну предпочел сомнительные приключения. Простоватый Дун Ли полагал, что уж его-то никто не тронет – во-первых, он молод и довольно плечист, злоумышленники остерегутся связываться с крепким человеком, а во-вторых, он всего лишь обычный рикша, с которого нечего взять. Дун Ли немного волновался за выручку, ведь спрятать ее было решительно некуда. Пробовал в матерчатых тапочках – но натер на ступнях такие волдыри, что потерял несколько рабочих дней. Засовывать монеты под обшивку сиденья он побоялся – а ну как попадетсЯ такой пройдоха, что нащупает и украдет...

Правильно говорят: «Никогда не знаешь, что думает Небо...» Однажды, незадолго до Праздника фонарей, Дун Ли повез подвыпившего гуляку в один из домов *«зеленого квартала»*. Седок упрашивал его подождать час-другой, чтобы после девиц заехать еще куда-то. Но Дун Ли, не любивший пребывать в злочных районах, да еще и поздней ночью, отказался. Высадив клиента, бранящего его за упрямство, парень поспешил прочь из опасного места, с трудом ориентируясь в темноте – призывные огоньки и окошки нехороших заведений остались позади, и вот-вот он должен был выбраться на широкую улицу. А там уже безопаснее – время от времени проходит ночная стража...

Вот тогда-то на него и напали. Три темные фигуры – одна преградила путь, другая зашла сзади, а третья метнулась к нему, и в следующий миг голову обожгла боль. Что-то

горячее хлынуло, залепив глаза. Дун Ли выпустил из ладоней ручки коляски, схватился за лицо, чувствуя, как разъезжается в стороны кожа под пальцами, и тут же получил удар дубинкой, затем еще один, и еще...

Очнулся он лишь под утро. Грабители забрали у него и деньги и – что самое страшное – коляску. Окровавленной одеждой побрезговали. Шатаясь и едва не падая, несчастный побрел к старику Ву. Ранние прохожие провожали его неодобрительными взглядами, принимая, очевидно, за побитого ночного гуляку.

Хозяин конторы, восседавший за маленьким столиком и с удовольствием хлебавший утренний чай, едва не выронил чашку, увидав перепачканного в крови постояльца. Среди рикш, уже выстроившихся в очередь на получение колясок, поднялась паника. Позвали за доктором, жившим неподалеку. Рана оказалась неопасной – грабитель острым ножом рассек кожу на лбу Дун Ли, прекрасно зная об эффекте – человек не умрет, но кровь хлынет так густо, что ослепит и испугает. Дубинки тоже не причинили сильного вреда, хотя было трудно дышать. Доктор сказал, что несколько ребер, видимо, треснули и надо бы отлежаться пару недель... Но что такое полмесяца бездействия для вмиг обнищавшего парня? Старикан Ву развел руками – платить за постой Дун Ли не мог, отрабатывать – тоже. Вздыхнув с притворным сочувствием, конторщик напоил его чаем и дал три дня на то, чтобы подыскать себе другое жилье. Сам рассчитался за визит лекаря и милостиво согласился повременить с долгом – пока у его бывшего рикши не появятся деньги.

Возвращаться в заброшенный храм Дун Ли не хотел. В отчаянии расхаживая по городу в поисках хоть какого-то приработка, он повсюду натыкался на презрительные взгляды – никто не собирался нанимать бродягу с перевязанной головой, считая его лихим человеком, вынюхивающим, где можно хорошенько пожить. А на самом деле Дун Ли вынюхивал лишь одно – запах еды, купить которую он больше не мог. А яств вокруг готовилось множество – в котлах уличных харчевен булькал жирный бульон с зеленью и кусками тофу, дымилась паром лапша, посыпанная рубленым мясом, источали волнующий запах теста и сытной начинки белые *баоцзы*, выложенные на плетеные корзины и выставленные на продажу...

Тогда-то вконец оголодавший парень и решился на кражу. Несколько раз прошел мимо прилавка с пирожками, истекая слюной и пытаясь унять волнение и страх. Улучил момент, когда крикливый торговец в грязной куртке отвлечется на подсчет денег. Подбежав к корзине, схватил обеими руками несколько пирожков – они смялись в его пальцах и обожгли брызнувшим соком – и понесся что есть силы вдоль улицы, надеясь выскочить на задворки находящегося рядом рынка, смешаться с толпой, затеряться среди тележек и тюков. Но сил у избитого рикши оказалось немного, да и голосистый продавец своим визгом мигом собрал толпу, которая бросилась вслед за Дун Ли.

«Держите, держите вора! – неслось ему вслед. – Лови его!»

Что случится, если его поймают, парень знал хорошо. Ему доводилось несколько раз видеть расправу толпы над воришками. Ценность украденного никакой роли не играла – будь то схваченная с воза рыбина или подрезанная с пояса связка монет, – если преступника настигали, то валили на землю и первым делом топтали, прыгали, били по самым уязвимым местам. Несчастный обычно подтягивал колени к груди, обхватывал голову руками – но вот толпу раздвигали плечами люди с мотыгами, мясницкими топориками или просто увесистыми палками. Деловито, будто пропалывая овощи или молотя рис, они работали инструментами до тех пор, пока пойманный не превращался в бесформенный кровавый кусок. Еще живой, человек беспомощно трепыхался, тыкался обезображенным лицом в землю, взмахивал обрубками рук и волочил за собой перебитые ноги. Умирали воров, как правило, прямо на улице. А если поспевала на шум полиция, то уже в участке – куда их, не особо церемонясь, тащили на куске брезента.

Дун Ли мчался вдоль длинной глухой стены, с ужасом сознавая: он ошибся переулком и вместо рынка оказался в жилом квартале. Топот и крики за спиной нарастали. Тогда-то и спас его хозяин чайной лавки – именно в его ворота заскочил отчаявшийся парень, упал, задыхаясь, посреди квадратного двора. Через мгновение вымощенная плоским камнем площадка заполнилась разъяренными людьми. «Смерть ему! Тащите наружу!» В толпе возбужденно потрясали увесистыми палками и бамбуковыми шестами, размахивали ножами.

Хозяин дома, выглянув из дверей, мгновенно оценил обстановку. Преследователи прижали вора к камням. Один чумазый мастеровой намотал косу несчастного на руку, занеся над его головой молоток.

Как удалось старому и тщедушному Чженю уговорить толпу, парень не понял – от страха он зажмурил глаза, в ушах стоял бешеный стук сердца. Пересохшим ртом Дун Ли ловил воздух. Рассудок сковало предсмертным ужасом, тело сотрясала крупная дрожь.

Досталось парню изрядно – многие не упустили возможности как следует попинать свою жертву. Возмущенные крики еще метались над головами толпы, но хозяин уже рассчитался с тяжело дышавшим продавцом пирожков и махал руками, выпроваживая всех со двора. Дун Ли лежал, прижимаясь щекой к холодным плитам, и ему казалось, что он висит приклеенный к огромной стене, основание которой скрывалось в мглистой бездне, а верх терялся в тучах...

«Не думай, что я пожалел тебя», – сказал ему дядюшка Чжень чуть позже, отпаивая чаем и смазывая пахучей мазью многочисленные ссадины. Слово «тебя» спаситель бывшего рикши, а ныне вора-неудачника, произнес с нажимом. Даже выставил в сторону Дун Ли смуглый указательный палец и покачал им. «Благовари Небо, что ты похож на моего сына, будто брат-близнец, а то бы я не вмешался. Разве что попросил бы тебя на улицу выволочь – чтобы двор не запачкали».

О том, где сейчас сын Чжэня, парень расспросить не решился. Но старик, несмотря на напускную суровость, обладал мягким сердцем. Выслушав историю скитаний Дун Ли, он покачал головой и предложил бедолаге переночевать у него в доме, где жил совершенно один. Наутро накормил его кашей и напоил чаем. Посидел, вглядываясь в лицо юноши, думая о чем-то своем. Затем хлопнул себя по коленям и предложил Дун Ли остаться у него – за кров и еду помогать торговать в лавке. Парень с благодарностью упал в ноги своего спасителя. Так и началась его работа в чайном магазинчике. Хозяин не пожалел о своем решении – работник схватывал всё на лету. Быстро стал разбираться в сортах, знал, как следить за хранением товара, правильно взвешивать и заваривать. Спустя некоторое время дядюшка Чжень принялся учить его грамоте. А как-то вечером, довольный успехами помощника, разоткровенничался и рассказал ему, что жена его умерла пятнадцать лет назад, а сын не захотел провести всю жизнь за прилавком. Наслушавшись рассказов приезжих, подался на заработки в Шанхай – сначала портовым грузчиком, затем устроился юнгой на рыболовное судно. И вот уже десять лет от него ни слуху, ни духу. Погиб ли он в шторм, попал ли в руки пиратов или мятежников, подхватил ли какую смертельную болезнь, а может, живет себе припеваючи – старику неизвестно.

ГЛАВА 2

ОРХИДЕЯ

За ночь *кан* успевал остыть почти полностью – высохшие кукурузные початки, которыми мать топила печь, не давали долгого тепла. Уголь семья берегла, ведь еще не настал даже день зимнего солнцестояния. Давно не было таких холодов. Непогода становится

заметнее, когда лишаешься достатка, – тогда она проникает в жилище и не дает забыть о себе ни на миг. Во время сна приходится по многу раз просыпаться, поджимать ноги, натягивать одеяло на голову, обхватывать руками грудь или живот и лежать, пытаясь заснуть под свирепое завывание снаружи. Ставни едва держатся на разболтанных петлях, ветер дергает их, старается сделать щели пошире, выдуть из комнаты остатки тепла. Все в доме покрыто нанесенным песком – бледно-желтый слой лежит на изразцовом полу, на мебели, постелях, посуде... Сколько ни убирай, не пройдет и нескольких часов, как снова все замечено, будто снегом.

Орхидея нехотя высунула руку и смахнула со своего одеяла добрую пригоршню песка. Поежившись, села на кровати, подогнув ноги, и натянула на себя покрывало, оставив незакрытым лишь заспанное лицо.

– Лотос! – позвала она, зевая и дрожа. – Сестра!

Орхидее, как старшему ребенку и уже взрослой девушке, мать выделила отдельную комнату, совсем крошечную, с узкой лежанкой, до которой едва доходило тепло. Братья и сестра спали в соседней, все вместе, на широком кане, с которого поутру снималось постельное белье и он превращался в место для игр младших, а на время еды становился обеденным столом.

Девушка прислушалась. В доме стояла тишина, если не считать низкого свиста в окне, выходящем на двор, и песчаного шуршания по стенам и кровле.

– Ло-о-тоо-ос! – снова позвала Орхидея и улыбнулась.

На это раз она отчетливо услышала шлепки ног по полу, а через миг занавеска на двери откинулась, и в ее комнату вбежала сестра – тонкая, как рогозовый стебель, с роскошными волосами, расплетенными на время сна. Узкие кисти рук выглядывали из рукавов ночной рубашки.

Сестра запрыгнула на постель Орхидеи, завозилась, пытаясь пробраться под одеяло.

– Пусти же скорей, у тебя тут так холодно!

Наконец она юркнула под ватную тяжесть, обняла Орхидею и прижалась к ней, согреваясь.

– Похоже, что и у вас там в комнате не особенно жарко! – рассмеялась старшая сестра и пощекотала младшую. – А ну-ка брысь, нечего тут сидеть! Мать давно не спит, слышишь – в кухне возится уже. Я тебя звала, чтобы напомнить: помогать ей надо!

– Ничего не слышу отсюда, – раздался из-под одеяла глухой голос. – Я в норе сижу!

– Ага! – вскричала Орхидея, в один миг спрыгнув с кровати. – Где тут у нас метелка?! В дом прокралась лиса-оборотень! Вот мы ей сейчас!

Хохоча, Лотос с кошачьей ловкостью выскользнула из постели и бросилась вон из комнаты. Орхидея надела меховые туфли и безрукавку, расправила одеяло, притянула поплотнее ставни, сокрушаясь количеству нанесенного песка. Не спеша, как и подобает старшей дочери в семье, отправилась вслед за сестрой на утренний туалет.

За ночь вода в тазу для умываний покрывалась коркой льда. Мать поднималась раньше детей и специально нагревала целый кувшин, выливала его в таз, и получившейся теплой воды хватало на всех.

Рано постаревшая, ставшая после смерти мужа совсем седой, она не изменилась характером и по-прежнему была кроткой и заботливой женщиной. Если и ворчала на своих девочек или расшалившихся сыновей, то делала это без раздражения, столь обычного для людей, придавленных невзгодами жизни.

Когда порозовевшие от умывания дочери пришли к ней на кухню, Тун Цзя улыбнулась и кивнула им. Морщины возле ее глаз, похожие на отпечатки рыбьих хвостов, обозначились резкими темными линиями.

– Вы что же не разбудили братьев? – спросила она, протягивая чашки с рисовой кашей,

каждая из которых была накрыта лепешкой с кунжутом. – Неужели захотели съесть их порции?

Не успели девушки ответить какой-нибудь шуткой, как в кухню с топотом влетели шумные и озорные погодки. Им бы самое время заняться образованием, но денег семье не хватало, поэтому целыми днями, если погода позволяла, мальчики проводили во дворе, играя в *цзяньцзы*, а в ненастье возились на кане, придумывая новые забавы.

Получив еду, все проследовали в детскую спальню и расселись по свои местам за едва теплым каном. Тун Цзя всегда расставляла стулья так, чтобы не оставалось свободного места – словно вся семья в сборе. Орхидея помнила их трапезы в Аньхое – там, где раньше сидел отец, зияла пустота, словно прореха во рту, когда выпадает зуб.

Завтрак прошел в тишине – все сосредоточенно ели. Даже братья умолкли, и раздавалось лишь звяканье ложек, будто в маленькой кузне стучали крохотные молоточки.

После еды Тун Цзя собрала посуду и отправилась снова в кухню – на дворе так свистел пыльный ветер, что выходить лишний раз не хотелось. Мальчишки, утерев рты, полезли на кан и принялись толкаться, норовя свалить друг друга на пол.

Тоскливые завывания за окном не смолкали. Буря не унималась уже несколько дней, и когда она окончится, никому не известно.

– Пойдем в мою комнату, – сказала Орхидея сестре. – Назло непогоде будем готовиться к празднику.

Оставив братьев, девушки зашли в спальню. Ладонью смахнув с туалетного столика песок, Орхидея достала из ящика несколько листов бумаги и картона, а также деревянную шкатулку, выкрашенную в красный цвет. Щелкнула замком, открыла крышку. Сестра тут же запустила руку внутрь, выудила массивные ножницы и помахала ими в воздухе.

– Осторожнее! – засмеялась Орхидея, закрываясь от нее шкатулкой. – Это же почти меч! Садись за стол, пора и поработать.

Лотос устроилась удобнее, склонила голову к плечу, высунула от усердия кончик языка и принялась вырезать из желтой бумаги длинные и короткие полосы. Темные и широкие лезвия ножниц с хрустом вгрызались в плотный лист. Наконец собралась целая горка разновеликих кусков. Ловкими движениями пальцев выбирая нужный по очередности, Лотос проводила по нему маленькой кисточкой, смоченной в клейком растворе, специально сваренном из муки нынешним утром заботливой Тун Цзя. Затем девочка аккуратно прикладывала бумагу на заранее отмеченное место большой, выкрашенной в красный цвет картонки и разглаживала.

Орхидея рассеянно наблюдала за действиями сестры, изредка поправляя, если та брала не тот кусочек или располагала его недостаточно верно. Лотос корчила рожицы и шевелила красивыми тонкими пальцами, выискивая нужную деталь. Неожиданно Орхидея спросила сестру:

– Ты помнишь, какие красивые ногти были у мамы раньше?

Та кивнула:

– Еще бы! На мизинце и безымянном – не меньше двух *цуней* длины. Но я помню и то, как из-за отца ей сначала пришлось продать серебряные накладки на них, а затем и вовсе состричь.

– Ты стыдишься, что наша мать вынуждена обстирывать соседей? – тихо спросила Орхидея. – Скажи мне, сестричка, только честно – бывает ли тебе мучительно неловко за то, что мы так бедно живем?

Лотос пожала плечами.

– Многие живут гораздо хуже. У нас свой двор и дом, а это уже немало. Вокруг полно лачуг, где в каждой комнате живут по шесть или восемь человек, и у них совсем нет еды. Старика лежат и гадают, покормят ли их сегодня, а дети роются в отбросах возле кухонь и

рынков. Их родителям часто не удается заработать даже на чашку риса. У нас все же остались кое-какие сбережения, к тому же мама не гнушается работы. Жаль одно – она не позволяет ей помогать и все время напоминает о нашем благородном происхождении, о *Желтом знамени*... Твердит, что, если мы тоже станем прачками, не сможем подыскать себе достойных мужей. А какой толк в благородстве, оно ведь не кормит... Я почти не помню того времени, когда у меня было много нарядов и украшений. Забыла вкус хорошей еды, и мне уже начинает казаться, что мы так жили всегда – впроголодь, без кормильца. Я отца последние годы редко видела... Ты же знаешь, где он пропадал все время до самой смерти.

Орхидея кивнула.

– Мама ужасно сердилась, когда ты навещала отца в тех местах, – продолжала Лотос, не прерывая своего занятия – на красном фоне был уже почти собран новогодний иероглиф. – Она ведь запрещала, но разве тебя удержать... Больше всего мать опасалась, что мужчины там злые, а он не сможет заступиться.

– Это потому, что сердце всегда преобладало над ее разумом, – грустно сказала Орхидея. – Остальные там были такие же, как отец. Им уже не нужно ничего, кроме новой трубки...

Она прикрыла глаза. Тех картин, что пришлось видеть ей в анхойских опиумных притонах, не забыть никогда. Едкая дымка под низкими потолками. Грязные стены без окон, а вместо дверей – ватные одеяла. Длинные ряды лежанок – на них, вповалку, жалкие люди, потерявшие счет дням. Тусклый свет, желтые отрешенные лица. Густой смрад от немытых тел и грязной одежды, вперемешку с приторным духом – будто просыпали мешок лакричного корня. Орхидея казалось, этот запах вьелся в ее память и душу навсегда. Как и тот, что окружал их семью по дороге в Пекин – стояла летняя жара, и к дешевому гробу, в котором покоился отец, было трудно подойти из-за роя круживших над ним мух, привлеченных сильной вонью разложения...

– Давай не будем вспоминать об этом, – вздохнула Орхидея, потрепав сестру по щеке. – Что было, то прошло.

Лотос улыбнулась, с нежностью взглянув на нее.

– Я знаю, что ты была не в силах спасти отца, но хотя бы скрасила его последние дни, – сказала она. – Мама тебе благодарна за это. Она не могла быть рядом с ним – ведь мы нуждались в присмотре... Ну вот и «счастье» готово!

Последнюю фразу Лотос сказала, отодвинув от себя красную картонку с иероглифом «фу».

福

Орхидея взяла украшение в руки и полюбовалась на работу сестры.

– Молодец, малышка! – похвалила она. – Сама видишь, «счастье» состоит из частей «одежда» и «поле». Может, и у нас в новом году будет во что наряжаться и в доме появится много еды?

– Скорее бы праздники наступили, – мечтательно сказала Лотос. – Повесим его на дверь и станем ждать!

– А знаешь ли, почему этот иероглиф всегда перевернут «вверх тормашками», когда висит на дверях или воротах? – спросила Орхидея.

– Разумеется. – Лотос недоуменно взглянула на сестру. – «Перевернутый» и «прийти» звучат одинаково – «дао». Перевернутое счастье – «фу дао», то есть «счастье пришло». Это даже наши малолетние братики знают...

– Верно, – кивнула Орхидея. – А как придумали именно таким образом украшать, тебе известно?

Лотос пожала плечами.

– Тогда слушай. Давным-давно, еще при китайских династиях, один из императоров велел украсить к новогодним торжествам дворец. В спешке и ревностном усердии тысячи евнухов бросились исполнять высочайшее повеление. И надо же такому было случиться, что одна из праздничных бумаг с иероглифом «счастье» досталась молодому слуге, не обученному грамоте, и волею случая именно ее он прикрепил на главные ворота. В суете никто не разобрал, что евнух поместил иероглиф в перевернутом виде. Это заметил лишь сам повелитель, когда в паланкине следовал мимо ворот. Гнев его был силен – он узрел в этом насмешку и бунт, а также пожелание неудач и потрясений, которые перевернут все вверх дном в его государстве. Был отдан приказ разыскать наглеца, совершившего столь страшный проступок. И когда к ногам императора приволокли обмиравшего со страху юного слугу, Сын Неба в честь праздника отсрочил казнь. Но после завершения всех церемоний провинившегося ожидала страшная участь. Самое печальное, что вместе с ним пострадало бы множество людей. Ведь никто не выдержит мучений дознавателей. Желая избавиться как можно скорее, любой невинный оговорит всех, кого только вспомнит между пытками. И тогда перед императором упал главный евнух, человек хитрый, умевший находить выходы из самых затруднительных ситуаций. «О, повелитель! – воскликнул он, лежа на плитах зала. – Разве вы допустите лишить жизни человека, дерзнувшего отметить, что счастье пришло в ваш дворец, и сумевшего показать это столь простым, но красивым способом?!» Император заинтересовался и потребовал объяснений. Ловкий управляющий изложил ему суть игры слов, неустанно восторгаясь не по годам сметливым умом юноши. Император смягчился и приказал освободить молодого евнуха из колодок, выдать ему награду и назначить на должность распорядителя торжествами. Вот так находчивость одного человека спасла жизнь многим, а заодно породила традицию украшать именно так.

Орхидея закончила рассказ, с видом превосходства поглядывая на сестру.

– Если будешь усердно читать книги, узнаешь немало интересного, – добавила она назидательно.

Лотос скорчила гримаску и покачала головой:

– Ты скоро перешеголяешь маму в своих поучениях! Я и без книг могу обойтись, истории разные рассказывать не хуже тебя умею.

– Откуда же ты их возьмешь, если сидишь дома и никуда не выходишь? Разве только ветер напоеет или соседская собака пролает...

Лотос насупилась, упрямо сжала губы.

– Ну что же, – сказала она после недолгого молчания. – Про что хочешь услышать?

Орхидея задумалась.

– Ну, раз сегодня утром я приняла тебя за оборотня, что залез ко мне под одеяло, даже собралась огреть по спине метелкой – то и расскажи мне какую-нибудь историю про то, как вы досаждают людям! – ехидным голосом сказала она, уверенная, что боязливая Лотос наотрез откажется от такой темы.

К ее удивлению, глаза сестры заблестели от оживления, довольная улыбка мелькнула на лице.

– Хотя и дразнишь меня, обзываешь, и мне следовало бы обидеться, ничего не рассказывать, но я докажу, что рассказчица не хуже тебя! Так и быть, послушай, что бывает на свете. Итак, случилось это в городе Чанша. Один парень жил в совершенной нищете, гораздо хуже, чем мы сейчас. У него на зиму даже ватной одежды не было. И вот однажды вечером сидел он, трясся от холода в своем домишке, а живот его сводило от голода. Вдруг к нему вошла какая-то женщина, в нарядах до того красивых, что глаз не отвести. Но зато сама она

была лицом темная, гадкая – уродина невообразимая. Переступила она порог и засмеялась: «Не мерзнешь ли тут?» Парень не на шутку перепугался. Еле совладал с голосом, но спросил все же – что ей нужно? А та отвечает: «Я волшебница-лиса. Мне тебя стало жаль, ты ведь такой бедный, несчастный, сидишь тут один-одинешенек... Давай я твою постель собой согрею, и ты со мной ложишься рядышком».

Ну, парня от ее вида безобразного и так чуть не стошнило, а когда услышал такие ее слова, принялся орать и махать руками, прогоняя. А она не уходит. Подошла к столу и положила на него слиток серебра. «Это тебе подарок, но с условием – если будешь со мной нежен и ласков, тогда и получишь».

– И он, конечно, согласился? – засмеялась Орхидея.

– От целого слитка кто же откажется? – пожала плечами Лотос. – Конечно, согласился. Не перебивай, слушай дальше.

Орхидея кивнула и дотронулась кончиками пальцев до своих губ, показывая – молчок. Лотос продолжила:

– Парень был так нищ, что у него ни матраца, ни подстилки не было на кане, голый кирпич один, холодный. Лишь рваное одеяло имел. Уродка сняла с себя стеганный расшитый халат, постелила. И они провели вместе ночь...

Орхидея хихикнула:

– Вот мать услышит, какие ты сказки знаешь!..

Сестра строго посмотрела на нее, но тоже улыбнулась. Орхидея заметила, что щеки и кончики ушей Лотос покраснели. Но та, поборов смущение, рассказывала дальше:

– Утром женщина проснулась, оделась и приказала парню на те деньги, что ему полагались за ночь, купить ваты и сделать белье для постели, а на остаток приобрести себе теплую одежду и еду. Уже уходя, она обернулась и добавила: «Тебе на все хватит, не беспокойся! А если мы с тобой будем в любви жить, то разбогатеешь!» Парень сделал все, как она велела: накупил ваты, отнес в мастерскую, там ему все сшили. И вот наступила ночь, и снова пришла уродливая женщина. Посмотрела на новую постель, пощупала его теплый халат. «Молодец, – говорит. – Старательный и послушный муж мой!» Парень аж в лице изменился от того, что она его мужем назвала, но ни слова не сказал в возражение. Снова лег с ней, и они делали то, что муж с женой делают...

Орхидея не удержалась и озабоченно проронила:

– Младшая моя сестрица, ты уверена, что это подходящая твоему возрасту история?

Не слишком ли ты осведомлена о некоторых вещах?

Лотос обиженно замолчала, сжав губы, отчего рот ее, такой же чувственный и красивый, как и у старшей сестры, стал похож на узкий бледный рубец. Справившись с накотившими слезами, она с укором взглянула на Орхидею.

– Между прочим, я уже не девочка, а такая же девушка, как и ты! Не хочешь слушать, так и скажи!

Орхидея протянула руку и примиряюще погладила Лотос по щеке:

– Извини, сестренка! Просто никак не могу привыкнуть, что ты выросла. Я же помню, как играла на полу, а ты была совсем крошечной, спала в плетеной люльке посреди комнаты, а мать сидела и качала тебя... Ну, рассказывай, что было дальше. Неужели они поженились?!

Лотос фыркнула и мотнула головой:

– Нет, конечно! Ты что, забыла? Ведь эта темнолицая была не человек! Она стала навещать парня каждый вечер, а когда покидала его утром, оставляла ему деньги. Минул год, и тот действительно разбогател. Был у него домишко, а он его перестроил в роскошный особняк. Стал повсюду расхаживать в шелковой одежде и ел только изысканные блюда. И так привык к достатку, что скоро ему начало казаться – он всегда так жил. От одного только страдал – уж очень противна ему была эта женщина, за год совсем опостылела. Да к тому же

денег оставляла ему с каждой ночью все меньше и меньше. И он тогда решил от нее избавиться. Позвал знахаря, сказал, что злой дух беспокоит его жилье. Знахарь дал ему плетеные обереги, показал, где в доме надо их развесить. И вот снова пришла та женщина, увидела висящие повсюду узоры против нечисти, сорвала их все. Что смогла, разодрала руками и зубами, а клочки истоптала. Потом посмотрела на парня и сказала: «Разве я не была добра к тебе, разве не помогала? Как же ты можешь быть таким неблагодарным?.. Но если я тебе противна, то уйду сама. Только знай: если ты не хочешь быть моим мужем и я тебе не нужна как жена – придется тебе за это заплатить!»

Затем она ушла. А парень, помня, что она – оборотень и угрозы ее могут быть действительно опасны, снова побежал к знахарю за помощью. Тот выслушал и пришел в дом парня установить жертвенник – стало понятно, что одними охранными талисманами не отвадить лисицу. Но едва знахарь внес свои вещи, как закричал и упал на пол, а все лицо его залила кровь. Парень увидел, что у знахаря нет уха, точно кто-то отрезал. Он помог ему выбраться во двор, а сам закрылся изнутри и сидел, дрожал, не знал, что будет дальше. А началось вот что – откуда-то прилетели камни, каждый размером с кулак, и все в доме разбито оказалось, от окон до посуды. Парень спрятался за кроватью, надеясь, что там будет безопасно. Но выглянул и увидел, как в комнату входит уродка, а в руках держит странного зверя – с кошачьей головой и хвостом собаки. И вот она поставила это существо на пол, а сама стала тыкать в сторону постели пальцем и пришепывать: «Цс-с, цс-с-с, цс-сс-ссс! Ну-ка, давай, вцепись в этого мерзавца!» Тварь без промедления бросилась на парня, ухватила его за туфлю. Зубы у нее были словно кончики ножей! Парень перепугался еще больше, хотел отдернуть ногу, но не смог даже пошевелить ей – а она так и хрустела в пасти животного. Тогда он, обмирая от боли, принялся молить о пощаде. Женщина крикнула ему: «Доставай все драгоценности и жемчуг! Только попробуй скрыть хоть что-нибудь!» Парень закивал в знак согласия, и уродка отозвала мучителя. Но выбраться из-за кровати парень не решился, лишь стал говорить, где и что у него припрятано из сокровищ. Женщина разыскала все, но этого ей показалось мало. Она разозлилась пуще прежнего и опять натравила на парня тварь. А той только скажи – вцепилась и грызет! Бедолага принялся причитать и каяться, отдал еще двести лян. Но и этого темнолицей было недостаточно. Назначила ему срок десять дней, чтобы он собрал еще шестьсот. Затем свистнула, животное запрыгнуло ей на руки, и они покинули дом.

А знахарь тем временем рассказал близким и соседям, что у парня случилось что-то странное и страшное. Люди отправились туда посмотреть, обыскали все и обнаружили спрятавшегося за кроватью хозяина. Нога его была вся в крови, целая лужа натекла – двух пальцев как не бывало. Исчезло и все ценное, лишь рваное одеяло валялось. Им несчастного и накрыли, когда уложили и принялись лечить. Пришлось ему за эти дни заложить дом, чтобы собрать необходимую сумму для женщины. Она явилась через десять дней, и парень отдал ей требуемое. Оборотень молча взяла деньги и покинула его жилище навсегда. А он еще долго лечился, так сильно изувечена оказалась его нога – не меньше полгода минуло, прежде чем смог нормально ходить. Стал он еще беднее, чем раньше. Дом у него забрали за долги, и он вынужден был ютиться у дальней родни.

Младшая сестра замолчала, переводя дух и поглядывая на побледневшую старшую. Та сидела, широко распахнув глаза, впечатленная историей. Орхидея почувствовала, как по спине и рукам ее пробежали мурашки. Стараясь сделать это тайком от сестры, она огляделась – не притаился ли кто в комнате, не крадется ли по полу мохнатая тень с головой кошки и собачьим хвостом. Довольная своим мастерством рассказчицы и произведенным впечатлением, Лотос гордо заявила:

– Видишь, я тоже много чего знаю! И, между прочим, это еще не конец!

Орхидея втянула голову в плечи и замахала руками, показывая, что ей и так страшно. Но любопытство пересилило, и она осторожно спросила:

– Но ведь парень получил свое наказание?

Лотос кивнула:

– Так-то оно так, только лиса ведь не исчезла из этого мира. Она отправилась в соседнюю деревню, где в беспросветной нужде жил бедняк по имени Юй. И вот прошло года три, и этот крестьянин стал самым богатым человеком в округе. Скупил все лачуги по своей улице, да перестроил их в огромные терема. Завел себе сад с искусственным прудом. Щеголял в дорогих одеждах – а половина-то из них была из дома вновь обедневшего парня. Тот сразу заметил, но не решился спросить. Однажды шел он по дороге, а навстречу ему – та самая женщина. Парень упал на колени перед ней, а та, ни слова ни проронив, кинула ему несколько монет издала и пошла по своим делам.

– Ну а что с Юйем случилось? – не утерпела Орхидея. – Тоже пришлось ему туго?

Лотос нахмурилась.

– Экая ты нетерпеливая, а еще – старшая! – покачала она головой. – Нет, Юй пожил богато, но потом заболел и рано умер. Женщина стала приходить в его дом, и с каждым ее появлением становилось все меньше драгоценностей и одежды. А надо сказать, у Юйя был старший сын. И вот он увидел темноликую, но побоялся приблизиться, а стал из двора к ней взывать и кланяться: «Отец наш умер. Мы, его дети, – теперь ваши дети. Может, вы нас и не любите, приласкать нас не желаете – пусть так. Но неужели вы будете спокойно смотреть, как мы разоряемся и опять катимся в нищету?»

Лотос сделала паузу, поддразнивая сестру. Орхидея всем видом старалась не показать недовольства.

Наконец, насладившись ее ожиданием, Лотос произнесла:

– Женщина-лиса задумалась. Потом, ни слова не промолвив, ушла, и больше ее в тех местах не видели.

Какое-то время обе девушки сидели напротив друг друга, думая каждая о своем.

– А скажи, сестрица, – нарушила молчание Орхидея. – Вдруг появился бы такой человек у нас в доме, в виде мужчины... Приняла бы ты его ради богатства?

– Мама говорит, что если кто и вернет нам былой достаток, и даже приумножит его – так это только ты, сестра. Уж не знаю, что она имеет в виду... – Лотос наигранно задумалась, искоса поглядывая на Орхидею. – То ли намекает, что много лет назад нашла тебя в лесу, в лисьей норе, выкормила и теперь ждет, когда ты явишь свое колдовство в благодарность за заботу... А может, надеется, что вот-вот случится твоя свадьба с влиятельным господином, работающим в чайной лавке неподалеку...

– Ах ты негодяйка! – Орхидея схватила картонку с иероглифом и замахнулась на сестру, словно желая прихлопнуть ее, как муху. – Не вздумай ей проболтаться!

Лотос с шумом отодвинулась на стуле от стола. С сияющим видом взглянула на Орхидею и продолжила:

– Хороший выбор, между прочим! Умрет дядюшка Чжень, оставит хозяйство вам. Только бы его беспутный сынок до этого не объявился. Станете торговать, добра наживать. Главное, чтобы твой будущий муженек не ревновал тебя к каждому покупателю, да не пил и не поколачивал тебя.

– Прекрати! – Орхидея положила украшение обратно и улыбнулась. – Он хороший парень. Заботливый и работающий.

– А он тебе не рассказывал, каким образом заполучил шрам? – Лотос провела пальцем по своему лбу, будто чертя поперечную линию. – Такую отметину не скрыть ничем. Как его угодзило?

– Его однажды ограбили и чуть не убили, – ответила Орхидея. – Он ведь не всегда работал в чайной лавке. Раньше приходилось ему бегать по городу, искать случайные заработки. А кого только не встретишь на улице... Город полон опасностей.

– Мать волнуется, когда ты выходишь из дома, – вздохнула Лотос. – А меня не выпускает дальше нашего хутуна... Говорит, что, пока не исполнится шестнадцать лет, чтобы и не мечтала о самостоятельных прогулках. Если бы не твои рассказы, сестрица, я бы и не знала, что творится в Пекине дальше Оловянного переулка.

– Ну, осталось потерпеть пару лет! – улыбнулась Орхидея. – Они пролетят быстро, а там начнут заявляться сваты, одни за другими...

Обе девушки озорно переглянулись и прыснули со смеху.

– А помнишь, к нам приходил этот толстяк... – начала было младшая.

Но старшая прервала ее взмахами рук:

– И слышать не хочу! – заливаясь хохотом, ответила она. – Как у него только ума хватило на это!..

Отсмеявшись, сестры навели на столе порядок, убрали ножницы и остатки бумаги.

– И все-таки этот твой Дун Ли изрядный простофиля и деревенщина, – сказала Лотос, с вызовом глянув на Орхидею. – Ну в самом деле, не мог он, что ли, выдумать про свой шрам какую-нибудь красивую историю... Например, что служил в войске и сражался с бунтовщиками. Или участвовал в битве с заморскими чертями и какой-нибудь главный длинноносый дьявол, с волосами цвета соломы, налетел на него верхом на коне и рубанул саблей, но чудом не убил, а нанес лишь рану... А он тебе признался, что его побили и обчистили!

– А мне нравится, что он честный. Пусть совсем небогатый, зато не выдумывает всякую чепуху.

– Так ты и впрямь собираешься за него замуж? – хитро сузила глаза сестра. – Гляди, мать узнает, вырвет тебе волосы!

Орхидея показала ей язык:

– Ты когда шуришься, похожа на монголку!

Лотос возмущенно потрясла головой:

– Неправда! У монголоков лица как блин и кожа точно лошадиная... Так значит, подумываете о свадьбе? – продолжала подначивать она. – А что, он парень работающий, скромный. И жить будешь неподалеку, удобно в гости ходить! А то надоело мне бегать к воротам, передавать ему всякую чепуху.

– Ничего не чепуха! – вспыхнула вдруг Орхидея. – Кстати, ты сказала ему, где быть послезавтра?

Неожиданно вскочив со стула, тонкая и гибкая, как молодая ива, Лотос принялась тихонько пританцовывать, подпевая в такт своим плавным движениям:

Синяя юбка, красный платок –

Растила ее матушка, а выдаст за свинью.

Теряет, бедная, свою дочку.

Нарядный паланкин, да полно печали...

Орхидея испуганно глянула на дверь и махнула на сестру рукой:

– Тише ты! Мать услышит, или братья прибегут, проболтаются ей потом. Да не собираюсь я замуж пока!

Сестрица с озорным упрямством продолжала выводить:

Выдать замуж – как выплеснуть воду за ворота,

Тоньше бумажного листа наша женская судьба!

Угомонившись, Лотос уселась на место, довольная собой.

– Передала ему все, в точности как ты сказала, не волнуйся! Он от радости чуть наши ворота не расцеловал! Ну, даже если мама узнает, с тобой-то ничего не сделает. Она у нас,

сама знаешь, человек с мягким сердцем. Тебя не тронет, но сама умрет.

– Не говори так, даже в шутку. – Орхидея строго посмотрела на сестру.

– Извини, ты права, – мгновенно посерьезнела Лотос. Желая переменить тему, поинтересовалась: – Как думаешь, что тебе подарит на праздники твой любимый?

– Не знаю, – пожала Орхидея плечами. – У него ведь не так много денег. Да это и не важно.

– Как «не важно»?! – возмутилась Лотос. – Подарок – самое главное, им показывается отношение!

– И без этого понимаю, что он влюблен в меня, – нежно проговорила Орхидея. – И я сама, кажется, равнодушна к этому парню. В подарке важнее не «что», а «от кого».

– Ну а все-таки, что ты ему приготовила? – не унималась сестра. – Знаю, ты вышивала по вечерам, когда мы уже уляжемся спать.

Орхидея молча протянула руку к ящику столика и достала светлый, рисового цвета, платок. Все так же ни слова не говоря, развернула его перед Лотос.

Та увидела вышитый в центре иероглиф «Орхидея»:



– Ты знаешь, сестра, – задумчиво сказала Лотос. – Пожалуй, ты права. Почему-то мне кажется, что пройдут годы, и самые именитые люди страны будут соревноваться за право получить от тебя в подарок нечто подобное.

Орхидея тихо вздохнула:

– Не говори глупостей, сестренка.

ГЛАВА 3

ОГРАБЛЕНИЕ ПО...

Едва дядюшка Чжень запер лавку, как Дун Ли, сложив руки и кланяясь, принялся отпрашиваться на сегодняшний вечер.

– Куда это ты собрался в такую непогоду? – недоуменно спросил хозяин и хитро прищурился. – Уж не на свидание ли?

Дун Ли смущенно опустил глаза.

– Ох уж эти современные нравы... – покачал головой старик. – В наше время девчонку было не вытащить из дома так запросто, даже в погожий денек. Увидишь ее раз в несколько месяцев, на рынке или в саду, да и то в сопровождении родни – считай, удача! А теперь? Мыслимое ли дело, встречаться на ночь глядя, да еще под таким холодным ветром! Опять с этой маньчжуркой, дочкой госпожи Хой?

Вздвогнув, Дун Ли виновато посмотрел на хозяина и кивнул.

– С тех пор как она зашла к нам в лавку первый раз, мое сердце не знает покоя. Она удивительная!

Лавочник пошевелил усами, отчего стал похож на облезлую речную выдру.

– Удивительная... Тут, пожалуй, ты прав. Считай, повезло, что нищета сбила спесь с этой семейки. Был бы жив их отец – не поздоровилось бы тебе, уж поверь! Виданное ли дело – китаец вздумал связаться с девчонкой из клана Желтого знамени?!

– Мы любим друг друга, дядюшка Чжень!

Хозяин, не обращая внимания на слова помощника, продолжал:

– Девчонка приметная, что ни говори. И это при том, что ей выпала такая тяжелая юность... Посмотри на ее подружек – разодеты в самую дорогую парчу! А что за украшения у них в волосах! А браслеты – ты заметил какие? Продай мы нашу лавку вместе с товаром, и то не сможем купить ничего подобного. Осмелился бы приударить за этими красотками, а?

– Они никогда даже не взглянут на такого, как я, – пробормотал Дун Ли. – Но Орхидея – другая. Вы же знаете это, хозяин!

Лавочник дребезжаще рассмеялся:

– По твоему тону мне понятно, что прежде всего в этом ты стараешься убедить самого себя.

Помощник не нашелся с ответом, лишь щеки его покраснели.

Хозяин, довольный своей прозорливостью, пригладил пальцем усы и важно кивнул:

– Да уж, мне многое известно. Хочешь, чтобы дело шло хорошо, – привечай соседей и старайся узнать об их жизни побольше. Я ведь помню Орхидею еще совсем девчонкой, лет восемь ей было, когда они уехали из Пекина. Тут у господина Хоя что-то не заладилось, и он выхлопотал себе местечко в городе Уху. Там-то уж семья стала купаться в серебре... Представляю, как баловали они свою старшенькую! Из пяти детей в одной лишь Орхидее отец души не чаял, она была его любимицей. Он и умер-то, скорее всего, от стыда и огорчения – ведь когда его поймали на взятках и перевели в Аньцин, Хой лишился и должности, и денег, и славы. И уже не мог обеспечить Орхидее наряды и походы в театры – а ты же знаешь, что она страсть как любит представления, и сама поет превосходно! Вот уж о ком говорят – «жемчужная гортань»! С детства на лету схватывала любую мелодию, все соседи диву давались, когда слышали ее голосок.

– Говорят, ее отец начал курить опиум и поэтому так рано умер? – спросил Дун Ли.

– Опиум дарит человеку забытие и блаженство, но крадет годы... Что там случилось с господином Хоем, не нашего ума дела. Но их путь назад был ужасен. Так уж они решили – похоронить отца именно в Пекине. Две тысячи *ли* по жаре, можешь себе представить, какой там запах витал вокруг несчастной семьи... Сначала на лодке, затем по пыльным дорогам. Да еще носильщикам нечем стало платить – пройдохи требовали с каждым днем все больше, а потом и вовсе бросили гроб. Но госпожа Хой все же сумела доставить покойного мужа в родной город. Как ей это удалось – ума не приложу. Ходили слухи, что им повстречался знатный человек, который проникся их трудностями и распорядился выдать десять тысяч лянов, а также выделил своих слуг вместо сбежавших носильщиков.

Дун Ли, услышав о такой сумме, удивленно округлил глаза и приоткрыл рот.

Дядюшка Чжень усмехнулся и продолжил:

– Хотел бы я повстречать такого щедрого господина! Как бы там ни было, но семья Орхидеи вернулась в столицу. Похоронили отца и поселились у нас в квартале. Госпожа Хой выкупила домик одного из родственников мужа. Раньше-то они обитали в районе Шишахай, там у них было роскошное жилье. Да ты, верно, знаешь прекрасно те места? – Хозяин посмотрел на помощника. – Небось частенько там околачивался, поджидая ездока побогаче?

Дун Ли промолчал. Квартал, где сплошь особняки китайской знати и маньчжуров, родственников императорской фамилии, он, конечно, знал. Только вход праздної бедноте туда заказан – мигом погонят прочь стражники. Да и рикшами там мало кто пользуется, ведь жителям Шишахая привычнее передвигаться в паланкинах. Дун Ли бывал там лишь пару раз, в бытность ломовым рикшей, когда таскал на тележке уголь в один из домов. В то время он и не представлял, что когда-нибудь станет встречаться с девушкой из этого района.

Дядюшка Чжень, не дождавшись ответа, покачал головой.

– Однако мы с тобой заболтались, – ворчливо сказал он, растирая себе поясницу. – В такую непогоду у меня всегда ломит тело. Когда я был молод, как ты, мне тоже не сиделось на

месте. Все куда-то спешил... А вот отстоял свои годы за прилавком, да заработал кучку серебра и целую гору болезней. Теперь уж никуда не деться, так и доживу век в этой лавке...

Брови хозяина приподнялись, а усы, наоборот, печально обвисли. Должно быть, он вспомнил о сбежавшем из дому сыне...

– Дядюшка Чжень! – Дун Ли прижал руки к груди. – Вы не будете одиноки! Я позабочусь о вас, как о родном отце!

Старик махнул рукой:

– Ты давай позаботься о лавке. Убери тут все, протри насухо заварочный столик, видишь, дерево от влаги начало портиться... Я пойду в дом, намажу колени да поясницу, а потом спать лягу. Будешь выходить через задние двери – не забудь запереть их потом. Да проверь, подергай створки, чтобы плотно закрыто было – эдакий ветрище сегодня, нанесет песку, не вычистим потом... И куда только вас, молодых, тянет в такую погоду!

Дун Ли терпеливо выслушал стариновское ворчание. Когда хозяин наконец ушел во внутренний двор, его помощник еще два часа возился в лавке, со специальной медлительностью наводя порядок. Нужно было выждать до времени, когда в домах начнут гаснуть фонари. Простой люд и в деревне, и в городе ложится спать рано – но и встает еще затемно.

За ночь надо успеть совершить намеченное и вернуться.

Пальцы Дун Ли принялись подрагивать – когда он переставлял посуду, крышечка чайника мелко задрезжала. Волнение, до поры сдерживаемое всевозможными дневными хлопотами, начало проявляться все сильнее. Даже дышать стало тяжело – в груди будто застрял ледяной ком, а сердце тревожно ворочалось под ним, придавленное.

Дун Ли сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и даже ударил себя ладонью по щеке.

– Не надо бояться, – произнес он, стоя посреди чайной лавки. – Сегодняшней ночью Небо на моей стороне. Все у меня получится.

Голос его срывался от нервного возбуждения, но все-таки парень смог немного успокоиться. Заперев задние двери, бросил взгляд на окошко спальни хозяина. Свет уже не горел там. По маленькому дворику носились песчинки, ветер закручивал их, гоняя от стены к стене. Дун Ли сунул руку за пазуху и выудил припасенный кусок ткани.

Намотав тряпку на лицо – и защита от пыли, и возможность остаться неузнанным, – втянул голову в плечи и вышел за ворота.

Буря бесновалась в их переулке, и страшно было подумать, что творится на широких улицах или площадях – там, похоже, запросто свалит с ног. Покачиваясь, парень добрался до перекрестка, свернул в соседний *хутун*, где располагалась слесарная мастерская. Ворота были заперты. Дун Ли уцепился за черепицу, покрывавшую верх стены, подтянулся и заглянул во двор. Как он и ожидал, хозяева уже улеглись – за забором была непроглядная темень. Парень без труда перемахнул через ограду и удачно опустился на мерзлую землю. Ведя ладонью по шероховатой, холодной стене, прокрался к складу под жестяным навесом. Ветер так громыхал хлипкой кровлей, что Дун Ли, не опасаясь быть услышанным, покопался в куче деталей и выудил подходящий металлический прут – толщиной с палец и длиной чуть больше предплечья. Ухватил покрепче за один конец, сделал несколько пробных взмахов. Подставил ладонь, оценивая силу удара. Спрятав находку в рукав, вылез из двора ремесленника, выскользнул из *хутуна* обходными путями, то и дело сворачивая с основных улиц, направился в южную часть города. Приобретенный ранее опыт и память пригодились – ноги бывшего рикши упруго отталкивались от промерзшей земли и, казалось, несли его сами по себе. Он даже попытался перейти на привычный размеренный бег, но быстро одумался – не ровен час, налетит на сторожей, те мигом устроят переполох, приметив бегущего незнакомца. Да и непогода серьезно осложняла перемещение, а путь предстоял далекий.

Ледяной ветер забирался под одежду. Было трудно дышать, но Дун Ли упрямо, как рыба против течения, продвигался по улице, наклонив голову и стиснув зубы. По телу пробегала дрожь, и парень знал – не столько от холода она, сколько от страха.

Ведь нынешней ночью он станет преступником.

На разбой – а для чего же еще была прихвачена дубинка – он решил лишь на днях, подсчитав свои сбережения. Близилась череда зимних праздников, а денег хватало на скромное угощение, но никак не на достойный подарок. Вручить Орхидею недорогого безделушку Дун Ли и помыслить не мог. Все эти шпильки из медных гвоздей и веревочные браслеты хороши, когда тебе лет десять и ты неожиданно влюбился в соседскую босоногую девчонку, знакомую с младенчества. А когда сердце неровно бьется от вида юной красоты, на которую засматривается каждый встречный, да к тому же и она к тебе явно равнодушна – тут отдариться безделушкой означает потерю и лица, и своей ненаглядной. Сидя в лавке долгими вечерами, Дун Ли ломал голову в поисках решения. Не ровен час, объявится кто-то другой, побогаче... Затмит рассудок ее родни блеском серебра и шелка – и все пропало. Ослушаться мать Орхидея не посмеет, та мигом выдаст ее замуж... Чем больше парень размышлял о возможном итоге, тем жарче распался. Сдвигал брови, сжимал челюсти и то и дело бросал взгляд на кривой отточенный нож, лежавший на прилавке, – им он обрезал бечеву на пакетах с чаем. Но вонзить его в соперника, если такой окажется в квартале, – не выход из положения. Ведь схватят наверняка, и расправа будет суровой. А перед этим еще и поведут по улице, закованного в колодку. Всех женихов не истребишь, да и сам он не был до конца уверен, способен ли ударить человека ножом. Иное дело – пригрозить дубинкой, а при необходимости вполсилы стукнуть по темечку. Тем более – одинокому старику, живущему в конце глухого переулочка на самой окраине. Тоже рискованно, конечно, но трезвый расчет и неоднократные наблюдения за намеченной жертвой вселяли уверенность – все получится...

...Этого тщедушного скупщика Дун Ли заметил еще во времена, когда работал на контору Ву и бегал с арендованной коляской по городу, чаще пустой, чем с седоком. Время было такое же зимнее, сущий ад для любого, кто работает на улице, а уж для рикши – верная дорога в могилу. Пока резво двигаешься, тебе тепло, и даже пот струится по телу. Но вот клиент доставлен, жалкие гроши получены, а следующего пассажира можно и не сыскать – дни короткие, холодные, людей на улице мало. Пропотевшая одежда быстро смерзается коркой, спина немеет, под ребрами начинает саднить, и вот уже следующим утром тело сотрясает кашель... Дун Ли не раз видел рикш, умиравших прямо посреди улицы. Они валились на землю, глаза их закатывались, изо рта шел слабый хрип, а плечи подергивались, будто в плаче. Попадались среди них и такие, кто покидал этот мир с радостью – мелкое частое дыхание их прерывалось последним выдохом, а на губах появлялась улыбка счастливого человека, чьи страдания и мучения завершились.

В один из тех нерадостных промозглых дней Дун Ли понуро плелся с пустой коляской по улице Дашиланьэр. В праздничные или погожие дни здесь оживленно и шумно: толпы горожан перетекают из одного магазина в другой, повсюду звучит музыка, кричат продавцы засахаренных фруктов и соевого творога, а покупатели отчаянно торгуются, веселятся, ругаются, примеряют обувь и шапки... Но в зимнее ненастье мало желающих прогуляться по таким районам. Двери и ставни на окнах магазинов плотно притворены, чтобы не выдувалось драгоценное тепло. Зазывалы изредка выглядывали из лавок, окидывая безлюдную мостовую сонным взглядом, и прятались обратно.

Неожиданно Дун Ли окликнули – он услышал требовательный возглас, каким

подзывают рикшу. У дверей книжного магазина стоял коренастый человек. Одет он был просто, в серый стеганный халат и крестьянского вида шапку, такую рваную, будто ее долго грызли собаки. Заплетенная крайне небрежно косичка совсем растрепалась – волосы торчали из нее во все стороны, словно необычайно длинная мохнатая гусеница свисала с затылка этого мужчины. Но Дун Ли каким-то внутренним чувством усомнился в неблагородном происхождении подозвавшего. Слишком уж нарочито тот стремился выглядеть выходцем из глубинки. Да и что крестьянину делать в магазине, полном бесполезных для него вещей?.. Неестественно чистые для простолюдина руки смутили рикшу, стоило ему взглянуть на них, когда клиент садился в коляску и схватился за борт. И добротная обувь, явно не китайская – такую носят богачи, покупая у контрабандистов товары белых варваров. Башмаки пассажира были сильно стоптаны, но все еще прочны – толстая свиная кожа заморской выделки. Старик Ву недавно раскошелился себе на подобные – тоже изрядно поношенные, но крепкие. «Английские! – нахваливал он покупку, крутя ботинком перед каждым проходящим в его контору посетителем. – Искусны дьяволы в таких поделках!» На этом его восхищение способностями длинноносых чертей заканчивалось, и он погружался в сетования о том, как сильно англичане осложняют жизнь Поднебесной. «Один опиум чего стоит! Что сделали с нашим Срединным государством... До чего довели народ – куда ни глянь, всюду курильни! Ведь к этой заразе прирастились все – от последнего *кулидо*... – владелец конторы понижал голос и заговорщицки поднимал палец, – многих весьма знатных людей!» Среди народа давно ходили слухи, что этого порока не сумел избежать и сам император, но старик Ву, хоть и был трепачом, предпочитал тему слабостей Сына Неба обходить стороной. За сетованиями на опиумные проблемы страны следовали длительные рассуждения о политике, которым все, кроме Дун Ли, внимали вполуха. Молодой рикша слушал про быстроходные корабли иноземцев и обстрелы китайских городов, захват целых островов и чинимые там грабежи. Ужасался рассказам о коварстве, жадности и разврате европейцев... Подумать только – эти дьяволы не стеснялись целовать своих женщин при посторонних, не только дома, но даже на улице!.. Запоминал из болтовни конторщика названия стран, открывал множество вещей, о которых он не мог узнать больше нигде – ведь тогда он был неграмотным.

Душа парня закипала, когда он думал о том, что белые пришельцы не только не собираются оставить его родину в покое, но, наоборот, насаждают все крепче. Старик Ву рассказывал, что незадолго до рождения Дун Ли заморским чертям возбранялось ступать по китайской земле. А теперь запреты рушатся на глазах, как ветшает под натиском времени и природы возведенная стена. Назойливые иноземцы уже суют свои длинные носы повсюду.

Везя странного человека по названному им адресу – путь предстоял неблизкий, в сторону южных окраин, хотя с оплатой клиент не поспешил, – Дун Ли беспокойно поводил плечами. Его так и подмывало рассмотреть лицо пассажира, отыскать в нем что-то настораживающее. Вопреки обыкновенному отрешению, когда перед глазами только дорога, в ушах легкий скрип колес повозки, а в душе одно лишь желание – побыстрее бы доставить и получить причитающееся, теперь рикша испытывал необъяснимое волнение, накрывавшее его по мере движения все сильнее и вот-вот готовое переродиться в страх. Еще не минуло и трети пути, как юноша уже убедил себя – в его коляску уселся оборотень. Всем известно, что столетней лисе не составляет никакого труда превратиться в юношу или мужчину. Дун Ли бежал, на ходу промакивая лоб повязанной на шее тряпкой, и чувствовал, что пот его липкий и холодный. Далеко позади остались широкие и прямые, с севера на юг, центральные улицы. Исчезли добротные постройки с загнутыми черепичными крышами, потянулись покрытые ином болота и ямы с заледеневшей водой. Когда впереди показался огромный круглый храм Неба, оборотень – а Дун Ли уже не сомневался, что это именно он – приказал свернуть в кварталы Тяньцяо. Это еще больше испугало рикшу – ведь тот район кишел всевозможным сбродом. Воры, разбойники, уличные артисты и музыканты, прорицатели, проститутки,

крестьяне и обнищавшие горожане стекались за Южные ворота, селились в грязных лачугах неподалеку от каменного моста, названного из-за своей высоты Небесным. Повинуясь указаниям седока, Дун Ли петлял по неизвестным ему тесным переулкам, стараясь запомнить дорогу, чтобы поскорее убраться, как только высадит клиента. Наконец рикша остановился возле невысокой стены, за которой виднелась плоская крыша убогого домика. Пассажир строго приказал ему остаться и непременно дожждаться его возвращения. Свои слова он подкрепил обещанием щедро заплатить за обратный путь и показал деньги – целых пять лянов! Такую сумму рикше не заработать и за несколько недель... В конце концов, гораздо опаснее ослушаться и рассердить лису, тогда она точно не даст жизни. А если не перечить и выполнять ее требования, то, может, все и обойдется. Парень вздохнул и, мысленно махнув рукой, согласился. Человек в сером халате легко выскочил из коляски, толкнул хлипкую дверь на деревянных петлях и скрылся во дворе. Дун Ли опустил на землю ручки повозки. Присел на подножку, вытянув гудящие ноги и пялясь на облезлую, сплошь в трещинах и пятнах, стену, за которой слышались два приглушенных голоса – низкий и хриловатый, явно принадлежавший седоку, и скрипуче-дребезжащий, очевидно, хозяина дома. Раздираемый страхом и любопытством, Дун Ли какое-то время колебался. Наконец, победив холодок в груди, парень подтащил коляску вплотную к ограде, поставил ногу на сиденье, поднялся и вытянул шею, заглядывая во двор. В начинающихся сумерках ему удалось различить двоих. Один, несомненно, был наниматель – его серый халат почти сливался со стеной лачуги, но коренастая фигура и драная шапка позволяли опознать странного пассажира. Второй стоял в дверном проеме – небольшого роста, согнутый не то в поклоне, не то от старости. Дун Ли присмотрелся получше. Это и впрямь оказался лысый и жидкобородый дедок, по виду – типичный гадалец по руке или слепой музыкант. Конечно, слепым он не был, как и большинство музыкантов, лишь делавших вид, что они незрячи. Старик внимательно взидал на предмет, который приехавший человек держал на раскрытой ладони. Дун Ли заметил холодный отсвет, будто незнакомец показывал серебряный слиток. Затем хозяин приблизился вплотную к гостю и тот даже наклонился вперед, чтобы лица их оказались друг против друга. «Принюхиваются!» – с ужасом подумал парень, едва держась на ногах от страха. Вне всяких сомнений, один оборотень заявился в логово другого для своих тайных дел.словно в подтверждение догадки, старик вытянул из рукава небольшой мешочек и передал его молодому. В этот миг коляска под ногами рикши зашаталась, от неожиданности он охнул, взмахнул руками и полетел на мерзлую землю. Хорошенько приложившись спиной и затылком, превозмогая боль, вскочил и плюхнулся на подножку. Мгновение спустя чуть слышно скрипнула дверь – из двора за ним наблюдали в узкую щель. Дун Ли, обмирая от страха, попытался принять равнодушно-скучающий вид. Даже оттопырил нижнюю губу и слегка скосил глаза к носу, чтобы придать лицу характерное для рикши выражение тупой покорности судьбе.

Дверь резко распахнулась. В проеме возникло очертание долговязой фигуры – явно кто-то третий присутствовал в доме и сейчас, словно настороженный зверь возле норы, оценивал опасность. Так, по крайней мере, показалось едва не напустившему под себя лужу любопытному вознице. Нескладный высоченный человек шагнул в его сторону, нагнулся и уцепил за руку. Дун Ли попытался вырваться, но хватка незнакомца оказалась весьма крепкой. Прежде чем парень успел осознать, что его держит не кто иной, как самый настоящий заморский черт, выряженный в нелепые иноземные одежды, тот сунул ему в ладонь деньги и приказал немедленно доставить его к стенам Внутреннего города. Голос дьявола звучал точь-в-точь как у бывшего пассажира, и даже ботинки – они мелькнули перед самым носом рикши, когда новый седок залезал в коляску, – ничем не отличались. Отчего-то Дун Ли не решился сказать, что ему велено дожидаться другого человека – послушно взялся за ручки и побежал прочь от жутковатого места...

Ветер свистел в ночной мгле, набрасывался на одинокого прохожего, пронизывая насквозь. Рвал полы халата, толкал то в спину, то в грудь, словно забавляясь очутившейся в его власти фигуркой человека.

Дун Ли показалось, что ненастье будто намекает – если он попадет, на шею ему наденут колодку и станут водить по улицам, где толпа непременно начнет улюлюкать, швырять в него грязью и пинать. Закончит он свой век в тюрьме и остаток дней будет молиться лишь об одном – чтобы не узнала шаньдунская родня. В деревне, где он вырос, никогда не бывало воров. Все местные мужчины с раннего утра до вечерней темноты машут кайлом на каменоломнях, а женщины заняты стиркой, стряпней, присмотром за детьми да хозяйством. Чужак не пройдет незамеченным, а ограбить соседей – дело немыслимое. Да с их и взять-то нечего... Разве ветхие штаны или лоскутное белье, что в ясную погоду хозяйки развешивали на бамбуковых шестах, словно разноцветные флаги. Но где же потом щеголять в краденых вещах...

Иное дело – город. Тысячу раз был прав дядюшка Чжень, когда говорил о злой силе, наводнившей Пекин. Тьма народу, бесчисленное множество самого разнообразного отребья, промышляющего отнюдь не честным трудом. Да и самого Дун Ли недобрая судьба уже доводила до греха, и лишь чудо помогло остаться в живых. И хотя в тот день, когда его спас старина Чжень, парень зарекся когда-либо еще ввязываться в лихие дела, но вот он снова на скользкой тропе преступника. Не только голод может довести человека до отчаяния. Любовь толкает на этот путь с таким же успехом. Особенно если ты молод, но уже осознал: не решишься на риск, не отстоишь свое право на счастье – так и проживешь забитым существом, дрожащим в своей норе...

...В лицо Дун Ли ударил порыв ветра такой силы, что дыхание невольно прервалось, словно от падения в воду. Какое-то время он стоял, согнувшись почти пополам, не в силах разлепить рта. Наконец резко выдохнул, будто вынырнув из ледяного потока, сплюнул попавший на губы и язык песок, прикрылся рукавом и продолжил путь. Парень поблагодарил Небо за посланную непогоду – в такую ночь никто не высунет нос на улицу. А случись какой шум – за свистом бури вряд ли кто услышит.

Ветер гудел, ревел и завывал, словно вырвавшийся на свободу страшный зверь. Скидывал черепицу с крыш и рвал в клочья полотняные вывески, ломал ветви деревьев, сек стены домов песком и пылью. Дун Ли упорно двигался вперед, радуясь, когда порывы подталкивали его в спину – точно чья-то могучая рука направляла на нехорошее дело.

Вскоре он одолел крутой подъем Небесного моста и на миг остановился, вглядываясь в ледяную черноту, в которой скрывались кварталы Тяньцзяо, но не смог увидеть даже исполинского круглого храма по правую сторону. Вдобавок к песку в воздухе вдруг появилась мелкая снежная крупа, вмиг припорошившая плиты моста. Белые змейки поземки бежали по голому камню, срывались и исчезали в темноте. Дун Ли передернул плечами и осторожно, опасаясь поскользнуться на обледенелом настиле, начал спускаться.

Ночью окраина города выглядела особо зловеще. Едва различимые в темноте кособокие домишки больше походили на валуны, разбросанные среди промерзших пустырей. Не было видно ни огонька. Негодный совсем район, разве что для преступления подходящий...

...Наверное, он никогда не решился бы еще раз заглянуть в переулок, где столкнулся с необъяснимыми для себя вещами, но судьба распорядилась иначе. Не прошло и месяца после того случая, как в его коляске побывала лиса-оборотень, и Дун Ли вновь оказался в южных кварталах – его нанял какой-то старик, остановив возле ворот Внешнего города. Поначалу

парень не узнал его – самый обыкновенный хрыч, каких полно в ремесленных районах, разве что одежда была из дорогой ткани, хоть и изрядно поношенная. С собой у него было два небольших, но увесистых тюка. Дедок не без труда залез с ними на сиденье, поместил один в ногах, другой на коленях и успокоил недовольно косящегося рикшу обещанием достойной платы за лишнюю тяжесть. Когда же он назвал адрес, Дун Ли вздрогнул, будто его ошпарили. Это же тот самый хозяин лачуги, где в сумерках вершат свои делишки всякие подозрительные личности! Первым желанием было бросить коляску и бежать сломя голову прочь. Но парень заставил себя справиться с нахлынувшим страхом. Деньги обещались немалые, а дело рикши – возить того, кто заплатит. К тому же при свете дня старик больше походил на разорившегося торгаша, чем на опасное существо, владеющее волшебством. Конечно, лисы хитры и умеют принимать самый разный облик... Но зачем оборотню, во власти которого без труда раздобыть любое богатство, прозябать на отшибе в захудалом домишке?.. Дун Ли быстро убедил себя в том, что в прошлый раз на него нашло наваждение – от холода и усталости привиделась всякая чепуха. Здравая мысль придала сил, и рикша бодро побежал, катя за собой коляску с щедрым клиентом. Уверенно ориентируясь в уже знакомых кварталах за Небесным мостом, он доставил седока быстрее, чем тот ожидал. Довольный старик заплатил сполна и даже попросил об услуге – за пару монет помочь ему с поклажей, занести во двор. Пока Дун Ли управлялся с тюками – один из них позвякивал металлом, другой же больше смахивал на обернутый мешковиной рулон ткани, – рядом словно из ниоткуда возник человек небольшого роста, в чиновничьей фетровой шапке с бронзовым шариком. Угодливо улыбаясь и беспрестанно кланяясь, посетитель тихим голосом заговорил с хозяином о каком-то обмене, но тот прервал его жестом, велел замолчать. Тут же Дун Ли получил полагающуюся награду за помощь и был выставлен за ворота.

Желая понять, чем же промышляет загадочный старикан, парень снова залез на свою коляску и заглянул во двор. Увиденная картина походила на ту, которую он наблюдал и ранее – посетитель стоял перед дедом и держал на покрытой тряпицей ладони кусок серебра. При ярком дневном свете Дун Ли даже разобрал, что это не просто слиток, а некая фигурка. Что именно она изображала, парень рассмотреть не успел – пришедший завернул вещь и снова заговорил с хозяином. Тот слушал и время от времени разводил руками. Чиновник принимался говорить настойчивей – но по-прежнему негромко, для пытавшегося подслушать Дун Ли его слова звучали словно шелест сухой листвы. Старик мотал головой и шипящим шепотом в чем-то убеждал гостя. Вытащив из рукава какую-то бумагу, тыкал в нее пальцем и кивал на предмет в руке визитера. Затем извлек из-под полы халата небольшой мешочек, развязал тесьму и, не вынимая содержимого, предложил чиновнику заглянуть внутрь. Тот, поптичьим склонив голову, всмотрелся. На лице его отразилось сомнение, но поразмыслив, он удовлетворенно закивал.

Стоять на крыле коляски было неудобно, и Дун Ли решил не дожидаться окончания переговоров. И так стало ясно – старик не прост. Хочет таким казаться, но вовсе не таков. И в доме у него наверняка найдется, чем поживиться...

...Кромешная мгла царила в коротком кривом переулке, и лишь цепкая память бывшего рикши помогла ему отыскать нужную постройку. Пытаясь справиться с волнением, Дун Ли одной рукой толкнул ворота, проверяя их на прочность. Судя по всему, они едва держались на хлипкой щеколде, и молодой человек смог без труда отворить их, надав посильнее плечом. Опасаться было нечего – даже он сам не расслышал треска из-за погодной свистопляски. В крохотном дворике, где старик имел обыкновение принимать посетителей, ветер не так свирепствовал, но темнота казалась еще гуще из-за висевшей в воздухе пыли. На сером фоне стены едва различался прямоугольник входной двери. Дун Ли решил с ходу вышибить и эту преграду. Но, к его удивлению, дверь оказалась из толстых, проклепанных болтами досок.

Впрочем, это лишь утвердило парня в предположении, что старик отнюдь не беден. В хитрости хозяину странного места отказать было нельзя – дом лишь на первый взгляд выглядел как лачуга. На деле же это оказалось приземистое сооружение со стенами из каменной кладки, для маскировки обмазанное глиной. Во внутренний двор смотрела пара узких темных окошек, в которые невозможно пролезть даже щуплому человеку. Но и это хозяин посчитал недостаточным – в середине каждого виднелся толстый железный штырь.

Дун Ли озадаченно потер скрытый под тряпкой подбородок. Хотя такое укрепление и наводило на мысль о возможной весьма богатой поживе, но зато начисто разрушало предыдущий план легкого проникновения в жилище старика.

Борясь с колотившим ознобом, горе-грабитель провел во дворе более четверти часа, понимая, что удача оказалась не на его стороне. Ветер, и без того почти ураганный, усиливался с каждой минутой, снова полетело колючее ледяное крошево, похожее на мелкие осколки стекла – так больно секло оно незакрытую часть лица. Ног парень не чувствовал вовсе, казалось, они превратились в два промерзших чурбака. Пальцы на руках тоже сильно озябли. Он безуспешно пытался согреть их дыханием. Спрятанный в рукаве металлический прут теперь превратился в бесполезную холодную тяжесть, мешавшую движениям. Дун Ли собрался уже избавиться от него, выкинув за ограду, как вдруг ему почудилось, что входная дверь, возле которой он сидел, неизвестно на что надеясь, слегка дрогнула. Волна страха окатила парня с головой, но тут же на смену пришло возбуждение. Он вскочил, сделал шаг в сторону и прижался к стене. Сердце бешено стучало, разгоняя кровь по онемевшему было телу, и даже ногам вновь вернулась чувствительность. Правда, с нею пришла и дрожь в коленях, а также затряслись руки. Дун Ли с трудом достал из рукава дубинку и едва не выронил ее.

Нет, ему не показалось – дверь явно толкали изнутри. Приоткрыв ее на ширину ладони, невидимый наблюдатель пытался рассмотреть дворик. Дун Ли понял, что внимание отворившего привлекли выбитые ворота – сорванные с одной из петель, они теперь болтались на ветру и хлопали о глиняный забор. Спустя некоторое время – для парня прошла целая вечность – из проема высунулась обмотанная тряпьем голова, в темноте больше походившая на кочан белой капусты. Чувствуя, что страх вот-вот лишит его сил, Дун Ли отчаянно замахнулся и обрушил прут на выглянувшего старика – в последний миг перед ударом он разглядел знакомую жидкую бородку, пепельным лоскутом развевавшуюся на ветру. Однако тот не упал. Замерев, словно в недоумении, хозяин дома вцепился в дверь и повис на ней, пытаясь скорее притворить. Дун Ли встрепнулся и заполошно, закусив губу и борясь с желанием зажмуриться, опустил дубинку на голову жертвы еще несколько раз. Пальцы старика разжались, и он кулем рухнул на высокий порог. Чувствуя, как закладывает уши от оглушающего стука сердца – так сильно оно не билось, даже когда случалось бежать с тяжелой поклажей в гору, – Дун Ли рванул дверь на себя, перешагнул через распластанное тело и нырнул в дом.

Внутри было так же темно и холодно, как и снаружи, но зато безветренно. Поначалу Дун Ли ринулся шарить в поисках светильника, но спохватился и вернулся к выходу. Бросив уже ненужный прут, взял старика за ноги и перетащил через порог в дом – голова жертвы глухо стукнула, тряпки с нее размотались. Присев на корточки, протянул руку и коснулся сереющего во тьме лба старика. Пальцы увязли в липкой влаге. Парень вскрикнул, вскочил, машинально обтерев руку о халат. Запоздало опомнился и попробовал разглядеть, сильно ли вымазана одежда, но в глазах на фоне чернотыплыли желтые круги. Натыкаясь на мебель, опрокидывая и роняя все, что попадалось на пути, Дун Ли принялся метаться по дому. Лампу отыскать не удалось, а если и была она, то наверняка теперь разбита. Пытаясь унять охватившую его панику, Дун Ли ощупью перебирался от стены к стене, постепенно привыкая к темноте и начиная различать очертания кана с ворохом одежды на нем, силуэт сдвинутого в

угол стола и контуры невысокого шкафа.

Он заметил несколько полок, заставленных каким-то скарбом. С этого и начал обыск, торопливо ощупывая каждый кулек, горшочек, сверток или шкатулку. Но попадалась всякая ерунда – в основном скудные съестные припасы. Без церемоний рассыпая на пол бобы, рис и сушеные грибы, Дун Ли начал сожалеть о затеянном. Не может богатый человек прозябать в такой нищете! Одно дело – показная бедность, ложная, предназначенная для сторонних глаз, чтобы ввести в заблуждение. Но совсем другое – действительно унылая жизнь наедине с самим собой... Впрочем, поиски только начались. Как ни крути, но раз дом снаружи оказался с хитринкой, то и внутри него может крыться сюрприз.

Когда он взялся за очередной горшок и встряхнул его, внутри что-то увесисто стукнуло о глиняную стенку. Парень подставил руку и перевернул посудину. На ладонь упал мешочек из кожи. Вряд ли кошелек, размером слишком невелик – туда поместилось бы лишь несколько монет. Судя по тяжести и размеру, в мешочке могла лежать нефритовая пряжка или поясная подвеска – на это, по крайней мере, надеялся Дун Ли. Все его нутро разедал страх. В глотке пересохло, в ушах звенело, колени подрагивали. Хотелось схватить первую попавшуюся ценность – если она отыщется – и бежать прочь, оставив этот проклятый дом, перепачканный кровью...

При мысли об убитом – а в том, что старик мертв, сомнений у Дун Ли не было – руки заходили ходуном, и он чуть не выронил находку. Потянул тесьму, запустил внутрь пальцы и тут же отдернул их. Что-то очень холодное... Он прикрыл ладонь полкой халата и встряхнул из мешочка небольшой, но увесистый предмет, тускло блеснувший в темноте. Разглядеть, что это такое, оказалось непросто – явно не слиток, а больше похоже на украшение. Но что именно... Дун Ли осторожно дотронулся до его. Стылый, словно лежал в леднике. Пальцы покалывало, но парень зажал ими добычу и поднес поближе к глазам. Так и есть – ювелирная штучка! Поначалу он принял ее за изображение дракона, но быстро разобрался – это всего лишь толстая ящерица. Нет, такую стыдно дарить на праздник... Впрочем, спешить рановато. Надо поискать еще. Где одна безделушка, там и другие должны быть. По привычке, приобретенной еще во времена работы рикшей, он сунул фигурку под обмотку ботинка, чувствуя, как холодит кожу ноги металл.

Деловито осмотрев оставшиеся на полке горшки и не найдя больше ничего интересного, он подошел к шкафу и потянул дверцы. Те не поддались – Дун Ли сразу не заметил висячий замок. Подергал его, хмыкнул и задумался. Вспомнив о брошенном пруте, уверенно шагнул в сторону лежащего возле порога тела. Переступив через старика, нагнулся и нащупал рядом с ним на полу железяку. Вытер ее об одежду покойника и возвратился к шкафу.

Свернуть замок с помощью ломика было пустяковым делом для сильного малого. Дверцы скрипнули и отворились. Пахнуло душной смесью запахов: лежалого белья, каких-то специй, плохо выделанной и подгнившей кожи... Дун Ли принялся сбрасывать вещи с полок и ворошить их на полу. Обычная стариковская рухлядь, но ведь недавняя находка подтверждала – искать надо повсюду.

Увлеченный осмотром, он не сразу обратил внимание на то, что страх покинул его. Движения стали четкими и спокойными, сердце унялось. Руки перестали дрожать, ушла и слабость из колен. Ум работал ясно – парень не тратил время на суету. Присев на корточки, хладнокровно ощупывал все, где могло быть припрятано что-либо ценное. Вскоре ему попался под руку увесистый бумажный сверток, перевязанный бечевой. Дун Ли разодрал его, но разочарованно вздохнул – внутри находилась лишь пачка сшитых листов, покрытых трудно различимыми в темноте рисунками и надписями. Напрягая зрение, он сумел разобрать несколько картинок. Силуэты птиц, животных и даже насекомых – особенно хорошо виднелись широкие крылья бабочки. На одной из страниц парень наткнулся и на контур

ящерицы – правда, не похожей на ту, что он обнаружил в горшке.

Неожиданно со стороны входа, откуда сквозило холодом и доносился лишь свист ветра, раздался слабый стон.

Дун Ли отложил найденную тетрадь. Протянув руку к лежащему неподалеку пруту, крепко сжал его и поднялся, внимательно вглядываясь в темноту. Ни страха, ни волнения, ни даже удивления – лишь холодное спокойствие, готовность оценить обстановку и действовать.

Стон прозвучал вновь.

Значит, старик не был мертв, как первоначально полагал Дун Ли. Но это понимание не вызывало в нем удивления, досады или, наоборот, облегчения. Ум лишь отметил факт и сразу же нашлось решение.

Парень пружинистым шагом подобрался к распластанному на ледяном полу телу. Нагнулся и присмотрелся. Старик лежал на спине, задрав потемневшую от крови бороденку. Из черноты приоткрытого рта слышалось сипение. Веки были сомкнуты. Дун Ли пальцем оттянул одно из них, но зрачка не увидел – лишь едва различимая серость глазного яблока.

Бывший рикша за время своей работы много раз наблюдал, как приводили в чувство потерявших сознание возниц. Никто особо не церемонился с ними – обольют водой да надают по щекам. Искать кувшин Дун Ли посчитал напрасной потерей времени, а вот хорошенько похлопать по лицу и потрясти как следует – стоит попробовать. Жалко, нет под рукой уксуса – окатить бы им, так мигом этот хрыч очухается.

Энергичные встряски возымели успех. Сиплые стоны прекратились, кадык на тощем горле дернулся, глаза открылись. Старик пошевелил руками, ногти его проскребли по полу.

– Эй, живая дохлятина! – ровным голосом произнес Дун Ли, ухватив его за бороду. – Лучше тебе показать, где что припрятал! Или собрался в могилу с собой все унести?

Хозяин дома тяжело задышал и вдруг потянулся костистой рукой к парню, сумев взяться за край халата. Лицо его искажала гримаса ужаса и боли.

Дун Ли без труда высвободился из слабой хватки. Подхватив жертву за подмышки, оттащил от входа и усадил на пол, привалив спиной к едва теплomu кану.

Среди лоскутов ткани, валявшихся под ногами, выбрал неширокий и длинный и обмотал им, наподобие бинта, голову старика, но неплотно – так, чтобы у затылка можно было просунуть палец. Вместо пальца он поместил за тряпку принесенный с собой прут.

Старик безвольно сидел, вытянув ноги. Половина лица его была в крови, другая же половина заметно выделялась в темноте своей бледностью.

– В-в-в... – вдруг вырвался из его горла звук.

Дун Ли, взявшись за оба конца прута, выжидательно замер.

– В-в-возьми... монеты... – с усилием произнес старик, и вдруг взгляд его остановился на брошенной тетради. – В-возьми что х-хоч-чешь... только не...

Он обессилено замолчал.

Дун Ли, не колеблясь, надавил на прут. Ткань мгновенно натянулась, сжав раненую голову хозяина дома. Тот вскрикнул, заелозил по полу ногами и вцепился ногтями в повязку, пытаясь освободиться. Мучитель налег еще, провернув прут почти на один оборот. Старик истошно заголосил, но опасаться было нечего – его крик мало чем отличался от воя ветра во дворе.

– «Только не» – что именно? – спросил Дун Ли, перегнувшись через плечо старика. – Я знаю, серебришко у тебя водится. Говори, пес плешивый, или еще закручу!

Отчего-то такая совершенно несвойственная ему хладнокровная грубость сейчас воспринималась им как должное – именно так ведь и должен вести себя заправский разбойник.

– Н-нет... Т-ты не м-можешь з-за-брать это...

Хозяин дома с ужасом всмотрелся в наполовину скрытое повязкой лицо парня и опять

попытался дотянуться до него, но рука обессиленно упала. Нижняя челюсть его отвисла и мелко задрожала.

Дун Ли ослабил зажим и похлопал свою жертву по щеке. Затем несколько раз сильно ущипнул и дернул за бороду. Но, похоже, старик снова потерял сознание, или вообще душа уже вышла из него вон.

Поняв, что дальнейшие пытки ничего не дадут, а время неумолимо бежит и ночь уже на исходе, Дун Ли вытащил из-под повязки на голове страдальца прут. Оставив тело в покое, вернулся к вещам. Вскоре ему удалось отыскать в сваленном ворохе кубышку, полную меди.

На миг он задумался. Добить ли старика, вмазав ему еще несколько раз прутом? Или порыскать в кухне, раздобыть огниво и устроить в лачуге пожар, чтобы скрыть все следы? Но нет, гореть тут особо нечему... А если вдруг и займется вся эта рухлядь, то пожар всполошит округу раньше времени. Уйти надо тихо и как можно скорее. Добычу лучше упаковать поудобнее.

«Ну, вот и для свидания денежки теперь есть! – отметил про себя, пересыпая монеты на расстеленную тряпку. Завязал концы и взвесил узелок в руке. – Да здесь не на один хороший ужин хватит!»

Поразмыслив, он решил поместить украшение к деньгам, чтобы случайно не выпало оно из обмотки – ведь бежать надо через полгорода, да еще в такое ненастье.

Дун Ли извлек фигурку, так и не нагревшуюся от тепла его тела. Положил на ладонь и попытался рассмотреть получше. Странная полуящерица-полудракон. Диковинное животное с бутылочной мордой, отталкивающее своими хищными чертами, но вместе с тем завораживающе красивое – словно мастеру удалось соединить и передать в металле две противоположности. Пожалуй, он поначалу ошибся в оценке, и Орхидея таким подарком будет довольна. Эх, спросить бы у всезнающего дядюшки Чжэня, что же это за зверь такой... Но как объяснить, откуда это украшение взялось? Хозяин точно знает, что даже на простой кусок серебра денег у его помощника нет, а тут – целое искусное изделие!

Дун Ли развязал узелок и спрятал диковинку в кучу медных монет. Стягивая концы тряпки, он вдруг почувствовал, как в груди похолодело, а пальцы, утратив ловкость и силу, вновь принялись дрожать и едва справлялись с задачей. Мысли потеряли ясность и бестолково кружились в голове, точно мусорная куча, подхваченная ветром. Он – грабитель и убийца, и жизнь его никогда уже не станет прежней... Исправить ничего нельзя.

Страх объял каждую клеточку тела. Стараясь не смотреть на распластанное тело, Дун Ли поднял тяжелый узелок, сунул его за пазуху и бросился к выходу.

Выскочив из двора в переулок, он на миг замер, ловя незакрытой частью лица снежные зерна – ветер рвал на части невидимые в черноте ночи тучи и щедро разбрасывал над городом их содержимое. Обрадовавшись, что еще до рассвета его следы возле проклятого дома будут скрыты, Дун Ли припустил в сторону Небесного моста, придерживая у сердца туго набитую тряпицу с добычей.

ГЛАВА 4

СВИДАНИЕ

С раннего утра город бурлил. Настал день зимнего солнцестояния, от которого не так долго оставалось до главного торжества – новогоднего праздника весны. Погода словно снизошла до людских забот – наконец унялись пыльные бури, измучившие всех жителей Пекина. Как только северный ветер стих, отступил и суровый холод, а легкий морозец лишь придавал бодрости предпраздничной суете. Отливали золотистым светом иероглифы на

Передних Воротах, сквозь которые гуляющие горожане устремлялись на одну из главных торговых улиц, застроенную красиво отделанными магазинами – шляпными, обувными, ювелирными. На расположенной неподалеку Дашиланьэр также былолюдно и шумно. Не протолкнуться и на Продуктовой улице – в воздухе витали запахи угольного дыма и всевозможной еды. Густой аромат плыл от лавок торговцев спиртным – в честь предстоящего торжества они выставили кувшины со сливовым вином и гаоляновой водкой и бойко зазывали народ. Мясники тоже вынесли прилавки на воздух. Перешучиваясь, они споро стучали топориками, предлагая покупателям свежие сочные кусочки. Многоголосые толпы текли во все направления – люди закупались для праздничного ужина и выбирали подарки. Повсюду покачивались пузатые красные фонари – на воротах, балконах, над входными дверями придорожных харчевен, в витринах магазинов – их цвет радовал глаз и, казалось, согревал тело. Город превратился в один огромный гомонящий базар. Ремесленники стелили покрывала возле своих лавок и раскладывали груды товара: посуду, обувь, платки, шапки, украшения и игрушки. На перекрестках расселись музыканты, водя смычками по струнам издававших виды *эрху*. Пронзительные мелодии, сопровождая крикливое прерывистое пение, разлетались над головами прохожих. Кружилось, будто снежные хлопья, птичье перо – продавцы ощипывали кур и петухов, потрясали в воздухе их тушками.

– Свежее мясо! Подходите скорее!

Невероятно грязный верзила в сером халате стоял возле импровизированного прилавка из пары досок, разбойничьим голосом нахвалявая:

– Лучшие во всем Пекине жареные каштаны с сахаром! Земляные орехи, по рецепту моего дедушки!

Круглолицый мальчик лет десяти держал перед собой лоток, полный пирожков, припорошенных не то мукой, не то инеем. Сияясь переорать толпу, он надрывался:

– Пирожки-и-и! Горячие пирожки-и-и с мясной начи-и-и-нкой!

Неподалеку от него потирал руки возле входа в крохотное, на пять столиков, заведение весельчак-зазывала в меховой безрукавке поверх халата. Едва мальчик-торговец начинал выводить тонким голосом про свои пирожки, парень ухмылялся и зычно перекрывал его возгласами:

– У нас тепло и сытно! Жареный соевый творог! Перца сколько хочешь! Говядина с луком на раскаленной сковороде! Шаосинское вино! Еда на любой вкус!

Мальчик с досадой кривил рот и сердито тряс свой лоток. Мерзлые пирожки перестукивались, будто камни. Зазывала хохотал, тыкал в незадачливого продавца пальцем и подмигивал прохожим:

– А у нас-то без обмана! Заходите!

В харчевнях все кипело, бурлило, шипело на огне, дышало паром – ведь сегодня будет наплыв посетителей. Издавна так повелось, что в день зимнего солнцестояния каждый уважающий себя человек обязан отведать хотя бы несколько штук горячих сочных пельменей. Считается, их мясная начинка несет в себе дух силы и обеспечит победу в любых неприятностях, включая войну.

Поминутно щупая в рукаве заветный мешочек с подарком, Дун Ли протискивался сквозь праздничную толчею. Город наводнили нищие и попрошайки, а также воры всех мастей, стекающиеся из окрестных провинций в столицу на каждый значимый день. Поэтому надо быть начеку – среди грубых рук, перепачканных мукой, жиром, животной кровью или просто въевшейся грязью от ежедневной тяжелой работы, сновало множество ловких и цепких ручинок. И хотя то тут, то там в толпе раздавались крики пойманных воришек, и расправа с ними случалась быстрая и жестокая – это не портило общую атмосферу торжества и не снижало количество желающих поживиться чужими деньгами или продуктами.

Проходя мимо украшенных дверей харчевни толстяка Лу, Дун Ли недоуменно пожал

плечами. Непонятно, отчего Орхидея наотрез отказалась встретиться тут. Все в окрестных кварталах знают – старина Лу готовит отменню. Но не спорить же о месте свидания с той, от одного взгляда на которую обмирает сердце и кружится от счастья голова.

Парень вздохнул. Знать бы, что происходит в прелестной головке Орхидеи, волнуется ли ее сердце?... Ждет ли красавица каждой новой встречи так же горячо, как Дун Ли... Он и сам не понимал, почему маньчжурка проявляла к нему благосклонность и не отказывала ему в скоротечных свиданиях – пусть всегда на виду, в людных местах, где и подумать нельзя о том, чтобы прикоснуться хотя бы к рукаву ее халата...

Ради любимой он был готов на всё. Даже на убийство, как понял недавно, стоя перед поверженным стариком в его темной лавке. Дун Ли поежился, вспомнив, с каким хладнокровием он истязал свою жертву – в ту ночь будто дьявол заморозил его душу...

Нервным шагом пройдя мимо заведения толстого Лу, парень направился в сторону рынка. Когда-то он бродил по нему, мучимый сосущим голодом, без единой монетки, грязный и в жалких лохмотьях. Теперь он другой человек. На теле простой, но добротный синий халат с подкладкой, а на ногах удобные башмаки. Голова спереди гладко выбрита, косица аккуратная и длинная. С ладоней давно исчезли мозоли, пальцы его чисты – ведь работа в чайной лавке требует опрятности. На поясе кошелек, не тугой, но и не пустой вовсе. Если бы не шрам на лбу, того и гляди сошел бы нынешний Дун Ли за молодого учителя. И больше нет нужды спешить к куче отходов на задворках рынка, чтобы опередить других оборванцев, выбирая хоть что-то пригодное для еды. Не надо, как раньше, высматривать голодным взором – что бы такое стянуть с прилавка зазевавшегося торгаша. Правда, на днях ему пришлось не просто украсть, а ограбить, да еще и пытаться... Но молодому человеку необходимо проявлять внимание к девушке дорогими подарками, а тот хрыч был бездетным и одиноким. О причиненных старику мучениях Дун Ли вообще старался забыть поскорее, искренне веря, что временное помешательство случилось из-за козней дьявола.

Возле рынка, на пересечении Кривого и Цветочного переулков, находилось заведение, где назначила ему встречу Орхидея. Дун Ли огляделся, желая убедиться, что ничего не спутал – пропустить из-за оплошности сегодняшнее свидание казалось ему страшнее смерти. Все верно – угловой серый дом с деревянной надстройкой. Неподалеку от дверей видна кухня, в облаках пара мелькал силуэт повара. Самое главное – Дун Ли мог прочитать вывеску:

禧雲

Чайная называлась «Счастливое облако» – именно это название шепнула ему сестра Орхидеи.

Гордость за себя и благодарность к дядюшке Чженю наполняли сердце бывшего рикши, выходца из семьи каменотеса. Теперь он грамотный человек и каждую неделю запоминает новую сотню иероглифов. Еще немного – и сможет прочитать те же книжки, что еще в детстве и ранней юности изучила Орхидея. «Разве что «Канон для женщин» читать не буду», – усмехнулся про себя Дун Ли и, приняв вид посолиднее, перешагнул порог заведения под переливы дверного колокольчика.

Чайная оказалась просторной и светлой. Вместо грубых столов и табуреток, как у толстяка Лу, здесь посетителям предлагались плетеные кресла и резные скамейки. Столы были чисты, пол сухой и тщательно выметенный. Иероглифы «счастье» и «удача», выписанные на плотной бумаге, украшали стены. Под потолком висело несколько клеток для птиц, сейчас почему-то пустовавших. Лишь в одной, самой большой, водруженной на

подоконник, поближе к свету, возился крупный скворец. Заметив нового посетителя, он вспрыгнул на жердочку и скрипуче прокричал:

– Добро пожаловать!

Дун Ли, отгоняя мысли, сколько в таком месте придется заплатить за еду, улыбнулся и прошел к свободному столику. Еще не привык к деньгам, пусть и небольшим, которыми сумел разжиться. Теперь он полноправный посетитель дорогого и приличного места.

Через час, когда наступит время праздничного ужина, тут будет не протолкнуться: польется вино рекой, закипят споры, начнутся застольные игры на пальцах... Дун Ли надеялся, что к тому времени они с Орхидеей уже покинут чайную. Как знать, может, ему удастся уговорить ее на небольшую прогулку...

Сделав заказ, юноша принялся беспокойно поглядывать на дверь. Сможет ли его возлюбленная прийти? О чем они будут говорить, ведь это их первая длительная встреча... Что последует за ней? Примет ли девушка его знак внимания, понравится ли он ей, выдавшей много утонченных украшений? Достаточно ли хорош его подарок?

Вопросы так и кружились в голове парня, как встревоженные сороки над деревом. От волнения он вспотел и снова пощупал мешочек с добытой фигуркой. «Она наверняка из серебра, больше не из чего, – успокоил сам себя Дун Ли. – Только бы Орхидея пришла! С остальным как-нибудь все решится. Главное – увидеть ее саму. Голос ее услышать, в глаза заглянуть».

От двух принесенных мальчиком-службой тарелок с пельменями поднимался густой пар. Белесые линии тянулись к потолку. Дун Ли вспомнил, что так же плавно колыхалась светлая занавеска в его доме, когда летним утром в открытое настежь окно лился прохладный воздух с горы. Парень подпер голову руками и зачарованно вглядывался в меняющиеся изгибы пара над едой. Через какое-то время ему начал видаться причудливый танец прозрачных девушек – их бедра и плечи покачивались, руки вздымались, волнообразно двигались, легкие одежды будто развевались на ветру...

Мелодично звякнув, дверь чайной открылась, впустив под приветственный крик скворца очередного посетителя. Морозный воздух, ворвавшийся в помещение, разметал иллюзию, и от танцовщиц остались едва заметные клочки, да и те таяли на глазах.

Дыхание у парня перехватило, а сердце замерло. На миг он замешкался, затем вскочил, мысленно проклиная себя за неловкость – задетый им столик едва не упал набок. Тарелки подпрыгнули к самому краю, и Дун Ли уже был готов зажмуриться от стыда, но тут раздался такой знакомый ему негромкий мелодичный смех, что он просто застыл с виноватой улыбкой.

– Все ли у тебя хорошо? – обворожительно улыбаясь, спросила Орхидея.

Облаченная в лазоревую одежду, расшитую красными нитями, стройная, с легким румянцем после мороза, она была столь прекрасна, что в заведении на какое-то время воцарилась тишина – редкие посетители обернулись, замерев с палочками и чашками в руках, восхищенно разглядывая вошедшую.

Дун Ли, словно проглотив язык, часто закивал в ответ, отчего девушка вновь рассмеялась. Парень не услышал даже намека на насмешку – лишь невинное веселье звучало в переливах ее дивного голоса. Влюбленный с благодарностью взглянул на девушку и наконец сумел произнести:

– Садись скорее, а то все остынет!

Стыдясь своих слов, которые показались ему слишком простецкими – так следовало бы обращаться к дружку за обедом, но никак не к возлюбленной, Дун Ли неловко выбрался из-за стола и, обойдя его, схватился за спинку второго стула. С шумом его выдвинул, чтобы Орхидея могла присесть. Вернувшись на свое место, парень почувствовал, как наливается кровью его лицо – щеки и уши пылали, как угли в печи. Все заготовленные для встречи слова вылетели из головы. Язык же, бывший таким ловко подвешенным, когда требовалось

приветить клиента побогаче, теперь предательски пересох, и казалось, во рту находился пучок бамбуковых листьев.

– О, ты заказал пельмени! – улыбнулась Орхидея, с любопытством разглядывая тарелки. – Что за начинка внутри?

– Тут разная, – обрадовался Дун Ли тому, что нашлась тема для разговора. – Есть с капустой и грибами, еще с говядиной и свиной...

– Я буду те, что с мясом! – решительно сказала Орхидея и взялась за ложку. – Другие можешь сам съесть, если захочешь!

Дун Ли не сразу сообразил, что девушка всего лишь подшучивает над ним. Ложка дрожала в его пальцах, и больше всего он боялся, что еда может выпасть обратно в тарелку и забрызгать каплями соуса нарядную одежду Орхидеи. В волнении он не замечал, что его возлюбленная и сама немало нервничает – то и дело бросает взгляды по сторонам, будто опасаясь слишком пристального внимания посетителей.

Орхидея действительно была в смятении. Никогда прежде она не осмеливалась отобедать вне дома с кем-либо из мужчин. Даже в те времена, когда отец щедро снабжал ее деньгами на различные увеселения, ей доводилось перекусить где-нибудь исключительно в компании подружек. А сейчас она за одним столиком с человеком, который не может отвести от нее глаз, и у них настоящее свидание! Но больше всего ее беспокоило, достаточно ли аккуратно она ест – не увидит ли сидящий напротив ее зубы и не будет ли слышно, как она жует. Какой стыд потерять лицо, пусть и перед простоватым парнем... Орхидея приподняла левую руку, прикрыв рукавом халата рот. Скворец, что возился в клетке неподалеку от них, принялся издавать трескучие переливчатые звуки, словно помогая прелестной посетительнице не опасаться, что ее могут услышать во время еды.

– У моего дедушки тоже жила такая птица, – кивнул в сторону окна Дун Ли. – Но говорить ее он так и не научил, хотя и занимался с ней вечерами.

– Наверное, ему попалась очень упрямая, – улыбнулась Орхидея. – Или дедушке не хватило терпения...

– И птица упрямая была, и дедушка нетерпелив, – кивнул Дун Ли. – Кончилось все тем, что скворец разломал прутья и вырвался на свободу. Мы думали, он полетает да вернется, но ошиблись. Дед слыл чудаковатым человеком в наших краях, где обычно содержат лишь петухов да куриц с утками...

Вспоминать о своем деревенском происхождении Дун Ли не любил, искренне считая себя теперь настоящим горожанином, жителем столицы. К тому же перед лицом девушки его прошлое казалось вдвойне постыдным – ведь она сама была из знатной маньчжурской семьи, пусть и сильно обедневшей. Орхидею же, казалось, несколько не заботило то, что они из совершенно разных слоев и даже народов.

– Часто вспоминаешь о родных местах? – спросила она, аккуратно подцепив очередной пельмень. – Скучаешь по семье?

Дун Ли положил ложку на стол и задумался.

– Там, где я вырос, люди долго не живут, – ответил он, будто нехотя. – Трудом каменотеса не прокормить большую семью, да и сама работа съедает человека быстро. Родители умерли рано. Братья и сестры, что остались дома, наверное, еще живы. Но увижу ли я их когда-нибудь – не знаю...

Глаза парня защипало, будто пар от пряных и острых блюд вызвал слезы. Покраснев еще больше, он шмыгнул носом и быстро утер лицо рукавом.

Орхидея, словно вспомнив о чем-то, вскинула левую руку и запустила в рукав халата тонкие пальцы.

– Я не ошиблась! – воскликнула она и достала сложенный в несколько раз светлый лоскут ткани. – Выходит, угадала с подарком! Держи, это тебе от меня, на праздник!

Дун Ли приподнялся со стула, почтительно склонился и двумя руками, стараясь унять их дрожь, принял вышитый платок.

– Большое спасибо!

Приличия не позволяли сейчас же развернуть его и полюбоваться узором, и парень бережно спрятал подарок за отворот халата. Первая в его жизни вещь, полученная от девушки! Краска вновь залила его лицо – Орхидея вручила ему праздничное подношение первой!

Смущение за свою неловкость одолело его с такой силой, что перехватило горло, и голос прозвучал сипло и сдавленно:

– У меня ведь тоже есть для тебя... Одна безделушка... Надеюсь, она понравится тебе!

Достав и едва не уронив украшение на пол, он вновь склонился, вытянув сложенные вместе кисти рук в сторону возлюбленной.

– Что это? – весело спросила та, разглядывая лежавший на ладонях Дун Ли мешочек.

Парень лишь склонился ниже, не зная, что ответить.

– Подарок... – сумел наконец выдать он.

Глаза Орхидеи загорелись любопытством. Она взяла мешочек и попыталась на ощупь определить, что находится внутри. Но спохватилась и убрала его в рукав халата.

– Еда совсем остынет, ешь скорее! – пряча за шутливо-повелительным тоном неловкость, проговорила она.

Дун Ли послушно взялся за черенок ложки.

Некоторое время они молча ели, лишь поглядывая друг на друга.

– Можем прогуляться немного, – рассеянно сказала Орхидея, едва покончив с половиной порции. – До темноты у меня есть немного времени, но потом должна вернуться домой – мать и так едва отпустила меня. Да и тут скоро будет полно посетителей, пойдем отсюда скорей.

Дун Ли счастливо кивнул и поднялся из-за стола – на этот раз у него получилось гораздо ловчее. Он успел подскочить к девушке и помочь ей встать, отодвинув стул. Оба они ощущали на себе взгляды посетителей, но бывшее смущение прошло, и Дун Ли чувствовал нечто похожее на гордость – вот, рядом с ним, обычным парнем, такая восхитительная девушка. Орхидея же, привыкшая к мужскому обожанию, внешне никак не показывала своей реакции. Лишь по блеску глаз можно было предположить, что она тоже взволнована.

Наскоро рассчитавшись, Дун Ли поспешил к двери, чтобы открыть ее перед красавицей. Кинув горделивый взгляд внутрь заведения, он приосанился и вышел вслед за Орхидеей на морозный воздух.

Скворец что-то прокричал им на прощание, но звон колокольчика на двери и шум улицы не дали расслышать.

Народу на улице значительно прибавилось, гомон стоял такой, что если два человека захотели бы поговорить, им пришлось бы кричать друг другу на ухо. Дун Ли немного растерялся, соображая, что же делать дальше – слишком быстро закончилась их трапеза.

Но Орхидея легким кивком позвала его за собой и уверенно повела по улице. Несколько раз они сворачивали на улочки поменьше и потише, пока не оказались на одной, где виднелись лишь мелкие лавки торговцев всякой всячиной да совсем крохотные, на два или три столика, закусочные. Народу почти не было. Быстро темнело, и хозяева заведений зажигали лампы, вешали их на крюки в потолке. Лавочники, напротив, принялись убирать и складывать свой товар. Легкие снежинки, появившиеся в воздухе, медленно оседали на землю.

– Не хочется быть в толпе, – обронила девушка, разглядывая еще не убранную продавцом с прилавка мелочовку: медные шпильки для волос, костяные гребни, палочки-чесалки и прочую ерунду. – Ты любишь гулять по городу? Хорошо ли знаешь районы и

улицы?

Дун Ли замешкался с ответом. Как может рикша не знать город... Но не признаваться же этой красавице в том, что в свое время он не просто сновал по городу в поисках заработка, а следом за ним скрипела колесами тележка, в которую он был впряжен, как животное.

Орхидея, казалось, не заметила его заминки.

– Раньше мы проживали в переулке Западный пруд, – с грустью в голосе сказала она, крутя руках маленькое зеркало, вставленное в оловянную рамку. – Я любила гулять по Шишахаю, особенно весной или ранней осенью – когда еще не утомляет зной и не досаждают холода. С подругами мы обычно забирались на мостик Серебряный слиток, он нависает над местом, где соединяются Передний, Задний и Западный пруды. Мы подолгу смотрели на воду, как в ней играет солнце и резвятся красные рыбки, или на голубые горы вдаль...

Вздыхнув, Орхидея положила зеркало на прилавок.

Продавец, восхищенно наблюдавший за ней, заулыбался во все широкое, кирпичного цвета лицо, отчего узкие глаза его и вовсе превратились в две черточки.

– Раз не купили, уважаемая, то берите даром! В честь праздника!

Орхидея засмеялась и покачала головой, но ее смех лишь воодушевил торговца:

– Берите, берите! Будете в него смотреться и вспоминать доброго Вана!

Девушка посмотрела на него, затем перевела взгляд на Дун Ли и неожиданно серьезно сказала:

– Вы опоздали, добрый Ван! У меня уже есть подарок и есть кого вспоминать! Пойдем, Дун Ли, проводишь меня до моего хутона.

Влюбленный парень, не чуя под собой земли, пошел рядом с красавицей. Сердце его переполняла радость.

В одном из переулков Орхидея остановилась и, подняв лицо к небу, улыбнулась:

– Наверное, ночью выпадет снег.

– Ты любишь зиму? – удивился Дун Ли.

Орхидея мелкими изящными шажками продолжила путь. Ее воздыхатель поспешил за ней.

– Когда-то давно, когда мы жили не здесь, я любила весну, – аккуратно переступая через мерзлые комья земли, сказала Орхидея. – Все просыпалось после холодов, расцветали деревья в саду, прилетали бабочки. Но в квартале, где теперь наше жилье, все иначе. Зима скрывает убогость бедной жизни. А приходит весна и оголяет все припрятанное. Белое сменяется серым. Становятся сильнее ужасные запахи, повсюду обнажается мусор, грязь раскисает...

Девушка повела рукой, будто отгоняя от себя картину весенних неурядиц.

– Не хочу думать об этом. Ну вот мы и пришли. Видишь – это поворот к моему дому.

У входа в свой переулок Орхидея неожиданно оступилась и едва не упала, но в последний миг уцепилась за Дун Ли. Глаза парня и девушки встретились, и ладонь Орхидеи задержалась чуть дольше положенного в руке воздыхателя.

– Мне пора, – прошептала она, оглянувшись, не видел ли кто их заминки. – Дома давно ждут.

Дун Ли, поборов нерешительность и волнение, заглянул ей в лицо:

– Когда мы сможем увидеться вновь?

Орхидея осторожно высвободила руку и тихо рассмеялась:

– Когда у нас закончится чай, мать непременно пошлет меня в лавку почтенного Чженя.

Оставив парня, девушка засеменила в темноту хутона. Правая ладонь ее все еще хранила необычное ощущение крепкой мужской ладони, до которой ей довелось прикоснуться. Подобная рука, сильная и надежная, когда-то была у отца...

– Спасибо за платок! – донесся до нее голос Дун Ли, еще стоявшего возле угла глиняной стены. – Буду хранить твою вышивку до конца своих дней!

Орхидея обернулась.

– И тебе спасибо за подарок! Дома обязательно посмотрю! – нежно ответила она, толкнула низкую калитку в воротах и нырнула в нее.

Двор едва освещался – из окошка столовой лилась рассеянная желтизна. Мать зажгла над столом лампу, что всегда служило сигналом к ужину.

Услышав шаги, Тун Цзя выглянула из дверного проема и укоризненно проворчала:

– Я же сказала – вернуться до темноты... Неужели слова матери для тебя ничего не значат!

Орхидея легко вздохнула и придала лицу самый невинный вид.

Тун Цзя погрозила ей пальцем:

– Ты эти представления брось, плутовка! Меня-то не проведешь, я сама была девушкой!

По случаю праздника мать решила не особо бранить свою любимицу.

– Проходи скорее в дом. Ты же знаешь, вся семья ждет тебя.

«Вся семья...» С того времени, как умер отец, эти слова звучали для Орхидеи неестественно, словно был в них какой-то изъян, как в фальшивой монете.

Праздничный ужин оказался весьма скромным. Тун Цзя приготовила пельмени с капустой, подмерзших листьев которой можно купить на рынке целый ворох за несколько медяков, и еще ей удалось раздобыть немного рыбы, которую она сварила и выложила на длинное блюдо, украсив все теми же капустными листьями. От еды шел легкий пар, на который, забавляясь, дули оба брата. Лотос ерзал в нетерпении на своем месте и с укором посматривала на старшую сестру. Орхидея движением бровей изобразила сожаление и извинение за опоздание. Есть ей не хотелось, но приличия требовали присутствия за семейным столом.

– Куда же тебя носило? – поинтересовалась мать, пристально глядя на старшую дочь. – Не слишком-то похоже, чтобы с подружками ходила... Кто им позволит неизвестно где в праздничный вечер шататься... Это только на тебя управы нет – разбаловал тебя отец, а мне теперь расхлебывать...

Голос Тун Цзя становился с каждым словом все более резким, будто над журчащей водой принялись метаться крикливые птицы. Рано постаревшая женщина обладала мягким сердцем, но тяготы жизни накладывали отпечаток на характер вдовы. Орхидею было нелегко наблюдать изменения, происходившие с матерью. Иногда девушка уединялась и подолгу тихо плакала, коря себя за бессилие помочь – ведь Тун Цзя не позволяла ей работать, а как еще облегчить положение матери, старшая дочь не знала. Разве что выйти в скором времени замуж за богатея... Но это все рано что продать себя.

На счастье, ворчание матери оказалось прервано неожиданным образом.

Над самым их домом, оглушительно треща и разбрасывая снопы искр, вдруг взвился фейерверк. Дворик осветили яркие сполохи – словно гроза разразилась над ним.

Сестра и братья вскочили из-за стола и бросились на улицу. Орхидея осталась за столом. Тун Цзя задумалась о чем-то своем, и даже взрывы хлопушек, раздавшиеся в переулке, не могли прервать ее мыслей. Глаза ее блестели все ярче, и дочь разглядела, что они полны слез.

– Я сегодня устала, мама, – негромко сказала Орхидея, поднимаясь. – Пойду к себе.

Мать ничего не сказала в ответ.

ГЛАВА 5

ПОДАРОК

Орхидея сидела в своей комнате перед небольшим зеркалом, с задумчивым видом подперев голову рукой. Перед ней на туалетном столике поблескивала безделушка.

Жировая свеча нещадно коптила и громко потрескивала. Неровный лепесток пламени то вытягивался, истончаясь, то, словно опасаясь чего-то, сжимался в яркую точку. Освещения едва хватало, чтобы рассмотреть собственное отражение – лицо казалось смуглым, как у крестьянки, и это раздражало. Девушка опустила взгляд на подарок возлюбленного.

Серебристая рептилия, выполненная безо всякого изыска, но все равно приятная глазу. Крепкая голова, похожая на кувшин с длинным горлышком, сильное туловище и мощный изогнутый хвост. Короткие лапки с растопыренными пальцами, увенчанными острыми коготками. Складывалось впечатление, что эту штуку изготовил неизвестный ремесленник не на продажу, а как игрушку для своего любимого ребенка – недостаток ювелирного мастерства и художественного вкуса заменил вложенной в работу душой. Но совершенно непонятно, что хотел сказать этим подарком Дун Ли. Почему именно крокодил?.. Ведь наступающий год пройдет под знаком Мыши... Откуда вообще он взял эту занятную вещицу, что она означает? Из чего сделана, в конце концов?

Орхидея прикоснулась к покоившемуся на столе крокодилу. Кончиками пальцев провела по его спинке, покрытой едва заметными выступами. Какой холодный...

Девушка взяла фигурку в руку. Повертела, пристально разглядывая. По виду – не дешевый свинец или олово. Ничего общего с тусклым подсвечником, что стоял рядом. Пару раз подбросила на ладони, пытаясь угадать, что за металл. Он оказался тяжелым и весьма прочным: ухватив крокодила за голову и толстый хвост, она попыталась его согнуть – безрезультатно. Орхидея даже попробовала вещицу на зуб – ни единой вмятины. Да и судя по весу – явно не белое золото или серебро. Уж в чем, а в драгоценных металлах Орхидея разбиралась прекрасно – когда-то в доме хватало украшений... И материнское приданое, и то, что отец накопил за годы работы инспектором дочерям на свадьбу, и отдельная шкатулка, полная ювелирных изделий, – для подношений чиновникам и полиции. Нужда заставила распродать все, что ее родитель не успел спустить на свою пагубную страсть.

Орхидея отложила подарок и снова посмотрела в зеркало. На мгновение ей показалось, что свет причудливо блеснул в ее глазах, и она подалась вперед, пытаясь разглядеть свое отражение получше. Нет, ничего особенного. Глаза как глаза, хоть все и твердят об их красоте.

Орхидея вспомнила, как однажды ее внешность выручила всю семью. Когда отец умер, хоронить его было не на что. К тому же полагалось привезти тело на родину, обратно в столицу. Заливаясь слезами, Тун Цзя порылась в сундуке и извлекла последнее, что осталось у нее из украшений, – брошь в виде серебряных цветов, покрытых позолотой, и завернула их в платок. «Отнеси в лавку господина Хэ, – попросила она старшую дочь. – Если сумеешь продать хотя бы за три ляна, мы купим отцу хороший гроб и попробуем нанять лодку». Оставив плачущую мать в доме, Орхидея по знакомым улицам направилась к лавке скупщика, бросая прощальные взгляды на дома и вывески. Ведь она провела в этом городе не один год, но пришло время вернуться в Пекин. Только как они туда доберутся и что за жизнь ожидает их, девушка не представляла. Это сильно тревожило ее. Тут она заприметила новую надпись на серой стене возле ее любимой чайной:

當

汝物-吾銀

«Ваши вещи – мои деньги». Это означало следующее: соседняя мастерская по ремонту обуви закрылась, и теперь на ее месте новый хозяин открыл ломбард. Чем идти к хитрому и жадному Хэ, который отлично осведомлен о несчастьях семьи Хой, почему бы не попробовать заложить материнское украшение здесь? Вдруг цену дадут повыше, и удастся выручить не три, а четыре ляна.

Орхидея решительно вошла в низкую дверь.

Хозяин ломбарда, человек в круглых очках и с лысиной, которую он тщетно пытался скрыть зачесом редких волос, вытаращился на нее и замер за конторкой. Наконец, совладав с собой, выбежал навстречу, предлагая Орхидее присесть.

«Откуда же такая красавица? – потирая руки, суетился перед ней он. – Какое дело привело столь прелестную барышню? Чем могу быть полезен?»

Глаза его, увеличенные в несколько раз линзами, так и бегали. Седые усы двумя шнурками свисали с верхней губы, придавая обладателю сомовий вид.

Орхидея, сердясь из-за слишком откровенного разглядывания ее, развернула платок и без слов протянула назойливому плешивцу маленький позолоченный букет. Тот цепко схватил его и, таращась то на девушку, то на принесенную вещь, спросил:

«Сколько вы за это хотите, очаровательница?»

С трудом сдерживая гнев – старик казался ей уже омерзительным, – Орхидея твердо сказала:

«Столько, чтобы мне не жаль было отдавать украшение».

Владелец ломбарда на мгновение замешкался, потом взглянул поверх очков:

«Могу предложить за эту вещь пятнадцать лянов. Такой девушке я бы с радостью заплатил больше, но заведение только открылось, денег пока недостаточно. Устроит вас эта сумма, красавица?»

Орхидея так и застыла, сидя на стуле. Сначала ей было трудно не вздрогнуть, когда старик назвал цену, а потом она еле сдержала смех – поняла, что вскружила голову этому дурню, и тот, попросту не разглядев толком принесенную ему вещь, принял букет за золотой. Совладав с собой, девушка сделала недовольное лицо.

«Больше двадцати не могу, хоть что со мной делайте», – принялся горячо уверять ее хозяин, пытаясь схватить за руку. Брошь он как положил на прилавок, так больше на нее и не посмотрел.

С достоинством приняв деньги, Орхидея покинула ломбард. Сделав пару шагов, опасливо обернулась на дверь. Стараясь не оступиться – а в обуви на высокой подошве упасть проще простого, если будешь спешить, – она засеменила поскорее прочь, пока хозяин не одумался и не бросился следом...

...Фигурка, лежавшая неподалеку от свечи, загадочно блестела, удивительным образом преломляя теплый желтый свет в холодный голубоватый. Казалось, созданный мастером крокодил вот-вот оживет. А может, уже давно ожил и просто замер, греясь возле неровного огонька.

Орхидея вновь протянула руку к украшению. Оно было совсем невелико по размеру, однако столь увесисто, что девушка опять задумалась, из чего бы оно могло быть изготовлено. Так и не придя к какому-либо заключению, она пожала плечами и принялась разглядывать вещицу, пытаясь угадать ее назначение. Слишком мала, чтобы ее ставить на стол – затеряется среди прочих вещей. Слишком тяжела для подвески на пояс – будет оттягивать ткань. Да и нет в ней ни отверстия, ни крючка, чтобы уцепить за ремешок. В качестве кулона разве что сгодится...

Открыв один из ящичков стола, Орхидея нашла ножницы и толстую красную нить, из которой иногда они с сестрой плели украшения. Отмерив нужную длину, она обрезала нитку и несколько раз крест-накрест обмотала передние лапы крокодила – теперь он висел надежно. Связав концы, Орхидея надела получившийся кулон на шею и, оттянув ворот халата, спрятала фигурку. Едва металл коснулся груди, девушка тихо ойкнула – ей показалось, коготки или заостренный кончик хвоста крокодила поцарапали кожу.

Станный подарок. Вещица явно недешевая – из чего бы ни была изготовлена. Откуда у приказчика мелкой чайной лавки возьмутся деньги на нечто подобное? Одна надежда, что он не обокрал своего хозяина... А то стыда и позора не оберешься!

Неожиданно Орхидея вскинула брови от посетившей ее ясной и четкой мысли.

С Дун Ли надо расстаться. И как можно быстрее, пока их встречи и отношения не перешли черту, за которой неминуема свадьба. Увидят их люди еще несколько раз вместе, да еще держащих друг друга за руки, как сегодня, – вот и все, от пересудов не уберечься. Да и кто такой этот парень вообще? Простолудин, китайская деревенщина. Разве он пара ей? Не считать же бедность тем, что способно объединить их... Все эти романтические глупости следует немедленно прекратить. Любовь – это жертвенность. Но крайне опрометчиво жертвовать собой ради того, чей удел – до конца дней проторчать в чайной лавке, считая медяки. Пусть сейчас ее положение не лучше, но зато у нее имеется иной капитал – происхождение, внешность, ум и характер. Первое предоставляет широкий выбор путей наверх, а умелое использование остальных качеств обеспечит ее продвижение. Сбудутся давние мечты – навсегда покинуть этот домишко в смрадном районе, перестать набивать живот пресным тестом и испорченной капустой. Она будет каждый день наряжаться в новые изысканные одежды и украшать себя драгоценностями, недоступными для большинства людей... И пусть первой вещью в ее новой жизни станет эта грубоватая, но занятная безделушка в виде *земляного дракона*. Затем последуют настоящие драгоценности, которых она, безусловно, достойна. А серебристого Крокодила – Орхидея отметила, что вещица непроизвольно вызывала у нее некое уважение, и даже именовать ее про себя она стала будто бы по имени, – она оставит себе. Не на память о незадачливом ухажере, а как талисман удачи – ведь именно в сегодняшний вечер она стала по-настоящему взрослой, избавившись от ненужных и вредных иллюзий.

Заснула Орхидея в эту ночь успокоенной – без грусти и тревог – и спала без сновидений.

Утром, причесываясь перед зеркалом, она замерла с гребнем в руке. Склонилась ближе и всмотрелась в свое отражение. Увиденное озадачило ее. Что-то произошло с глазами – за ночь они поменяли цвет, сделались похожими на те, какими природа наделяет *заморских чертей*. Разве что сохранили прежнюю красивую форму молодого листа, а не стали такими же выпуклыми и круглыми, как у варваров и рыб. Но прежняя влажная темнота, напоминавшая крепко заваренный чай *пуэр*, исчезла без остатка. Из зеркала на Орхидею смотрело казавшееся теперь чужим лицо со странными глазами – один был ярко-голубой, другой же сиял, словно изумруд.

Случись такое с ее внешностью еще вчера, наверняка она бы вскрикнула, отпрянула от зеркала, вскочила, бросилась бы к матери и сестре за помощью... Но не было в сердце ни

испуга, ни даже удивления. И бежать никуда не хотелось – да и чем тут могут помочь близкие... Необходимо разобраться в случившемся самой. Выяснить причину и подумать, как использовать новое обстоятельство с пользой для себя. Прежде всего, надо понять – не мешает ли приобретенное разноцветье намеченным целям. Если ее новая внешность людям покажется отталкивающей, следует найти способы ее прятать. Как опиум сужает зрачки до крохотной точки, так и найдутся снадобья, расширяющие их настолько, чтобы полностью скрыть цветную часть. А можно преподнести себя избранной, наподобие князя Чжу Ди, жившего при династии Мин, – его фиолетовые глаза вызывали благоговение у подданных.

Орхидея решила, что ей следует прочесть еще больше книг, чтобы узнать, кто еще из сынов и дочерей народов, населяющих Поднебесную, выделялся таким образом.

И надо привести вчерашний подарок в надлежащий вид.

Девушка подцепила пальцами нить и сняла с шеи свой странноватый кулон. Не годится его носить так по-детски, перехваченным кое-как. Нужно сходить после завтрака в ювелирную мастерскую, что неподалеку от Ворот Внешнего города. И прогуляться по кварталу, и полезное дело совершить – попросить мастера просверлить в носу Крокодила отверстие, через которое можно будет пропустить нить, а в дальнейшем – тонкую серебряную цепочку. Вот тогда фигурка превратится в настоящий кулон!

Довольная принятым решением, Орхидея положила Крокодила на стол, озорно улыбнулась и глянула в зеркало, готовясь продолжить расчесывание. В тот же миг она изумленно вскрикнула. Крепко зажмурилась и потом резко распахнула глаза. Никакого сомнения – они вновь приняли свой обычный цвет. Ни малейших следов голубого или зеленого. Лишь привычный темно-карий.

Непонятное всегда беспокоит и страшит. Что с ней происходит?! Не болезнь ли случилась с ней или просто нашло наваждение? Может, она чем-то рассердила духов и те таким образом насмеются над ней, полные желания мести?..

Идти куда-либо перехотелось – какой уж тут ювелир, когда такие дела случаются с самого утра! Орхидея взялась за кулон, намереваясь убрать его подальше ящик стола. Странно, почему Крокодил всегда такой холодный... Пальцы ее слегка онемели, будто в них перестала бежать кровь. Волнение, только что охватившее девушку, исчезло бесследно. Никаких духов она разозлить не могла, и ничем она не больна. Что же касается наваждения...

Орхидея снова бросила взгляд на свое отражение.

Кажется, она догадалась.

Дун Ли умудрился раздобыть где-то заколдованную вещицу. Холод, заключенный неизвестным мастером в металлического Крокодила, проникает в тело человека и волшебным образом меняет цвет глаз. Но это еще не всё. Крокодил – настоящий хранитель спокойствия. Его ледяная сила словно замораживает любое волнение, оставляя разум свободным от переживаний души.

Не отрывая взгляда от зеркала – привыкая к своему новому облику, – девушка задумалась. Надо бы разузнать – каким образом в руки работника чайной лавки могла попасть такая вещь? Известно ли ему самому о необычайных свойствах подарка? С умыслом ли был вручен талисман или деревенский простофиля волею случая приобрел этот предмет, не имея понятия о его силе?

В любом случае, в первую очередь следует позаботиться о Крокодиле. Ни к какому ювелиру она такую ценную вещь не понесет. Никто, кроме нее самой, не смеет дотрагиваться до столь диковинной вещи. И уж тем более не следует рисковать и пытаться что-либо проделать с ней. Лучше всего припрятать фигурку и никому, даже сестре, о ней не рассказывать.

Орхидея решительно встряхнула челкой и, замотав Крокодила в платок, сунула сверток в дальний угол одного из ящиков своего стола.

ГЛАВА 6

УГОВОРЫ

Пламя полыхнуло, ударило в днище сковороды, вырвалось из-под него и взвилось под потолок. Хозяин харчевни, круглолицый толстяк Лу Да схватился за длинную темную ручку посуды, встряхнул зашипевшие овощи, ловко перемешал их, подбрасывая уверенными, отточенными движениями. Удерживая сковороду на весу, плеснул порцию масла. Уменьшил огонь и кинул мелко порезанную свинину в закипевший соевый соус. Специи он всегда добавлял лишь в конце, иначе мясо получится жестким. Может, того не заметят невзыскательные завсегдатаи его заведения, но сегодня – особый день. Потерять лицо нельзя. Вдруг зайдут перекусить люди, понимающие толк в еде, поважнее соседей-работяг. С самого утра квартал наводнили императорские слуги – в глазах рябит! Богато разодетые евнухи рыскали по узким улочкам, то и дело заглядывая в списки и расспрашивая встречаемых. Потому вот уже несколько дней не видать и не слышать окрестных девиц. Попрятались в самые дальние комнатки своих домов. Умолкли звонкие смешки и сладкоголосое пение, стихло дробное постукивание обуви по утопанной и промерзшей земле, не мелькают расшитые девичьи халаты. Одна лишь Орхидея, как ни в чем не бывало, вчера проходила мимо заведения Лу Да. Но этой сам черт не брат, отчаянная девчонка. После смерти мужа бедная Тун Цзя только на старшую дочь и уповает. А та, поговаривают, давно уже встречается с молодым работником почтенного Чжэня – то и дело шмыгает в его лавку, будто бы за чаем. Впрочем, вчера она пошла не вниз по переулку, как обычно, а направилась в сторону Глазурного рынка.

При мыслях об Орхидее повар нахмурился. Многие мужчины попадают под обаяние этой маньчжурки. Стоит той откинуть волосы, наклонить голову и засмеяться, считай, дело сделано – еще одно сердце начнет беспокойно биться. А уж если она запоет, пусть даже у себя во дворе – то жизнь в переулке замирает, ремесленники перестают стучать, а играющие дети умолкают. Все наслаждаются нежным голосом удивительной соседки и вздыхают...

Толстяк глянул на плиту. На соседней сковородке исходили соком баклажаны. В огромном чане варились пельмени. К маленькому окошку в потолке тянулся густой пар вперемешку с дымом. Раскрасневшийся Лу Да смахнул пот со лба, будто стирая мысли о дочке вдовы Хой. Шагнул к двери, откинул полог из плотной материи и высунул голову, остужая ее на морозце. Погода сегодня словно угодливо прислуживала императорским людям – ветер совсем утих, ночью снова выпал снежок, а с утра над городом взошло белое солнце. Хотя его лучи не принесли желанного тепла, но люди радовались светилу, так долго скрытому за песчаной пеленой.

Едва повар успел жадно втянуть бодрящего после кухонного чада свежего воздуха, как нос к носу столкнулся с облаченным в роскошный халат пожилым евнухом, на голове которого красовалась шапка с синим пером. Морщинистое лицо гостя из Запретного города выглядело крайне озабоченным – он теребил в руках развернутый свиток и крутил головой по сторонам. Из-за его плеча на Лу Да смотрел евнух помоложе – широконосыый, румяный, в круглой меховой шапочке.

– Не скажете ли нам, почтенный, где находится дом вдовы Хой Чжэна? – Старик ткнул пальцем в крайний столбик из иероглифов в своем списке. Указал на надпись явно не повару – тот наверняка грамоте не обучен. Евнух будто желал еще раз удостовериться сам, что его запись верна. – И проживает ли с ней ее старшая дочь, урожденная Ехэнара? Знаете такую?

Ничуть не удивившись, повар расплылся в улыбке и с готовностью кивнул:

– Как не знать! Вам, почтеннейшие, надо свернуть в переулок, что называется Оловянным. Это после цирюльни, сразу за скобяной лавкой. Идите до шестого двора от начала – там и живет вдова со своими детьми. И старшенькая с ними, не беспокойтесь. Известна под именем Орхидея. И впрямь похожа на цветок! Не далее, как вчера, видел ее в совершенном здравии! Красавица, каких поискать!

О том, что девчонка путается с наемным работником из чайной лавки, Лу Да благоразумно предпочел промолчать.

– Фу ты, – с облегчением выдохнул евнух. – Думали, уже не найдем. Всё утро потратили на поиски!

От природы болтливый, а к преклонному возрасту и вовсе характером начиная походить на вздорную старуху, евнух собрался было пожаловаться повару на тяготы жизни, но вовремя опомнился. Все же перед ним простолюдин, а он сам – человек из императорского дворца, и шапка его увенчана знаком отличия! И хотя еще в начале дня главный управляющий Палаты важных дел сурово отчитал подчиненных за непроворную работу, зато теперь снова появилась возможность выслужиться. Гнев управляющего Цуя вызвало недостаточное количество отобранных девушек. Многие из тех, что были заранее внесены в списки, на проверку оказывались или не слишком хороши собой, или больны. Несколько девиц и вовсе умерли – кто еще в детстве, кто совсем недавно. А некоторых родители успели выдать замуж, что вызывало ругань императорских сановников и посулы всевозможных кар, но не могло вернуть утраченной невинности. Мало кто желал дочери судьбы наложницы Сына Неба. Ведь в большинстве случаев из Запретного города у девушки выхода не было. Попав туда, она могла прожить до седины и морщин где-нибудь на задворках или умереть от болезней и тоски в самом расцвете юности – о выпавшей ей доле семья никогда не узнает. Лишь самым исключительным, заполучившим звание «драгоценная наложница», позволялись редкие свидания с родителями. Не чаще раза в год, под бдительным присмотром, не покидая стен императорского дворца. Других родственников не допускали, а сами встречи мало того, что были редки, так еще и коротки – иногда лишь разрешалось взглянуть друг на друга, после чего плачущих дочь и родителей уводили в разные стороны. А наложницы без высоких званий пропадали во дворце на долгие годы. Многие из них за всю жизнь могли так и не увидеть того, кому были предназначены. Некоторых со временем выгоняли из дворца – за утрату привлекательности, молодости и другие недостатки. Существование выдворенной было безрадостным – ей запрещалось выходить замуж, и остаток своих дней она влачила никому не нужным «сорванным цветком». Были еще и другие темные стороны жизни в Запретном городе, о которых в народе лишь ходили слухи. Что многие наложницы от невостремованности и тоски по родным сходили с ума или накладывали на себя руки. Что с неугодными и строптивыми девушками расправлялись без промедления – заставляли броситься в колодезь или умерщвляли с помощью золотой пластинки.

С каждым разом становилось все труднее собрать необходимое число будущих наложниц. И хотя оно казалось не так велико – всего лишь семь десятков против трех тысяч, что требовалось парой столетий раньше, – задача всё равно была не из простых. Впервые за много лет нехватку кандидаток решили восполнить за счет китаянок. Хотя им и раньше случалось оказываться в императорских покоях – знатные маньчжурские семьи не желали отдавать родных дочерей и покупали у китайской бедноты девочек, которым не забинтовывали ноги. Такого ребенка, когда приходил срок, выдавали за свою внесенную в списки дочь. Евнухов, чтобы не усердствовали в раскрытии обмана, подкупали. Но теперь настали трудные времена. Юг страны охватили волнения и бунты – *тайпины* всё ближе подступали к северным районам страны, угрожая самой столице. Большинство маньчжурских аристократов отправили свои семьи еще дальше на север, а сами отбыли в действующую армию. Быть может, чтобы отвлечь императора от череды государственных неурядиц, его

мать и объявила о новом наборе наложниц.

Крутя носом, старый евнух принимался к запахам, доносившимся с кухни Лу Да. Поборов в себе мимолетное желание зайти в харчевню, перекусить и пропустить пару чашек крепкой ароматной водки, он поблагодарил повара за помощь и повелительно махнул рукой, приказывая молодому следовать за ним.

Толстый Лу Да, глядя им вслед, прищурил и без того узкие, заплывшие глаза.

– Глядишь, во дворце-то эта девчонка будет посговорчивей...

О том, что год назад он безуспешно сватался в доме вдовы господина Хоя, повар вспоминать не любил. Так беззаботно и легко смеялась над ним прелестная Орхидея, что даже ее матушка, тихая и скромная Тун Цзя, прятала глаза и едва сдерживала улыбку. С побагровевшим от стыда и злости лицом, обливаясь потом, Лу Да еле выбрался тогда из-за низкого столика, накрытого посреди маленького двора вдовьего дома, и с тех пор перестал здороваться со всем их семейством, к большому их недоумению. «Такой он, видать, человек, – махнув рукой, сказала Тун Цзя дочери. – Хорошо, что не все люди таковы. Если бы каждый, кому ты отказала при сватовстве, перестал с нами разговаривать, все кварталы на многие *ли*вокруг умолкали бы, едва мы выходили бы на улицу».

Лу Да еще какое-то время стоял, разглядывая удаляющихся евнухов, и ухмылялся. Когда пара императорских посланцев скрылась за поворотом, повар хмыкнул и принимался к воздуху. Изменившись в лице, он всплеснул руками и кинулся в кухню. Из квадратного окошка валил дым.

Мясо безнадежно пригорело, а пельмени разварились в серое месиво...

...Шествуя вразвалку по переулку чуть впереди своего подчиненного, пожилой евнух сохранял бесстрастное выражение лица, в то время как его молодой напарник разглядывал обшарпанную стену и прикрывал нос рукавом халата – как только ветер утих, повсюду воцарилось зловоние, и даже холод не мог с ним справиться. А уж как здесь смердит в жару, летом, младший евнух знал прекрасно – сам был родом из подобного места, только в северной части города. Но за годы, проведенные во дворце, куда его продали едва сводящие концы с концами родители, он успел вырасти из мальчика в капризного, изнеженного, привыкшего к добротной одежде и вкусной еде юношу. О цене, которой далась ему новая жизнь, он старался не думать и не вспоминать прежнее существование.

– Старший брат, – почтительно обратился он к спутнику. – Как же так получается, что даже в таких трущобах приходится выискивать наложниц для Сына Неба?

Второй евнух покачал головой и осуждающе скосил глаза:

– Разве не знакомо тебе, младший брат, выражение: «Если золото лежит в песке, то рано или поздно оно заблестит и его найдут». Искать надо повсюду. Никогда не знаешь, где поджидает удача. К тому же – неужели не было в тех местах, откуда ты попал во дворец, добродетельных девушек?

Юный евнух, вразумленный напоминанием, уважительно сложил ладони и на ходу поклонился.

...Орхидея, едва не падая с ног, спешила домой. Утренняя прогулка не задалась – ни одну из ее подруг не выпустили сегодня на улицу.

Мать она застала во дворе, возле чана для стирки. Вырядившись, как китайская простолюдинка, Тун Цзя отрешенно занималась работой. Голову и лицо она повязала теплым платком, из-под овала которого выступали, точно два булыжника, ее скулы

– Что случилось, дочь? – отложила мокрое белье Тун Цзя, с тревогой вглядываясь в перепуганное лицо Орхидеи.

– Мама! – с трудом переведя дыхание, воскликнула та. От волнения и бега по холоду

щеки ее покраснелись. – На улицах полным-полно дворцовых евнухов! Объявлен новый набор! Всем вокруг известно об этом, лишь наша семья «спит в барабане»! Меня же могли увидеть и схватить в любой момент!

– Ну, так уж и «схватить»... – улыбнулась Тун Цзя и снова взялась за стирку. – Это же не разбойники. Вот дойдут мятежники до столицы – всем станет туго! Тогда всю семью схватят – ведь отец твой дослужился до второго ранга... И плевать, что мы теперь прозябаем в нищете – по спискам-то мы самая настоящая знать, да еще наше родовое знамя желтого цвета!

Орхидея упрямо мотнула головой – толстые косы метнулись по длинному халату. Глаза из-под ровной челки гневно темнели.

– Ты же знала, что я внесена в списки! Именно из-за отца! Угораздило его выслужиться до высокого звания, при этом упустить все сквозь пальцы! И сам пропал из-за своих страстей! Теперь ты хочешь еще меня потерять! Кто поможет тебе заботиться о Лотосе и братьях?

Тун Цзя разогнулась, стряхнула воду с рук и удивленно взглянула на нее.

– Доченька, что ты говоришь! Кому, как не мне, желать тебе лучшей жизни. Во дворце ты будешь, по крайней мере, сыта. А здесь посмотри, что тебе уготовано – стылый дом, одежда как у простолюдинки, да еда, от которой разве что *кулине* откажется. А о сестре и братьях ты сумеешь позаботиться и из дворца, если судьба будет благосклонна к тебе...

Не успела Тун Цзя договорить, как Орхидея, топнув ногой, убежала со двора.

Оказавшись в своей комнате, она ничком повалилась на кровать и горько расплакалась, уткнувшись лицом в ватное одеяло, надеясь, что толстая ткань заглушит ее рыдания. Нельзя допустить, чтобы посторонние, шныряющие сегодня по переулкам, догадались, что именно тут живет несчастная девушка, предназначенная пропасть во дворце.

В это самое время ее мать, так и оставшись стоять возле чана с бельем, растерянно смотрела на пару облаченных в дорожные халаты евнухов, что ввалились без стука в ее дворик и с деловым видом принялись оглядываться, будто искали нечто принадлежавшее им.

– Что вам нужно, уважаемые? – спросила она, хотя прекрасно знала о цели визита императорских слуг.

Тот, что был старше, театрально всплеснул руками:

– Как же госпожа может не знать о наборе наложниц! Мы сбились с ног, разыскивая достойных девушек! А у вас, как нам доложили, проживает настоящая красавица. И если это верно, то разве благоразумно пренебречь такой возможностью – породниться с Десятитысячелетним господином! Ведь если ваша дочь понравится ему, то изменится не только ее жизнь, но и всего вашего семейства! Даже трудно представить, как долго вам придется благодарить нас за то, что мы наконец разыскали ваш дом!

Во время его речи второй евнух выразительно двигал бровями и кивал, как бы подтверждая все сказанное своим умудренным напарником.

– Ваши слова и правильны, и сладки, почтеннейший! – поклонилась Тун Цзя. – Но прежде чем выразить свою благодарность, мне нужно кое-что...

– За подарками и денежным пособием дело не станет!.. – с живостью воскликнул молодой евнух и осекся, заметив, что его напарник усмехнулся.

Глядя на хозяйку дома ласковыми глазами, пожилой евнух вкрадчиво произнес:

– Правильно ли мы понимаем, госпожа Хой, что для успешного окончания дела недостает самой малости? А именно – согласия дочери? Но ведь вы нам поможете его получить?

Тун Цзя пожала плечами:

– Не уверена, что получится сразу. Дочка моя немного строптива – уж не знаю, доложили ли вам и об этом... Но я попробую.

Оба евнуха поклонились, а старший проникновенно заверил:

– Мы будем ждать столько, сколько потребуется. Если будет нужно – придем и завтра, и послезавтра.

Императорские слуги распрямились и, сложив руки на животе, замерли, подобно изваяниям.

Тун Цзя поспешила в дом. Взмолвленная, она вбежала в комнату дочери и опустилась на кровать рядом с ней.

Орхидея села, повернула к матери мокрое лицо. Слезы уже не лились, лишь глаза еще были красными и припухшими.

– Почему я такая несчастная, мама? – с тихой горечью спросила она.

Ласково поглаживая дочь по плечу, Тун Цзя улыбнулась.

– Я ведь родила тебя в один из самых благоприятных дней – десятое число десятого месяца. И ты, моя девочка, прекрасно знаешь, что это очень счастливое сочетание. Уже одно это обеспечило бы тебе место в записях управляющего императорской палаты. А ведь и год, и час твоего появления на свет тоже означают везение и успех! Все восемь иероглифов в реестре – как на подбор!

– Лучше бы ты родила меня в какой-нибудь обычный день. – Орхидея слабо повела плечом, будто желая, но не решаясь скинуть материнскую руку. – Тогда бы запись обо мне отразила всю правду нашей жизни – нищету и позор.

– Глупый ребенок. – Тун Цзя, продолжая улыбаться, покачала головой. – Не все дается человеку от рождения. За многое приходится побороться или выждать подходящее время, чтобы получить свое. Всему свой час, не забывай. Тем более, знаки никогда не врут! Разве я не рассказывала тебе о своем удивительном видении в ночь перед тем, как ты появилась на свет? Когда уже подошел срок, а ты все не хотела покидать меня, мы стали волноваться, смогу ли я благополучно разрешиться. От страха и волнения я не спала почти всю ночь, лишь с приближением рассвета на какое-то время задремала. И вдруг мне во сне явился яркий месяц – такой нестерпимый свет исходил от него, будто его отрезали от солнца! Я перепугалась, что ослепну, и сильно сощурилась. Но тут месяц спустился с неба и подлетел ко мне. Я почувствовала, как от него исходит жар, точно от угля на плите. Я испугалась снова, на этот раз думала, что сгорю заживо. А месяц взял и нырнул ко мне в лоно! Вот тогда я закричала, прямо во сне, переполошила всех в доме. Конечно, я проснулась, и мой живот сводило от рези, а едва показалось солнце, я родила тебя!

Орхидея слушала и кивала, хотя слышала эту историю множество раз. Все соседи и знакомые семьи тоже знали о полученном ее матерью знаке свыше. Больше самой Тун Цзя про особое внимание Неба к рождению его дочери любил упоминать отец. Даже больной, изможденный, уже умирая, он часто звал к постели старшую дочь, брал ее за руку и между приступами кашля, с трудом двигая губами, шептал о ее избранности.

Сама же Орхидея относилась к убеждению родителей с каждым годом все прохладней. В детстве ей еще верилось в особенность своей судьбы. Втайне от матери, которая не одобряла ее увлечение театром, она мечтала стать знаменитой актрисой. Часто, вернувшись домой после спектакля, повторяла по памяти движения, увиденные на сцене, и напевала вполголоса новые арии, иногда на пару с отцом – тот сам был любителем столичной оперы. А случалось, они, несмотря на ворчание Тун Цзя, разыгрывали в гостиной сценки или даже целые представления. Мать протестовала, считая, что это занятие слишком несерьезное для их высокого ранга, но дочь с отцом лишь посмеивались и с удовольствием предавались забаве. Малолетних братьев и сестру Орхидея рассаживала в качестве слушателей, и матери волей-неволей приходилось к ним присоединяться.

Но как погожие дни рано или поздно сменяются затяжным ненастьем, так и на их семью легла беспросветная череда невзгод. Карьера отца рухнула, богатства и почета не стало. Закончились походы в театр, изысканные рестораны и чайные заведения. Одно за

другим исчезли украшения, дорогая одежда обветшала. Все пошло прахом, остались лишь нужда и долги. Не сумев оправиться от падения по служебной лестнице, отец искал утешения в злых заведениях – днями и ночами лежал на рваной циновке, едва удерживая в иссохших руках длинную трубку. Когда денег стало не хватать даже на еду, он решил экономить на всем, включая свое увлечение. Нет, он по-прежнему оплачивал все новые и новые порции зелья, только отказался от помощи хозяина заведения. Теперь его старшая дочь постигала науку приготовления трубки. Училась правильно окунать иглу в темную вязкую жижу, чтобы получился шарик нужного размера – его следовало поместить на стенку глиняной чашечки, затем поднести к маленькой лампе, так, чтобы огонь смог разогреть ее дно. В это время отец брался за мундштук и делал первую затяжку...

– Сокровище мое, – нежно сказала мать, внимательно глядя на погруженную в неприятные воспоминания дочь. – Да, ты права – может показаться, мы потеряли все, что имели. Но ведь это не так!

Орхидея вопросительно посмотрела на нее.

Тун Цзя улыбнулась, отчего глаза ее сузились, а на лице, словно мелкие царапины, проступили многочисленные морщины.

– Я ведь не зря тебя называю своим сокровищем, доченька! Взгляни, до какой жизни мы докатились. Видишь, что стало с моими руками от стирки – какие они распухшие, некрасивые... Нет на них ни колец, ни браслетов. А ногти – полюбуйся! Скоро выпадут...

Орхидея всхлипнула и прижалась щекой к материнской руке на своем плече, а другую накрыла своей ладонью.

– Пройдет еще несколько лет, я совсем состарюсь и больше не смогу зарабатывать стиркой, – продолжала Тун Цзя. – От холодной воды и щелока суставы быстро изнашиваются и слабеют. Скоро мои руки будут похожи на лапы мертвой птицы, я и палочки вряд ли удержу... На братьев твоих надежды у меня нет – они все в отца, такие же непутевые. И сестра твоя тоже ничем особым не поможет. Разве что станет прачкой, когда у меня выйдут все силы...

– Но ведь Лотос моложе меня! – воскликнула Орхидея. – Во дворце ценят совсем юных девушек, и ей вполне может повезти!

– Лотос – хорошая и милая, но у нее нет твоего ума и красоты, – вздохнула Тун Цзя. – Да, если ее отдать вместо тебя – и она вполне может пройти отбор. Ее поселят в одном из дворцов, обеспечат хорошей одеждой, станут вкусно кормить. Однако какова вероятность, что именно ей император окажет внимание и милость? Ведь там собраны лучшие из лучших, самые изнеженные и утонченные красавицы со всех уголков! А Лотос обычная девушка, у нее нет твоих талантов! Ни рисовать, ни петь она не умеет и к книгам всегда была равнодушна.

– Зато хоть у кого-то из нашей семьи наступит достойная жизнь! – упрямо тряхнула косами Орхидея. – Ей там будет лучше, чем здесь!

– Ты так думаешь? – Тун Цзя с сожалением покачала головой. – Она попросту умрет там от скуки. Или дотянет до глубокой старости, никому не нужная. А вот ты – совсем другое дело. С твоим характером и способностями ты непременно привлечешь к себе внимание его величества, и жизнь твоя не пройдет зря. Девочка моя! Если сумеешь добиться успеха во дворце – а я верю в тебя, вспомни мой сон, – тебе будет подвластно столько всего, что голова пойдет кругом!

Орхидея развернулась к матери и положила ей руки на плечи. Мать крепко прижала к себе дочь. Голос ее дрожал.

– Только об одном тебя прошу, – сказала она. – Помни, что тут, в неприметном Оловянном переулке, живем мы и только на тебя у нас вся надежда. Лишь ты сможешь помочь нам.

Внимая словам матери, Орхидея изо всех сил сдерживала плач.

– Знай, мама, – если когда-либо мне удастся завладеть таким богатством, что из всего золота можно будет соорудить большую гору, то на ее вершину я посажу тебя.

Тут слезы переполнили глаза девушки, и она вновь разрыдалась. Заплакала и мать. Обнявшись, они долго сидели на кровати. В этот раз Орхидея не опасалась, что кто-нибудь может услышать их.

...Императорские слуги, все это время терпеливо стоявшие посреди двора, встрепнулись и прислушались к донесшемуся из дома плачу. Младший вопросительно взглянул на старшего. Тот, помедлив, едва заметно улыбнулся и кивнул.

Годы службы во дворце научили его хорошо разбираться в слезах – их, как и крови, за стенами Запретного города проливалось немало.

– Младший брат, – обратился он к напарнику, еще раз пробежав оценивающим взглядом по бедному убранству дворика. – Отметь в записях, чтобы урожденной Ехэнаре на время прохождения отбора предоставили из дворцовых хранилищ подобающую одежду и украшения.

ГЛАВА 7

КОНКУРС

Остаток недели Орхидея провела дома, не выходя даже к воротам – хотя Лотос неоднократно прибегала к ней с сообщениями, что Дун Ли просит о новой встрече. Отсылая сестру передать влюбленному парню, что она неважно себя чувствует, девушка пару раз доставала из стола подарок, полученный на зимний праздник, надевала на шею и забавлялась, разглядывая в зеркало, как меняют цвет ее глаза. Природное любопытство не смогло взять верх над разумом – как ни сильно было желание разузнать, где же ее воздыхатель раздобыл столь странную вещицу, но рисковать не следовало, никто больше не должен видеть ее вместе с Дун Ли. К тому же, – размышляла Орхидея, поглаживая ледяное тельце Крокодила, – лучше вовсе избежать каких-либо объяснений с ухажером насчет будущего. Оно у них столь разное, что нет смысла даже пытаться понять друг друга. Она – словно стрекоза, что взобралась на кончик высокого стебля, вот-вот готовая взмыться ввысь и исчезнуть. Он – черный маслянистый жук, копошащийся в земле... Да и вообще, не стоит больше забивать голову такими мелкими мыслями. Куда важнее продумать свое поведение во дворце. Близится день, когда за ней придет закрытая повозка и увезет ее навсегда из Оловянного переулочка... Одежду и украшения евнухи принесли на следующий день после первого визита, взбудоражив всех соседей. Наверняка теперь по всему кварталу носится слух о предстоящем отъезде Ехэнары в Запретный город. И Дун Ли об этом не может не знать – оттого и добивается встречи. Нужно будет подумать и о том, как в дальнейшем заставить его позабыть о ней навсегда...

...Всю ночь в доме госпожи Хой горели лампы. Мать и Лотос места не находили от волнения, бесцельно перекладывая на столе нефритовые браслеты и заколки, серебряные перстни с полудрагоценными камнями, длинные нити морского жемчуга. Светло-розовое платье, на котором были вышиты грациозные павлины и нежные пионы, висело в комнате Орхидеи рядом с дорогим атласным халатом. Сама она, бледная, с горящими темными глазами, сидела на широком кане и гладила по головам братишек. Те, толком не понимая, что происходит, чувствовали, что их старшая сестра покидает дом навсегда.

За час до рассвета Тун Цзя принялась покрывать лицо дочери белилами, которые прибрела в долг вместе с тушью для ресниц и бровей в одной из лавок квартала. Орхидея сидела, сомкнув веки. Сквозь них сочились слезы. Девушка сильно переживала, что труды

матери могут пропасть зря, стоит только ручьям потечь по свежему гриму.

Она почувствовала, что кто-то осторожно дотрагивается до ее закрытых глаз платком.

– Сестричка... – проговорила Орхидея, угадав.

Лотос тихонько всхлипнула и продолжила вытирать ее ресницы.

Орхидея открыла глаза и пристально посмотрела на нее. Мать в это время вышла из комнаты за нарядом для дочери. Братья заснули, уронив головы на колени старшей сестры. Девушки улыбнулись, взглянув на них, и переложили мальчиков на дальний край кана.

– Мне кажется, сегодня утром я стану другой, – прошептала Орхидея, склонившись к уху сестры. – Но что бы ни произошло со мной, не пугайся.

Лотос недоуменно кивнула, явно ожидая объяснений, но Орхидея не проронила больше ни слова.

Вернулась Тун Цзя, торжественно неся перед собой расшитое платье, выданное дворцовой Палатой важных дел.

– Пришло время одеваться, доченька, – дрогнувшим голосом сказала мать, взглянув на окошко.

Непроглядная чернота в маленьком квадрате уже сменялась густой синевой.

– Скоро встанет солнце, – тихо произнесла Тун Цзя, положив платье на кан рядом с дочерью. – Наверное, за тобой уже выслали повозку...

На мгновение тяжелый ком страха придавил сердце Орхидеи, и оно затрепетало, сбившись с ритма. Какая судьба уготована ей?... Да разве сможет она, замарашка в казенном наряде, выделиться среди блистательных красавиц, что свезут во дворец со всех уголков Поднебесной!

Мать и сестра взяли девушку под локти, потянули, заставив встать. Ухватились за подол ее длинной домашней рубашки и стащили через голову – Орхидея лишь послушно подняла руки. Вялая и безвольная от накопивших переживаний, она позволила себя облачить в платье и халат цвета пурпурной орхидеи, подбитый лисьим мехом. Закончив одевание старшей дочери, Тун Цзя и Лотос отошли от нее на пару шагов, взглянули и ахнули в один голос:

– О Небо! Ты ли это, Орхидея?!

И обе заплакали в голос.

Мальчишки на кане завозились во сне, завздыхали, не просыпаясь.

Едва сдерживаясь, чтобы тоже не разрыдаться, Орхидея проговорила:

– Мама, прежде чем попрощаться с семьей, я хотела бы зайти напоследок в комнату, где провела столько дней и ночей. Ведь как знать – вдруг мне и впрямь не суждено будет вернуться...

Тун Цзя и Лотос хотели было последовать за ней, но Орхидея умоляюще взглянула на них и нервным жестом попросила остаться. Мать кивнула, а Лотос зажгла от лампы свечной огарок и протянула сестре.

Оказавшись в своей комнате, Орхидея не стала тратить время на сентиментальное прощание со знакомой скромной обстановкой. Подойдя к столу и решительно выдвинув нужный ящик, девушка запустила в него руку и достала заветный сверток. Размотала платок, дотронулась пальцем до шероховатой спины Крокодила – будто желая убедиться, что тот по-прежнему холоден и магическая сила не покинула его. Полюбовавшись голубоватым свечением талисмана, она надела его на шею. В тот же миг по телу ее пробежала легкая дрожь, и успокоительный холодок разлился, заполнил каждую клеточку.

Грациозно ступая – походку следует тренировать постоянно, – Орхидея вышла из своей комнаты, даже не обернувшись на прощание.

Первой ее изменившийся облик заметила Тун Цзя – испуганно ойкнув, она прижала руки к груди и замерла, потрясенная.

– Сестра, твои глаза! – воскликнула Лотос.
Вспомнив слова Орхидеи, она подбежала к матери и сбивчиво протараторила:
– Она знала, она чувствовала, что с ней что-то произойдет сегодня! Она говорила! Тун Цзя не могла промолвить и слова.
Орхидея улыбнулась как можно нежнее:
– Сбылись твои мечты, мама! Теперь и я верю в свою особенность.
Старшая дочь обняла свою родительницу и, положив ей голову на плечо, спросила:
– Найдется ли в Поднебесной еще кто-либо с подобными глазами?
Наконец Тун Цзя смогла совладать с собой:
– Доченька, это ведь невыплаканные слезы застыли в них, превратились в драгоценные камни!... А все мой сон о твоей избранности! Великая судьба предназначена тебе, чувствую это – а мать не может ошибаться.
Распрямившись, Орхидея покачала головой:
– Великими не рождаются, мама. За судьбу надо бороться. И я тебе обещаю – сделаю все возможное.
Помолчав, она добавила:
– А может, даже и невозможное!
В одночасье изменившемся голосе девушки прозвучали столь жесткие интонации, а глаза принялись источать такую ледяную решимость, что и Тун Цзя, и Лотос с недоумением переглянулись. Им снова захотелось воскликнуть: «Ты ли это, Орхидея?!» Но обе они смутно испытывали перед новоявленной кандидаткой в наложницы безотчетный страх и в неловком молчании стояли перед ней, отведя взоры от ее лица и рассматривая вышивку на атласном халате.
Замешательство было прервано громким и требовательным стуком в ворота – прибыли дворцовые евнухи.
– Пора, – обронила Орхидея. – Пусть братья спят. Передайте им утром, что старшая сестра позаботится о них. И знайте – я всегда буду помнить о вас всех.
Тун Цзя заломила руки и заплакала.
Лотос бросилась было обнять сестру, но снова наткнулась на холодный взгляд ее изменившихся глаз и не решилась. Все, что она смогла, – это вместе с матерью проводить Орхидею до ворот и помочь ей забраться в небольшую двухколесную повозку, придерживая подол ее платья. Евнухи задернули занавес, деликатно оттеснили Тун Цзя и ее младшую дочь. Затем один из них, освещая путь фонарем из промасленной бумаги, пошел впереди, а другой, взяв мула под узды, зашагал следом. Бледный овал, падавший на землю от свечи внутри фонаря, дрожал и метался, удаляясь. Глухой стук копыт и жалобный скрип колес вскоре затихли. В переулке вновь воцарилась предутренняя тишина. Две женские фигурки безмолвно стояли у серой стены, покрытой пятнами и трещинами...

К Полуденным воротам повозка подкатила с первыми лучами солнца – Орхидея осторожно выглянула в узкую щель между занавесом и стенкой и быстро поняла, где она находится.

Высоченные створы, уходившие, казалось, прямо в пурпурное небо, выглядели жутковато. На темных широких дверях тускло светились крупные, размером с большую чашку, заклепки. Казалось, множество черепашьих панцирей замерло на крепких досках. Над изогнутой кровлей нависала массивная каменная башня, зияя множеством бойниц.

Вскоре на площади перед входом собралось несколько десятков одинаковых повозок, запряженных черными мулами. Евнухи, сопровождавшие их, негромко приветствовали друг друга и выстраивали повозки в один ряд – Орхидея по-прежнему наблюдала за всем

происходящим через щель.

Окончательно рассвело. Небо пылало холодным огнем зимнего солнца, легкие длинные облака тянулись над стенами Запретного города, словно следы от драконьих когтей. День обещал быть погожим, хотя и морозным.

Орхидея уже изрядно замерзла и начала дрожать, сожалея, что талисман не спасает от холода. Но мысль о том, что в других повозках дрожат не только от утренней свежести, но и от страха, придавала ей сил.

Но вот наконец створки ворот гулко стукнули, пришли в движение – медные заклепки на миг полыхнули, отражая солнечные лучи, и из-под тяжелого свода вышел отряд дворцовой стражи. Следом важно и деловито вышагивали евнухи в роскошных одеяниях. Один из них, тучный и надменный, в лиловом халате, расшитом золотыми однорогими драконами, держал в руках большую тетрадь в кожаном переплете. Заняв положение сбоку от ворот, так, чтобы ему были видны все стоявшие на площади повозки, он принялся резким голосом выкрикивать имена. Короткая шея его сливалась с плечами, рот тонул между подушек-щек, губы пухло выворачивались.

Услышав имя привезенной кандидатки, евнухи громко откликались, извещая о присутствии девушки. Наконец прозвучало долгожданное:

– Урожденная Ехэнара, дочь господина инспектора Хой Чжэна!

За пологом повозки раздался выкрик:

– Прибыла!

«Поскорее бы попасть внутрь», – подумала Орхидея, согревая дыханием озябшие пальцы.

Но переключка заняла еще добрых полчаса – несколько повозок запаздывало, и распорядитель раздраженно велел ожидать, пока не придут все.

Наконец дело было сделано.

Передав список кому-то из своей свиты, главный евнух набрал в грудь побольше воздуха – отчего глаза и рот его округлились, брови приподнялись, и все лицо приобрело удивленный вид.

– Про-опу-усти-и-и-ить импера-а-аторских претенде-е-е-енто-о-ок! – нараспев вывел толстяк, плавно поднимая руку в направлении дворцовых стен.

Застоявшаяся стража встрепенулась, с топотом и бряцанием перестроилась в два ряда, образовав проход к воротам.

Повозка, в которой страдала от холода Орхидея, дернулась и покатилась. Смотреть в щель, удерживая полог, уже не было сил. Девушка спрятала пальцы в рукава халата и прислушивалась к доносившимся звукам. Вот цоканье копыт усилилось и стало раздаваться будто сверху – значит, заехали под кирпичный свод, из-за толщины стен походивший на выдолбленный в скале проход.

Но, едва миновав Полуденные ворота, вереница вновь остановилась. Раздался уже знакомый резкий голос, приказавший прибывшим девушкам спешиваться. Евнухи откидывали плотную ткань, укрывавшую возможных императорских избранниц как от ветра, так и от чужих взоров.

Орхидея оперлась на предложенную руку и покинула повозку, ступив на тщательно выметенные резные мраморные плиты Запретного города, где, быть может, ей уготовано провести всю дальнейшую жизнь. Девушка встала в смиренном ожидании дальнейших указаний, искоса разглядывая разряженных красавиц, что выстраивались рядом. У многих лица были подкрашены по маньчжурской традиции – маленький рот украшала красная точка возле нижней губы. Нежные овалы лиц обрамляли разделенные на две пряди волосы, концы их были обернуты вокруг голов красавиц. Некоторые сделали высокие начесы, собрав на макушках сложные сооружения, которые украсили цветами из золота и серебра или яркими

перьями. Шиньоны, обернутые черным шелком, крепились заколками из нефрита или слоновой кости.

У девушки, стоявшей бок о бок с Орхидеей, на голове высилась целая композиция из ткани и жемчуга, изображавшая летящего гуся, чьи брильянтовые глаза ярко и холодно сверкали в утреннем свете.

Без сомнения, большинство из претенденток явно приготовлены для отправки во дворец целой армией слуг – так сложны были их макияж и прически, так роскошны наряды и украшения. Орхидея мысленно поблагодарила Крокодила за помощь. Талисман хранил ее от переживаний за свою одежду с чужого плеча, обычный шиньон в форме ласточкиного хвоста и недорогие краски на лице. Сердце девушки билось спокойно, а разноцветные глаза ее сияли не менее ярко, чем брильянты в головном уборе соседки.

Один из евнухов, щуплый человек с вытянутым лицом, облаченный в одежду с изображениями аистов и солнца, объявил, что далее все последуют пешком. Таковы дворцовые правила, изучить которые тем, кого изберут, будет важнейшей задачей.

Девушек выстроили друг за другом и повели по одной из дорог, вымощенной мрамором. Огромные дворцовые постройки высились повсюду, сияя на солнце желтыми кровлями, словно те были из чистого золота.

Вереница претенденток, сопровождаемая евнухами, миновала множество разнообразных ворот и арок, прошла через несколько широких дворов, размерами больше напоминавших площади, и засеменила вдоль берега плавно изогнутого канала, украшенного каменной оградой с изображениями львов и факелов.

Не останавливаясь, длиннолицый евнух повернулся к девушкам и пояснил:

– Это обходной путь, предназначенный специально для слуг и чиновников.

Центральным входом имеет право пользоваться только Десятитысячелетний господин. Вам будут показаны мостики и лестницы, куда тоже ступать запрещено любому, кроме Сына Неба.

Далеко не все идущие могли расслышать слова помощника – количество привезенных претенденток было велико. Да и некоторые из девушек, что семенили рядом с ним, не могли разобрать его речей – от испуга и волнения, а часть еще и потому, что являлись китаянками, привезенными из южных областей, где мало кто понимал пекинский диалект.

Группа продолжала движение, пересекая пустовавшие в это время года сады и парки. Роскошные павильоны проглядывали сквозь переплетение голых ветвей.

Орхидея, пытавшаяся в начале пути запоминать дорогу и ориентироваться, давно оставила это занятие после очередного поворота в еще один сад. Многие девушки, утомленные непривычно долгой для них ходьбой, начинали тихо вздыхать или плакать. Особенно тяжело приходилось китаянкам – их крохотные бинтованные ступни не были предназначены для таких переходов. Но лица евнухов сохраняли бесстрастность – казалось, они не замечали страданий подопечных. Гораздо чаще они поглядывали на тучного главного евнуха, которому длительная прогулка тоже давалась нелегко.

Процессия миновала еще десятка три павильонов, пока наконец не остановилась возле довольно большого, крыша которого была отделана голубым кафелем с позолоченными звездами.

– Перед вами Павильон зимнего цветения, – отдышавшись, заявил главный евнух. – Он будет вашим временным пристанищем, пока каждая не пройдет осмотр, где отберутся достойные вступить в дворцовое здание и предстать перед императором и вдовствующей императрицей.

Если бы не Крокодил – хвала Небу, нательные украшения девушкам разрешили не снимать, – Орхидея, наверное, не пережила бы экзамен на физическое состояние. Об этом она

думала, медленно продвигаясь вместе с остальными полностью раздетыми претендентками вдоль столиков, за каждым из которых восседало по три евнуха. Двое занимались изучением подходившей к ним девушки, третий под диктовку записывал результаты осмотра.

После первого отборочного круга число кандидаток сократилось до полутора сотен.

В безукоризненности своей внешности Орхидея не сомневалась – особенно когда всех заставили снять одежду. Тут уже не блеснуть богатством нарядов, не удивить никого расшитой парчой, атласом или шелком. Лишь сложение да кожа, от природы полученные соискательницами звания императорской наложницы, принимались комиссией во внимание. Китайкам, ноги которых не могли им служить опорой без обуви, было разрешено остаться в башмачках. Маньчжуркам приходилось страдать босиком на холодном полу – принесенные жаровни согревали воздух, но не могли справиться с промерзшим камнем.

Девушки, набранные из южных провинций, выделялись миниатюрностью – ноги их были тонки и стройны, груди небольшие и крепкие, точно яблоки, шеи длинные, а лица узкие. Северянки же, напротив, были коренасты и широколицы, обладали тяжелыми ягодицами, а груди их походили на спелые тыквы.

Бесцеремонность осмотра действовала на несчастных удручающе. Многие плакали в голос, а были и те, кто впадал в истерику или терял сознание от стыда. Таких подхватывали под руки и увлакивали за пределы павильона.

Всем видом выражая усердие и озабоченность, евнухи вертели нагих девушек, мяли и щипали, словно покупали скотину на базаре, и дотошно описывали телесные приметы. Перечисляли родинки – какой они формы и где располагаются. Тщательно измеряли рост и вес – сначала это делал один осматривающий, затем второй, для сверки результата. Мерная веревка летала в изнеженных, но ловких руках. Потом девушек загоняли на самые обычные весы, какие используются на складах для тюков с зерном. Отдельной графой в записях шла форма рук и ног, а также длина и густота волос.

Разный цвет глаз одной из претенденток вызвал у осматривающих замешательство. Состоялось короткое совещание, во время которого евнухи возбужденно шептались, то и дело оглядываясь на хладнокровно ожидавшую вердикта Орхидею. В конце концов было решено вписать удивительную примету как есть.

Один из евнухов, коротышка с неприятным лицом, сплошь изрытым оспой, заставлял девушек садиться на корточки и раскрывать рот. Он пересчитывал им зубы и пальцем проверял их на шаткость. Затем склонялся к их лицу и прислушивался к дыханию.

Но это был неприятный пустяк в сравнении с процедурой, которую предстояло пройти на высоком деревянном стуле с особой формы подставками для ног. Самые укромные части тела очередной претендентки изучались евнухами с предельной тщательностью. Убедившись в девственности испытуемой, принимались исследовать соседнее отверстие, для чего один из осматривающих обмакивал палец в чашку с маслом и без особой деликатности засовывал его в кричащую девушку. Затем палец внимательно осматривался и обнюхивался. Изучению подлежал и запах подмышек, для чего сразу двое евнухов водили по ним носами и выражали свое мнение.

За отдельным столом сидела комиссия по изучению астрологических записей. Выявив хотя бы малейшее противоречие с императорскими знаками, они выкрикивали имя не прошедшей отбор, и ту сразу же уводили.

Когда опись примет завершилась, всех выстроили в длинную линию. Главный евнух, храня на жирном лице безразличное выражение, принялся лично осматривать каждую девушку. Вышагивая перед ними, едва державшимися на ногах от усталости и душевных мук, он бросал замечания, которые следовавший сзади помощник записывал в специальную тетрадь.

– Покатый лоб. Широкие ноздри. Редкие брови, – цедил толстяк, шествуя мимо кандидаток.

Девушек, чьи недостатки озвучивались таким образом, евнухи выталкивали из шеренги и уводили из зала.

– Лопатки чересчур выступают. Рот слишком большой. Груды неодинаковы. Ноги короткие. Толстые бедра. Бледные соски. Некрасивый пупок...

Стоять полагалось замерев, словно статуя, а шевелиться позволялось лишь по приказу. Орхидея тайком потянула руку к шее, надеясь незаметно оборвать нить с Крокодилом. То, что разноглазую претендентку забракуют без раздумий, она уже не сомневалась. Но успеть избавиться от талисмана ей не удалось – главный евнух, от взора которого девушки тряслись, словно листья на ветру, уже был прямо перед ней.

Их взгляды встретились. Оплывшее лицо, более походившее на маску, преобразилось – веки толстяка широко распахнулись, а рот приоткрылся от удивления.

В зале стало очень тихо.

Главный евнух спохватился и принял более подобающий своему сану вид, став снова грозным и важным.

– Нечеловеческие глаза. Как у кошки, – вынес он приговор своим резким голосом.

В тот же миг сзади к Орхидее неслышно подступила пара евнухов, чтобы взять ее за локти и вывести из линии претенденток.

Но случилось неожиданное. Пухлая кисть неспешно поднялась, и толстый указательный палец, украшенный тяжелым перстнем, несколько раз выразительно покачался.

Повинуясь молчаливому приказу, евнухи отступили от разноглазой маньчжурки, а помощник принялся вымарывать на странице тетради начало записи, которое успел начертать.

Когда придирчивый осмотр завершился, оставшихся девушек провели в другой зал и велели пройти по прямой линии, а затем по кругу. Тех, в чьих движениях отметили недостаточно грации, изгоняли. Многие из всех сил старались показать изящность походки, но, измученные и униженные, замерзшие и испуганные, были не в состоянии этого сделать.

Орхидея же без труда убедила себя в том, что стесняться наготы перед людьми, которые вовсе не являются мужчинами, – глупо. Холод и голод и вовсе можно было перетерпеть, ведь ей не привыкать. А страх или волнение теперь в сердце не проникали.

Ее походка не вызвала нареканий, и девушка очутилась в поредевшем строю выдержавших и это испытание.

Наконец им разрешили одеться. В зале появились придворные дамы, все возрастом старше тридцати лет, сказавшие называть их «тетеньками». Они умело и споро помогли кандидаткам облачиться в свои наряды и восстановили их прически.

Главная обряжающая дама дала указание принести горячие напитки, и вскоре в павильон доставили подносы с чашками и чайниками. После быстрого чаепития приободрившихся девиц поставили ряд, и каждой приказали внятно назвать свое имя, возраст, место рождения, имя и должность отца. Если девушка говорила слишком громко или тихо или голос ее казался неблагозвучным, такую незамедлительно удаляли из зала.

Лишь к закату мучения претенденток прервались. Тех, кто прошел отбор для представления императору, «тетеньки» выстроили парами и повели пустынными переходами, в которых уже скопилась вечерняя холодная мгла, в располагавшиеся неподалеку от павильона пристройки. Там девушкам предложили еду, но большинство из них были так обессилены, что едва могли держать в руке палочки. К тому же пережитые страдания напрочь отбили у них аппетит, несмотря на то что целые сутки никто из них не ел.

Орхидея, последней трапезой которой в родном доме была лепешка из ямса, разглядывала столы с большим интересом. От вместительных кастрюль *хо го* шел густой пряный пар, грибы и тонкие ломтики мяса плавали в насыщенном темно-красном бульоне. Столики с закусками были уставлены блюдами с жареными грецкими орехами и яблочной

пастилой, а рядом располагались соленые овощи, огурцы в бобовом соусе, вареные утиные лапы, толстые куски ветчины. Крупные чаны были полны каши и риса, возле них – вместительные тарелки с вареными и жареными пельменями. При виде этого блюда Орхидея вспомнила свое недавнее свидание и машинально дотронулась до груди, прижав Крокодила крепче. Бесценный опыт она сумела извлечь – нельзя пренебрегать контактами с разными людьми. Даже самый неподходящий и недостойный на первый взгляд человек может неожиданно оказаться полезен. Важно лишь вовремя отсечь его, когда нужды в нем больше не будет. Нынешняя цель высока – спальня императора. Достичь этого места можно чудесным везением – если завтра Сын Неба укажет на урожденную Ехэнару и велит присвоить ей высший ранг.

О том, что ее могут не избрать, девушка и мысли не допускала.

После ужина, на котором Орхидея своим аппетитом и спокойствием удивила даже многое повидавших «тетенок», претенденток отвели на ночлег – им были выделены комнаты с четырьмя кроватями в каждой. Соседками Орхидеи оказалась одна дичливая маньчжурка, испуганно озиравшаяся по сторонам, и две китайки – они тихо переговаривались между собой на южном диалекте и беспрестанно всхлипывали. В комнате сама собой воцарилась атмосфера отчужденности и скрытой неприязни.

«Тем лучше, – подумала Орхидея, с наслаждением вытягиваясь на шелковом белье. – Отношения нужны лишь с теми, кого можно использовать. А всех мешающих достичь намеченного надо устранять, словно болезнь, или перешагивать через них, как через мусор».

Одна из «тетенок» заглянула к ним в комнату и приказала соблюдать тишину.

«Моя первая ночь в Запретном городе!» – подумала Орхидея, прежде чем веки ее закрылись, и она погрузилась в крепкий сон, лишенный каких-либо видений.

...Разбудили всех очень рано.

– Девушки, просыпайтесь! – властно заголосили придворные дамы, разнося по спальным комнатам тазы с горячей водой, над которыми клубился пар. – Сегодня день вашего счастья! Пора приводить себя в порядок!

Самостоятельно умывшись – что тоже было отмечено удивленными «тетеньками», Орхидея выбежала в сад. Утро едва брезжило сквозь пунцовую щель между облаками на востоке, но основная часть небосвода была все еще глубоко черна. Хрустально-ледяной, застывший в полном безветрии воздух. Невозмутимое темное безмолвие вокруг.

Девушка нехотя вернулась в шумное помещение, где царили суэта и галдеж. «Тетеньки» умывали своих подопечных – дочери из богатых аристократических семей не умели или не желали это проделывать сами. Главная обряжающая дама, столкнувшись с Орхидеей, всплеснула руками:

– Какая же ты! Не зря, видать, Небо послало тебе кошачьи глаза – ты и сама чисто дикая кошка!

Орхидея недоуменно посмотрела на возбужденную придворную, и та охотно пояснила:

– Ты думаешь, что настолько хороша собой – поплескала на личико водой и готово? И тебе бы хватило наглости в таком виде предстать перед взором Высокочтимого?!

Девушка, внутренне оставаясь совершенно спокойной, мастерски изобразила пронзившее ее смятение.

– Простите меня, госпожа! – поклонилась она даме, разыгрывая теперь смиренное почтение.

Та довольно ухмыльнулась и оттаявшим голосом скомандовала:

– Живее беги к «тетенькам»! Через три часа вы должны быть уже в Зале приемов! А

надо умастить шею и руки, одеться, наложить грим и создать прическу! Еще и покормить вас нужно!

Глядя вслед побежавшей в зал маньчжурке, дама задумчиво добавила:

– Клянусь Небом, если и притронется кто к еде, то опять только эта дикарка... Что за бесчувственная душа! Впервые вижу такую девчонку – у нее не сердце, а камень в груди или кусок льда...

После завтрака – на котором, как и предполагала старшая обряжающая дама, лишь одна маньчжурка с разноцветными глазами уплетала кашу и пирожки с мясной начинкой, а остальные девицы едва прикоснулись к блюдам – кандидаткам было приказано рассестись по резным деревянным скамьям. «Тетеньки» в последний раз придирчиво оглядели подопечных, поправив на некоторых из них наряды, и покинули помещение.

Оставшись одни, многие девушки принялись негромко всхлипывать, стараясь удерживать слезы – чтобы не испортился свежий грим. Соседка Орхидеи по спальне, пугливая маньчжурка с выразительными глазами, мелко подрагивала и, казалось, вот-вот лишится чувств.

Сама Орхидея предпочла скоротать время, внимательно разглядывая обстановку помещения. Решетки на окнах были искусно вырезаны в виде различных цветов и листьев, и солнечный свет, проникавший в зал, дробился на сотни осколков. Причудливые тени ложились на прикрепленные к стенам свитки белого шелка с выписанными на них иероглифами «Спокойствие» и «Власть».

安權

Балки потолка были покрашены в голубой цвет, а многочисленные дверные проходы закрывали лазоревые занавесы. На скамьях из красного дерева лежали тугие шерстяные подушки, пол сиял светлой изразцовой плиткой.

Орхидея понимала, что увиденное тут – еще вовсе не роскошь, но даже такое убранство ей очень нравилось.

Ожидание продлилось недолго – вскоре в зал торопливо вошел главный евнух в сопровождении свиты. Грозно посматривая на трепетавших девушек, он провел с ними беглое занятие, посвященное азам дворцового этикета. Его резкий голос носился под сводами зала, словно злая птица:

– Каждая из вас должна пожелать Сыну Неба здоровья и десять тысяч лет жизни! Вы обязаны говорить ясно и просто! Смотреть строго в пол перед собой не дальше, чем отбрасывается от вас полуденная тень. Не смей поднимать глаза на Премудрого правителя и вдову-императрицу!

Едва живые от страха претендентки внимали каждому слову грозного и властного евнуха.

– После своего пожелания вы должны замолчать и отвечать только в том случае, если Высокочтимый или вдовствующая императрица обратятся к вам. Отвечать внятно и кротко!

С нажимом произнес последнее слово, главный евнух остановил свой взгляд на разноглазой маньчжурке – развитым чутьем он ощущал, что она одна из всех либо искусно прячет свои чувства, либо вовсе не испытывает священного трепета. Если верно первое, то к девице следует присмотреться внимательнее, если же второе – она, очевидно, глупа и не осознает судьбоносного значения происходящего с ней.

Орхидея предпочла за разумное изобразить взволнованность и послушание. Она

опустила глаза и принялась теребить складку на платье.

– Время пришло! – на весь зал провозгласил распорядитель, властным жестом руки приказав всем подняться и выстроиться у арочного выхода.

В наступившей вслед за выкриком тишине были слышны лишь шелест ткани и тонкий звон украшений. Кандидатки вставали одна за другой и, следя за грациозностью походки, направлялись к дверям. Процессия, окруженная евнухами, покинула дворцовую постройку и двинулась по одной из вымощенных дорожек. Сопровождающие тоже хранили молчание, лишь подавали друг другу различные знаки руками. Толстый главный евнух, колыхая телесами, шел первым. Его помощник, с неизменной тетрадью в руках, семенил следом, то и дело оборачиваясь и окидывая строгим взглядом девушек. Те, осознавая важность грядущего момента, собрали всю волю и старались идти изящно, насколько это было возможно. Хныканье прекратилось, лица стали собранными – претендентки явно вспоминали домашние уроки и наставления о манерах.

Пройдя под множеством испещренных резьбой каменных арок, миновав десяток внутренних дворов и садилов, процессия приблизилась к красным стенам Дворца мира и долголетия, где и находился Зал приемов.

Девушек собрали в одном из флигелей. Главный евнух объявил, что необходимо привести себя в полный порядок. Словно ниоткуда вновь появились «тетеньки», ворчливым шепотом выражавшие неудовольствие помятостью платьев и размазанной помадой подопечных – хотя одежды сидели идеально и краски на лицах лежали ровно.

Ожидание вызова затянулось на несколько часов. Чтобы скоротать время, девушки занимались прихорашиванием, а евнухи и дамы вполголоса напоминали им правила представления императору. Кто-то попросил чаю, но в напитках было отказано – чтобы сохранить макияж в целости, а также избежать вынужденной отлучки в уборную в самый ответственный момент.

Наконец, заставив всех вздрогнуть, раздался низкий протяжный рев труб, извещающий о приближении Сына Неба. У двух из претенденток подкосились колени – одна повалилась без чувств на пол, другую успели подхватить. Евнухи захлопотали над ними, поднося к лицу смоченные в уксусе ватные шарики.

Остальным было приказано следовать за распорядителем.

Орхидею не покидала мысль, что все происходящее с ней – сон, который она смотрит отрешенно, будто со стороны, не участвуя в действии. Странная прихоть волшебной силы Крокодила... Забирая ее настоящие сны, талисман превращал саму реальность в отстраненное видение. Люди вокруг краснели, бледнели, покрывались испариной или дрожали, падали в обморок, бились в истериках, смеялись или заходились в плаче – всю эту суету Орхидея воспринимала как плохой спектакль, не вызывавший отклика в сердце. Впрочем, и скучно ей не было – Крокодил надежно берег душу. Зато разум, очищенный от шелухи переживаний, становился необычайно ясным, и девушка без труда подмечала недоступные ей раньше мелочи. Так, она поняла, что из двух упавших неженков лишь одна потеряла сознание по-настоящему, другая же лишь притворилась – очевидно, желая избежать дальнейшего отбора.

Орхидея и не заметила, как наряду с шестью другими претендентками оказалась поставлена евнухами в линию посреди огромного зала, украшенного гигантскими вазами. Не успела она осмотреться получше, как прозвучал хлесткий, как удар кнутом, приказ начальника стражи:

– На колени!

Девушки немедленно исполнили его и замерли, чуть наклонившись вперед.

Орхидея осторожно, сквозь ресницы, взглянула перед собой. Не на пол, как полагалось, а много дальше – шагов на двадцать.

Сын Неба понуро восседал на огромном широком троне, отделанном позолотой и обитом желтым шелком. По сторонам вдоль стен со сложенными на животе руками замерли евнухи и придворные дамы. Позади императорского места стояла многочисленная стража, держа ладони на рукоятках мечей. Над их остроконечными шапками, украшенными красной бахромой, виднелся огромный гобелен с вытканым золотыми нитями иероглифом «Долголетие»:



Десятитысячелетний господин, к удивлению Орхидеи, оказался совсем молод – не старше Дун Ли, хотя выглядел, конечно, совершенно иначе.

Одетый в расшитый драконами халат золотого цвета, повелитель прежде всего поразил девушку своим болезненным видом. Сложения он был весьма хрупкого, этого не могла скрыть утепленная одежда. Неширокое лицо казалось утомленным, и даже с такого расстояния был заметен его землистый цвет. Прямой и длинный нос – признак маньчжурской породы – остро выделялся на фоне впалых щек. Тонкие губы безжизненно бледнели, уголки их скорбно смотрели вниз.

Казалось, император страдал от необходимости участвовать в церемонии. Орхидея была готова поклясться, что он не бросил даже мимолетного взгляда в сторону девушек – те вставали по очереди, показывая себя, снова опускались на колени, представлялись и замирали.

Прodelала это и она – ровным и четким голосом проговорила положенное, не забыв добавить нотку невинной нежности.

Но лицо Сына Неба оставалось безразличным.

Зато вдовствующая императрица, сидевшая неподалеку от трона на массивном стуле из черного дерева, наоборот, пристально разглядывала каждую претендентку. Ей было немногим больше пятидесяти, но лицо ее рано состарилось – морщины избороздили его вдоль и поперек, а шея напоминала черепашку. Когда-то за ней водилась слава красивейшей женщины во всей Поднебесной и любимой наложницы императора Даогуана. Но те времена давно прошли. Веки набрякли и почти закрывали глаза, рот перекашивало, а сморщенная кожа потемнела, как гнилое яблоко. Повелитель умер, оставив страну под бременем невзгод – опиумная война была проиграна, в Сянгане и Шанхае обосновались заморские дьяволы, в южных провинциях набирали силу бунты религиозных фанатиков, неурожаи, голод и эпидемии выкашивали сотни тысяч поданных... Власть перешла четвертому сыну императора – тому, что сейчас изнывал от скуки, сидя на троне.

Орхидея едва успела рассмотреть их обоих – звякнули многочисленные браслеты на запястье императрицы, ярким желтым пятном мелькнул рукав ее платья. Повинуясь приказу, к девушкам бесшумно подбежали евнухи, цепко ухватили за локти, подняли на ноги и практически вытолкали из зала. Всем было приказано ожидать решения.

Спустя четверть часа Орхидея получила известие.

Она принята во дворец и определена в ранг «драгоценных людей» – низший из пяти имевшихся. Ее временная соседка по спальне, пугливая маньчжурка, обрела звание наложницы второго класса – откуда всего шаг к высшему, императорскому разряду.

Евнухи стали разделять девушек по присвоенным категориям и группами уводить из Дворца долголетия в разных направлениях.

Орхидея с такими же, как она, новоявленными наложницами, покорно следовала к месту, где кому-то предстояло прозябать остаток жизни, и только единицам – выпорхнуть и

взмыть выше.

Точеное лицо девушки было бесстрастно. Лишь удивительные разноцветные глаза холодно сияли, и внимательный наблюдатель мог бы заметить в них напряженную работу мысли... Но никому не было особого дела до одной из семидесяти выбранных.

ГЛАВА 8

ВИЗИТ

К удивлению Орхидеи, девушек разместили не в одном дворце, а расселили по разным частям Запретного города. Ей и еще трем наложницам выпало обосноваться в уединенном уголке под названием Тень платанов. Это был небольшой сад, огороженный темно-красной кирпичной стеной. Среди густорастущих деревьев блестел овальный искусственный пруд, а по его берегам стояли скромные, но красивые домики. Извилистые дорожки пролегали между насыпными холмами, поросшими бирюзовым бамбуком. В глубине по-зимнему голой рощи виднелись крыши летних беседок.

На двух наложниц полагалось по одному дому, где кроме них проживало полдюжины служанок – раньше в их обязанности входили присмотр за садом и уборка комнат, теперь они поступили в распоряжение императорских избранниц.

Соседку Орхидеи, миниатюрную китаянку с красивыми удлинёнными глазами и маленьким тонким носиком, звали Ласточка. Вопреки своему имени, девушка вовсе не порхала, а напротив, целыми днями сидела на кровати и беспрестанно плакала. Родом Ласточка была из богатой семьи, и ни дорогие одежды, полученные в дар от императора, ни вкусные блюда, которые доставляли служанки из дворцовой кухни, не могли ее удивить или порадовать. Может быть, до избрания в наложницы Ласточка и веселилась, радуя смехом близких, но, попав в золотую клетку, она предалась глубокой тоске и бесконечным слезам.

Орхидея, на шее которой висел талисман, оказавший немалую помощь в прохождении конкурса, разглядывала соседку с деланным состраданием, вовсе не собираясь утешать. С тех пор как глаза Ехэнары – а во дворце ее называли теперь только так, по родовому имени, – стали разноцветными, она ощутила в себе дар холодного разума. Ненужные чувства словно заморозились – так под зимним ветром вода перестает беспокойно плескаться в ручье, когда его поверхность стягивается льдом и присыпается снегом. Однако Орхидея понимала, что должна строго хранить свой секрет и лучшее средство для этого – игра. Ей, страстной любительнице театра, на походы в который отцу приходилось каждую неделю основательно раскошелиться, это не составляло труда – актерским талантом она и сама не была обделена. Кроме того, сценическое притворство позволяло ей тщательно рассчитывать силу изображаемых эмоций – это помогало сохранять лицо и производить нужное впечатление на окружающих. Орхидея не сомневалась – не будь у нее на теле волшебной фигурки, спрятанной от посторонних глаз под роскошным парчовым халатом, она могла бы и не совладать с бурей радостных чувств, поддаться восторгу от вновь приобретенных благ и заманчивых перспектив. Ведь из ее жизни исчезли голод и стужа, и она теперь получает денежное жалованье. А еще в ее распоряжении – подумать только! – сразу несколько служанок. Вздумай она возликовать – посторонние легко бы догадались, что Орхидея родом хотя из знатной, но совсем обнищавшей семьи. Серебристый Крокодил позволил принять новую жизнь со сдержанным достоинством, будто и раньше новоиспеченная наложница всегда была богата и окружена слугами. В то же время эта небольшая, но увесистая вещица, что покоилась на ее груди, словно впитала в себя все тревоги и тоску по родному дому. Всматриваясь сквозь голые ветки платанов в холодное серое небо, Орхидея сознавала: тратить время на грусть и слезы – занятие не только пустое, но и вредное. Заплаканные лица

опухали, глаза превращались в узкие щелочки, носы безобразно краснели. Хороша же будет такая наложница, случись ей предстать перед императором... Близится весна, скоро весь сад покроется яркими цветами и молодой зеленью. Так и она должна явить всю свою свежесть, красоту и ум перед тем, кому предназначена. Орхидея твердо решила: если судьба будет к ней благосклонна и в один из дней или одну из ночей император пожелает осчастливить ее, то она непременно добьется титула драгоценной наложницы. Ведь тогда она сможет помочь матери, сестре и братьям. Даже если не суждено больше с ними увидеться, появится возможность посылать им деньги и дорогие подарки. Вот так поступает умная и любящая дочь вместо бесплодных терзаний и тоски по прошлой жизни.

Да и нынешнее положение не слишком тяготило бы Орхидею, даже если она вдруг лишилась бы защиты от ненужных чувств. Жалование наложницы, сто пятьдесят *лян*, она не тратила вовсе, каждый раз складывая всю выдаваемую сумму в свой сундучок. Из казенных украшений, полагавшихся дворцовым девушкам, она пользовалась браслетами и специально подобранными для нее серебряными колпачками на пальцы – за проведенное Орхидеей время в императорском городе ногти ее изрядно отросли и требовали защиты. Волосы же свои девушка предпочитала украшать живыми цветами, придирчиво отбирая лучшие из тех, что каждое утро приносила ей из теплицы служанка.

Крокодил успешно избавлял от скуки, заменяя ее ровным спокойствием, но деятельная натура девушки требовала развития, искала подходящего занятия, более интересного, чем уход за ногтями. Орхидея понаблюдала за Ласточкой – та, казалось, была неискусна во всем, кроме тоски и плача. Две другие наложницы, что жили в доме на противоположном берегу пруда, целые дни проводили в ожидании обеда и ужина, расчесывая друг друга и примеряя наряды. Однажды утром, улучив момент, Орхидея обратилась к евнуху по имени Чжао – тот регулярно навещал Тень платанов с инспекцией. Изображая почтительное волнение, девушка сложила руки и попросила принести ей бумагу, кисти и цветную тушь. Внешне непроницаемый, чопорный и некрасивый лицом евнух на миг задумался, оценивая рассматривая Орхидею. От нее не укрылось мелькнувшее в его взгляде любопытство и удивление. Очевидно, решив, что столь необычной избраннице – а странный цвет ее глаз обсуждали уже многие во дворце – и полагается быть не такой, как все, Чжао благосклонно кивнул. На следующий день в Тень платанов доставили несколько рулонов оконной бумаги и набор для художественных занятий, включая альбом с копиями знаменитых рисунков.

Вспоминая уроки, что давал ей в детстве отец, Орхидея взялась за кисть и принялась практиковаться в живописи. Излюбленной ее темой стало изображение цветка, название которого совпадало с ее именем. С каждым разом рисунки выходили все более искусными, орхидеи на них порой выглядели красивее, чем в жизни. Евнух Чжао, оказавшийся знатоком картин и каллиграфии, в одно из посещений не удержался и, скинув надменную маску, похвалил работы наложницы.

– В тебе есть важное для художника умение, – сказал он, стоя перед картиной, где Орхидее удалось запечатлеть игру света на каплях росы, усеявших нежные лепестки. – В искусстве важна не передача факта, а способность преподнести настроение. В твоих рисунках оно всегда радостное. Если бы за кисти взялась твоя соседка, ей бы удалась лишь прошлогодняя листва.

Орхидея, изображая смущение, поблагодарила евнуха за лестные слова и не забыла воркующим смехом оценить его остроумие. Про себя же подумала – как глуп этот уродливый человек... Ведь она творила с совершенной пустой душой. Впрочем, слова напыщенного ценителя лишь подтвердили верность ее расчетов. Холодный разум позволял точно выверять необходимые для притворства штрихи.

Другим занятием Орхидеи стали каллиграфия и поэзия. Чжао, попавший под обаяние наложницы, с готовностью принес ей набор «четыре драгоценности ученого»: добротную

бумагу, качественные кисти, бруски дорогой туши и яшмовую тушечницу. В дополнение ко всему подарил тетрадь с прописями и образцами надписей. Евнух лично растирал угольного цвета комки и разводил в известных ему пропорциях, приготавливая все для работы. Почтительно отступив, наблюдал за движениями руки Орхидеи, изредка помогая советами. От природы чуткая к ритму и красоте слога, она без видимого труда слагала небольшие стихотворения. Одним из них она решила украсить окно своей спальни. Обмакивая кисточку, она вывела на нем столбики иероглифов, которыми залюбовались все наблюдавшие за ее упражнениями – даже Ласточка восхищенно всплеснула руками, на какое-то время забыв о тоске по дому.

曼 清 維 有
妙 風 有 朝
花 悄 蘭 一
枝 至 君 日
居 難 香 霸
幽 隱 正 群
穀 香 好 芳

Вскоре на рисунки и стихи молоденькой наложницы явился взглянуть могущественный Ань Дэхай – тот самый главный евнух, которого при отборе так боялись все девушки, за исключением Орхидеи. Его визит вызвал переполох и на этот раз – нагрянув неожиданно, он, довольный эффектом, вперевалку ступал по дорожке из щебня. За ним семенил помощник управляющего и целая свита из евнухов всех возрастов. Тучный Ань Дэхай, одетый в лазурный халат с вышитыми четырехпалыми драконами, направился напрямик к дому, где жили Орхидея и Ласточка. Ни слова не произнося, вошел в их жилище, рассматривая рисунки, украсившие стены. Остановился возле окна со стихом. Внимательно прочитав, хмыкнул и властно взмахнул рукавом халата. В тот же миг перед ним, придерживаемая слугами за локти, предстала разноглазая маньчжурка.

Орхидея, которую появление главного евнуха тоже застало врасплох, не успела продумать манеру поведения со столь влиятельным человеком. Колеблясь между спектаклями «страх» и «испуганная почтительность», она не смогла сделать выбор – так быстро ее вытащили из спальни и поставили у выхода. Темные узкие глазки Ань Дэхая буравили наложницу. Перед взором человека, имевшего неограниченное влияние на императора, трепетали министры и принцы. Вся маньчжурская знать искала расположения и благосклонности этого низкорослого толстяка.

Орхидея же смотрела на гостя с видом наивного ребенка – на лице ее отражались лишь любопытство и некоторая стеснительность.

– Где вы учились стихосложению? – спросил Ань Дэхай, хотя по его тону Орхидея сразу догадалась: его это интересует в последнюю очередь.

– Мой отец давал мне читать множество книг и, когда наша семья жила в провинции Аньхой, нанимал для меня учителя, – вежливо ответила наложница. – Отец говорил, что среди тех украшений, которые он мне покупает, образование – самое ценное. До самой смерти он оплачивал мои занятия...

На мгновение девушка пожалела о действии талисмана – сейчас самое время для внезапно потекших слез. Это, пожалуй, единственное, что ей до сих пор не удавалось изобразить, когда Крокодил замораживал душу.

– Мудрым человеком был твой отец... – главный евнух едва заметно кивнул. – Заколки и браслеты могут сломаться. Их легко потерять, да и воров хватает. А вот ум – всегда с тобой. Во всяком случае, пока твоя голова на плечах.

Свита мелодичным смехом выразила восхищение остротой.

– Господин Чжэн Ехэнара неплохо обучил тебя, – продолжил Ань Дэхай, ленивым взмахом пальцев приказав всем умолкнуть. – Почтенный человек вырастил достойную дочь.

Орхидея обворожительно улыбнулась и поклонилась. Что-то во взгляде евнуха ее настораживало. Ум девушки стремительно перебирал варианты, искал объяснения. Слишком уж пристально и задумчиво он смотрит на нее, чересчур наигранно ведет беседу. Вряд ли ему неизвестно, что провинциальный инспектор Хой был схваченным за руку взяточником, который скатился до нищеты и умер от порочной страсти. Быть может, ему неведомы детали – например, как «почтенный человек» под конец своих дней просил дочь приготовить ему трубку, объяснял, как обращаться с лампой и шариками опиума. Конечно, главному евнуху неведомек, как отец, развлекаясь, выпускал дым крохотными клубами в виде забавных животных и обучил этому «искусству» ее, молоденькую девчонку... Но совсем не зная историю семьи Ехэнара он не мог – в его обязанности входил надзор за всем и вся, попавшим в Запретный город.

– Почтенный, у меня к вам есть одна просьба, – обратилась девушка к Ань Дэхаю.

Тот чуть наклонился вперед, выказывая внимание. Свита изумленно наблюдала за главным евнухом. Виданное ли дело, такая предупредительность с его стороны по отношению к новенькой!

– Достойный Чжао сказал, что в моих рисунках и стихах есть настроение, – тихим голосом произнесла Орхидея. – Но он благородно умолчал о том, чего в изображенных мной цветах не хватает. В них недостаточно жизни. Есть цвет и оттенок, но нет запаха.

– Вы хотите, чтобы в саду посадили живые орхидеи? – понимающе кивнул Ань Дэхай.

– Да, почтенный. Была бы благодарна за такую заботу. В моих мечтах – заполучить цветы четырех сезонов, тогда круглый год мы сможем наслаждаться их благоуханием и красотой! – роль ребенка, грезящего о дорогом подарке, далась Орхидее легко.

– Я распоряжусь, чтобы главный дворцовый садовник выслушал вас, – весомо обронил Ань Дэхай и повернулся к свите, показав, что разговор окончен.

Вскоре процессия покинула сад, в котором до самого вечера не умолкали возбужденные перешептывания служанок и наложниц. Лишь Орхидея оставалась спокойной, что еще больше разжигало любопытство жительниц Тени платанов. Подумать только, к ней являлся на беседу такой могущественный человек, а она сидит, как ни в чем не бывало, любитесь гладью пруда!.. Откуда им было знать, что на самом деле в ее голове кипела напряженная работа. Наложница понимала – евнух приходил вовсе не полюбоваться ее ученической мазней и наивными стихами. Он что-то пытался разузнать или в чем-то убедиться.

Всесильный евнух, оставшись наедине, долго листал документы, принесенные ему из хранилища книг.

– Девчонка непроста... – проронил он, теребя связанную из шнурка пуговицу халата. – Надо бы приставить к ней кого понадежней.

В том, что наложницу ждет удивительная судьба, Ань Дэхай не сомневался. Книги ясно говорили – разноглазые люди приходят в этот мир нечасто, но почти всегда с ними связаны великие свершения, потрясения мира и громкая слава.

О глазах великого Чингисхана сказано в летописях – они как небо над степью и как

молодая трава. Жуткий страх охватывал любого, на кого повелитель обращал свой взор, и целые армии обращались в бегство, охваченные ужасом.

Взгляд юной маньчжурки не напугал императорского евнуха. Но оставил в его душе странное чувство – будто он общался не с человеком, а с мастерски изготовленной и колдовским образом ожившей куклой.

– Кто же ты, девушка?... – задумчиво произнес Ань Дэхай, перебирая записи.

Неожиданно рука его замерла. Взгляд остановился на метрической записи наложницы. Стараясь припомнить что-то, евнух принялся листать толстую книгу деяний императора Даогуана, отца нынешнего императора Сяньфэна. Наконец, он обнаружил запись, сделанную в тот самый день, когда урожденная Ехэнара из клана Желтого знамени появилась на свет.

«В провинции Жэхэ на ежегодной облавной охоте императора произошел следующий случай. Навстречу императору и его сыновьям на дорогу выскочила большая белая лиса, которая вытянула передние лапы и склонила голову, преградив им путь. Император вознамерился убить ее, взялся за драгоценный лук и вложил стрелу. Но один из сыновей, а именно четвертый, сказал ему: «Слава о вашей мудрости, подкрепленной добродетелью, так велика и разошлась так широко, что даже звери выражают вам свою покорность и признательность. Эта лисица целую тысячу лет стремилась к высоким ступеням познания. Прошу вас, не убивайте посланницу животных!» Император рассмеялся шутке и объехал лисицу, не тронув ее. Когда же он возвращался после охоты домой, то снова путь ему преградила белая лиса. В этот раз разгоряченный азартом император схватил лук, выпустил стрелу и наповал поразил зверя».

Ань Дэхай довольно улыбнулся и похлопал по бумагам пухлой ладонью. Лицо его прояснилось, как у человека, решившего трудную задачу.

– Просто так совпадения не случаются, – многозначительно произнес он, отодвигая записи на край стола. – Разноглазая маньчжурка, несомненно, и есть перерождение той самой лисицы!

Радостное выражение улетучилось с его круглой физиономии. Евнух подпер голову руками и крепко задумался. Так вот почему эта наложница хитра, искусна и так любит умащаться душистыми маслами – благоухает как те цветы, что попросила посадить вокруг своего жилища... Дело ясное, плутовка пытается скрыть терпкий запах животного, всегда исходящий от подобных существ.

Ань Дэхай нервно потер жирный подбородок. Ладони его вспотели. Брови сошлись к переносице, щелочки глаз тревожно поблескивали. Оборотень во дворце – это неслыханное происшествие, грозящее бедой всем, включая императора. Если об этом станет известно, в первую очередь накажут того, кто не уследил должным образом. Подставлять спину под палки, или, того хуже, шею под меч главный евнух вовсе не собирался. С другой стороны, император болезнен и слаб, и если эта лисица проникнет в его спальню – тут возможны разные варианты. Или Сын Неба вновь почерпнет от общения с ней животную силу, или она попросту загрызет его, выжрет нутро без остатка...

Из раздумий его вывел шорох бумаг – к сдвинутым на край стола записям неслышно подошел молодой симпатичный евнух и принялся собирать их в стопку, чтобы унести обратно в хранилище.

– Ли Ляньин, – обратился к нему Ань Дэхай. – Оставь эти бумаги, пускай другие уберут. А ты с этого дня поступаешь в услужение госпожи Ехэнара, из новеньких. Той самой любительнице орхидей.

Молодой евнух сложил на груди руки и молча поклонился.

– Будь при ней как можно чаще, служи усердно, – продолжал Ань Дэхай. – Повинуйся ей во всем, исполняй любые прихоти. Но тщательно отмечай, запоминай и не забывай сообщать мне обо всем, что происходит в Тени платанов.

ГЛАВА 9

ЕВНУХ ЛИ ЛАНЬИН И НАЛОЖНИЦА ЛАСТОЧКА

Шли дни, складывались в недели и месяцы, а жизнь в отдаленном уголке Запретного города мало изменилась. Давно забылся переполох, вызванный визитом главного евнуха, угасли надежды заточенных в стенах сада наложниц, что вскоре последует вызов кого-то из них в императорскую спальню. Лишь Орхидея по-прежнему не унывала. Целыми днями девушка практиковалась в рисовании и каллиграфии, да любовалась искусными клумбами, разбитыми в местах, на которые указала лично. Прежде всего, цветы должны были окружать ее дом, по одному сорту с каждой стороны. Вдоль дорожек следовало высадить ярко-голубые ирисы и зеленые хризантемы, чтобы любому проходящему они напоминали о необычных глазах хозяйки. Дворцовый садовник пытался возразить, бормотал о гармонии оттенков, ссылаясь на свой сорокалетний опыт и приводил в пример наставления мастеров былых времен из трактатов о цветах, но наложница была непреклонна. Нежно улыбаясь, она сказала ему, что пройдет время, и новые мастера цветочного дела будут руководствоваться ее правилами и вкусом. Стоявший за плечом Орхидеи евнух, прикрепленный к ней в личное услужение, строго напомнил садовнику о его месте, и тот, смирившись, сделал все так, как требовала хозяйка Тени платанов. Именно в качестве таковой разноглазую наложницу начали почитать все проживающие после оказанного ей расположения приближенных к императору людей. В том, что выбор повелителя вскоре падет на Орхидею, мало кто сомневался. Новая жена Сына Неба, похоже, испытывала трудности с зачатием – прошли месяцы, а станом она все так же тонка, как и во время прохождения отбора. Сколько ни вспоминала Орхидея свою тогдашнюю соседку по спальне, молчаливую и пугливую маньчжурку, никак не могла уяснить для себя – чем та приглянулась вдовствующей императрице и за какие такие особые достоинства была назначена в жены Десятитысячелетнему господину.

Но узнав, что молодая императрица Цыань – это имя присвоили кроткой маньчжурке после женитьбы на ней Высокопочтенного правителя – большая ценительница ароматных масел и благовоний, Орхидея истратила немалую часть своих сбережений, чтобы порадовать госпожу. Сразу нескольким служанкам она приказала раздобыть необходимые вещества и собственноручно изготовила подарок. Коробку с маслами и палочками, снабженную запиской с пожеланием долгих лет и скорейшего зачатия наследника, доставил императрице новый евнух, юный и симпатичный Ли Ляньин, взявший под опеку наложницу с разноцветными глазами.

Он же отстранил от нее каллиграфа Чжао и принес вместо новых прописей целую перевязь больших и плотных листов бумаги, которые поначалу его подопечная приняла за образцы рисунков для дальнейшего ее совершенствования в изобразительном искусстве. Но когда Ли снял оберточные ленты и разложил перед ней картинки, поняла – это действительно учебные пособия, но совсем иного характера.

– Пришло ваше время, уважаемая госпожа, ознакомиться с некоторыми премудростями игры «Тучка и Дождь», – склонился перед Орхидеей евнух. – В любую минуту каждая из наложниц может быть призвана на императорское ложе. Ваша обязанность – добродетельность и усердие в стремлении удовлетворить господина. Для этого понадобятся кое-какие знания. Их вы должны будете применить, как только возникнет подходящий момент. Выберите картинку, пожалуйста, и внимательно рассмотрите.

Орхидея без тени смущения взяла один из «весенних рисунков». Художник изобразил пару в разгар любовной утехы на просторной террасе. Одежда лежала на ажурных перилах, за которыми виднелись густые ивовые ветви. На женщине остались лишь крохотные красные

башмачки и светлые короткие чулочки до щиколоток. Повернувшись к кавалеру задом, она для удобства подперла голову рукой, отчего приняла вид задумчивый и мечтательный. Мужчина был полностью обнажен и, положив одну руку на бедро дамы, другой держал себя за возбужденную плоть, направляя ее в *яшмовую пещеру*.

Ли Ляньин протянул ей еще несколько листов – люди на них предавались удовольствию в разных позах и различных интерьерах. Одна пара устроилась прямо на брошенной на пол циновке, на другом рисунке дама забралась на высокое кресло и обхватила нависшего над ней кавалера ногами. Некоторые пары резвились на лоне природы, и художник с одинаковой тщательностью изобразил как точку совокупления, так и деревья, ручей, горные вершины и порхающих над головами любовников птиц.

На других картинках присутствовали сразу несколько девушек – в то время, когда господин обладал наложницей, служанки придерживали ее ноги или выступали наперсницами своей госпожи в ублажении мужчины.

Каждый рисунок Ли Ляньин сопровождал обстоятельным пояснением, не пренебрегая давать рекомендации и делиться различными хитростями, способными придать процессу любви особую чувственность и остроту.

– Но вы же, очевидно, никогда не познавали всю эту, как вы сказали, «премудрость» своим личным участием? – скорее утвердительно произнесла, чем спросила наложница. – Откуда же вам знать, что ваши советы верны?

Евнух кивнул:

– Вы совершенно правы, госпожа. Мое тело не способно достичь наслаждения от любовных игр, но мой разум свободен от пелены похоти и вожделения. Никто лучше евнуха не ведает всех тонкостей соединения мужского *яни* женского *инь*. Ни один человек не сочетает их в себе так, как мы. Искушенный сладострастник может поведать о взаимоотношениях мужчины и женщины не больше, чем обжора в недорогой забегаловке о тонкостях разных видов кухни. Знания таких людей широки, но не глубоки. К тому же чаще всего это лишь личные предпочтения. А то, что наложнице способен поведать евнух, подобно рассказу незрячего о шелесте листьев ивы и бамбука – никто, кроме него не способен уловить различие.

Орхидея внимательно посмотрела на своего учителя. Среди наложниц ходили слухи о невыносимом характере многих императорских слуг, лишенных своей мужественной составляющей. Этот недостаток они восполняли жестокостью по отношению к девушкам. Поговаривали, что некоторых пленниц дворца евнухи так сильно били, кусали и даже наносили им глубокие порезы ножами, что несчастных жертв попросту выбрасывали за ворота Запретного города, и остаток жизни им приходилось pobираться, подобно тысячам других увечных попрошаек. Но Ли Ляньин производил на Орхидею впечатление разумного и сдержанного человека. Быть может, еще довольно юный возраст евнуха оберегал его от превращения в оплывшее телом и испорченное характером существо, каким становились годам к тридцати большинство подобных людей.

– Вы очень молоды, но ваши слова будто принадлежат зрелому мужу, – задумчиво промолвила наложница и в тот же миг осознала неловкость сказанного.

– Ничего страшного, госпожа, – Ли Ляньин едва заметно улыбнулся. – Вы не произнесли ничего бестактного. Конечно, мужчиной мне никогда не стать, но мое положение не самое плохое. Я был подвергнут операции очень рано – мне едва исполнилось пять лет. Иногда я испытываю легкое сожаление, но эти переживания не сравнить с муками тех, кто сполна познал горечь утраты. Вот кого жаль – успевших достичь юношеского созревания и отдавших мужскую силу в жертву служения во дворце. С потерей силы и плоти многие не могут смириться до конца своих дней, упорно ищут чудодейственные рецепты. Вера в то, что удаленное может появиться заново, заставляет их совершать безумства и дурные поступки. Я

же существую, осознавая, что сумел выбиться из непроглядной нищеты и, возможно, избежать голодной смерти благодаря тому, что родители решили отдать меня в евнухи.

Орхидея позвала служанок и приказала приготовить чай. Когда ароматный напиток был разлит по чашкам, она двумя руками поднесла Ли Ляньину угощение – засахаренные ломтики фруктов и предложила сесть поближе к столику.

– Если моя просьба не покажется вам бестактной, как и недавние мои слова, не расскажете ли о том, как все случилось с вами тогда, в детстве? – осторожно спросила она, придав голосу как можно больше учтивости. – Не посчитайте это любопытством скучающей девушки, прошу вас.

– Тогда что же это, моя госпожа? – чуть видимая улыбка снова тронула губы евнуха.

Орхидея проникновенно взглянула в глаза Ли Ляньина.

– Я давно поняла, что каждому попавшему сюда приходится платить свою цену. В том числе и мне. Истории других людей, которым тоже несладко, помогают не пасть духом, не расклеиться от слез, как бумажный фонарь от дождя. Кроме того, ваша не по годам заметная зрелость ума говорит о перенесенных страданиях – одним образованием, какое бы оно прекрасное ни было, такого не достичь...

– Госпожа, я всего лишь ваш недостойный слуга, – возразил Ли Ляньин. – Смердящая уличная собака выше меня умом и чище сердцем.

Наложница грациозно махнула рукой:

– Оставьте эти этикетные самоуничижения для более подходящих случаев. Пейте чай и расскажите мне, не утаивая, как все произошло.

Держа в руке тонкостенную белую чашку и вглядываясь в нее, точно стараясь увидеть в золотистом напитке картины минувшего, Ли Ляньин некоторое время молчал, затем вздохнул и начал свой рассказ:

– Моя семья испытывала такую сильную нужду, что сама жизнь для нас потеряла смысл. Спасибо соседям – они помогли родителям собрать тридцать *цзиней* риса и мешок кукурузных початков. Это всё, чем мы могли заплатить лекарю. Обычно же подношения мастеру делаются побогаче – к оговоренной сумме денег прибавляют угощение, например свиную голову и большой кувшин самогона. Но родня была не в состоянии раздобыть даже этого. Нам повезло, что мастер сжалился над нашим положением. Известных домов, где занимались превращением мальчиков в евнухов, в то время в Пекине было два. Один стоял неподалеку от Южной улицы, в переулке Счетоводов, а второй сразу за воротами Земного Спокойствия, в Кирпичном переулке. Вот с лекарем, жившим там, и договорился мой отец... Я ему очень благодарен за его любовь ко мне – ведь часто в бедных семьях операцию делает кто-то из родственников. У нас в квартале умерло несколько мальчиков незадолго до того, как было решено изменить мою судьбу. Отец не мог рисковать.

Три дня до назначенного срока меня практически не кормили, лишь дали маленькую чашку пресной лапши и крохотный чайник с водой. Скудную еду я съел сразу же, а воду попытался пить экономнее, но все равно на последний день ее не осталось. Все это время я просидел в наглухо закрытой комнате, с заклеенными окнами, чтобы ветер не занес мне какую-либо хворь перед таким важным событием. Я беспрерывно плакал – ведь ожидание всегда ужасно, особенно когда знаешь, что случится что-то непоправимое. Но тогда я и понятия не имел, через какие муки предстоит пройти...

Лицо евнуха на миг исказила гримаса. Встряхнув головой, Ли Ляньин сделал глоток из чашки и продолжил:

– Странно, что я так послушно шел тогда в проклятый Кирпичный переулок, держась за руку отца. Наверное, поверил его словам, что все пройдет быстро и боль будет не сильнее, чем от ожога, – неприятная, но терпимая...

Орхидея, до этого молча внимавшая рассказу слуги, чуть улыбнулась:

– Именно так и вы мне сообщали о том, что испытывает женщина в первую близость с мужчиной!

Ли Ляньин горько усмехнулся.

– Вам я сказал чистую правду, госпожа. К тому же у женщины вслед за краткой болью следует длительное наслаждение. А жизнь после того, что испытаешь на столе у лекаря, далеко не всегда приятна.

Орхидея нетерпеливо поерзала в плетеном кресле, желая поскорее дослушать историю о превращении мальчика в евнуха.

– Если бы не мое безмерное почтение к вам, госпожа, я предпочел бы не вспоминать те кошмарные дни. Да, именно дни – ничего быстрого в той операции не оказалось... Когда между лекарем и моим отцом были оговорены все детали, включая и мое согласие, меня раздели и уложили на длинный узкий стол, скорее похожий на лавку с высокими ножками. Рядом стоял стол поменьше – на нем я успел разглядеть нож, короткий и гнутый, точно клюв попугая, и таз с каким-то кровавым ошметком. На отдельном блюде лежала пара сваренных и очищенных утиных яиц. Я не понимал, зачем все это – кроме ножа. От вида его ручки – деревянной, потемневшей от частого пачканья в крови – мне стало так страшно, что я закричал и принялся вырываться. Отцу велели крепко держать мои плечи. Два помощника развели мне ноги и вымыли смоченными в теплой воде тряпками «причиндалы», как они их называли, перешучиваясь между собой и подбадривая меня. Я и слова не мог вымолвить от страха, а когда вдруг лекарь неожиданно пальцами раскрыл мой рот и сунул в глотку вареное яйцо – стал задыхаться в немом крике. Тело выгнулось дугой, в глазах все потемнело. Отец продолжал прижимать меня к столу, а мне казалось, что на грудь положили каменную плиту. Неожиданно внизу живота я ощутил боль – но не настолько сильную, как ожидал – ведь, увидав страшный нож, я разом утратил веру в отцовские слова и понимал, что мне предстоит тяжелое испытание, которого уже не избежать. Да, боль оказалась терпимой – но это потому, что лекарь всего лишь сделал на моей мошонке два продольных надреза. Затем он крепко ухватился за нее и стал выдавливать яички через произведенные прорехи. Вот тут я начал биться и вырываться всерьез, и, наверное, мне бы удалось соскочить со стола, но я потерял сознание. Очнулся уже тогда, когда лекарь приложил к моим ранам кусок свиной печени – именно он и лежал в тазу, как мне объяснил позже отец. Это хорошо останавливает кровь и помогает избежать воспаления. Утиного яйца у меня в горле не было – то ли я его проглотил, то ли оно из меня вылетело. Весь мокрый от пота, я часто дышал, чувствуя, как дрожит и трепещет каждая частица тела.

Между тем, мне предстояло пройти еще один этап – «удаление стебля», чем лекарь незамедлительно и занялся. Сначала он опять сунул мне в горло яйцо – хорошо, что я успел набрать в грудь немного воздуха... На этот раз боль была очень резкая – будто и впрямь от ожога раскаленным углем. Сознание мое готово было угаснуть вновь. К свежей ране повторно приложили свиную печень. Я почти ничего не соображал, только беспомощно дергался на столе. Потом лекарю подали таз, где лежали листы бумаги, вымоченные в смеси кунжутного масла с перцем. Из них мне соорудили перевязку – наложили один за другим между ног и перетянули бинтами...

Вздохнув, Ли Ляньин прервал рассказ. Глаза его влажно блеснули. Чашка подрагивала в руке.

– Долго ли болела рана? – спросила Орхидея, вложив в голос побольше сочувствия. Евнух печально продолжил:

– Мне казалось, она не заживет никогда. Три дня я не мог мочиться – врач поставил специальную пробку, вытаскивать которую мне не разрешалось. Все это время меня постоянно водили по комнате, ухватив под руки. Наконец после очередного осмотра лекарь вынул затычку и сунул вместо нее кусок полого тростникового стебля. Увидев, что моча

свободно истекает, он поздравил меня и отца с успешным исходом. Потом мы уже узнали, что из пяти мальчиков после подобных операций двое или трое умирают, не силах справиться с нуждой. А из выживших только одному удастся сдерживаться при позывах, как обычному человеку. Госпожа, должно быть, замечала этот характерный запах, что исходит от многих из нашего сословия. Они вынуждены носить в штанах специальные прокладки из сложенной в несколько слоев хлопчатой ткани.

Орхидея кивнула и спросила напрямик:

– Вы тоже в числе этих несчастных?

Евнух испуганно потряс головой и помахал ладонью:

– Что вы, госпожа! Почтенный Ань Дэхай терпеть не может подчиненных с таким недостатком и ни за что бы не приблизил меня ни к себе, ни к вам.

– А сам он? – полюбопытствовала наложница.

Подавшись в сторону госпожи, Ли Ляньин доверительно сообщил тихим голосом:

– Точно никому не известно – но ходят слухи, что главный евнух лишен лишь *потайного мешочка*, а *стебель*ему был оставлен. Если это верно, трудностей никаких нет.

Какое-то время они сидели молча, думая каждый о своем.

– Поднимитесь! – неожиданно приказала Орхидея.

Ли Ляньин вздрогнул. Еще не до конца очнувшись от воспоминаний, он затуманено посмотрел на хозяйку.

– Встаньте! – повторила та, для убедительности поведя кистью руки. – Ну же!

Длинные серебряные колпачки на ногтях тускло блеснули, словно несколько проворных рыбок.

Поставив чашку, слуга с легкой тревогой в лице подчинился.

– Я хочу посмотреть, – сказала Орхидея, испытующе глядя евноху в глаза. – Покажите мне.

Ли Ляньин ошарашенно замер.

– Вы разве не слышали? – повторила императорская наложница, придав голосу строгое звучание.

Евнух опустил голову.

«Исполняй любые ее прихоти...» – вспомнились ему слова Ань Дэхая. В какую игру тот решил сыграть, что замышляет? Отчего разноглазая маньчжурка, которую поселили на задворки Запретного города, приковала к себе внимание главного евноха?

– Я жду! – напомнила Орхидея.

Пока Ли Ляньин пребывал в смятении, наложница успела забраться с ногами на кровать и удобно устроиться на боку, опираясь на локоть.

– Ань Дэхай поставил перед вами важную задачу... – неотрывно глядя на евноха, сказала Орхидея.

Ли Ляньин вздрогнул – так отчетливо ему представилось, что следующими ее словами будут «вынюхивать и выслеживать за мной, как собака за диким зверем». Но наложница произнесла другое:

– ...обучить девушек правилам любовных игр. Но одними картинками всю эту премудрость не понять – как нельзя насытиться, лишь прочитав названия блюд. Не забывайте, что я никогда не видела мужского тела и не могу позволить себе испугаться или оплошать, когда такой случай представится.

– Я не мужчина, – тихо напомнил Ли Ляньин.

Орхидея кивнула:

– Именно! Неужели вы могли вообразить, что я, предназначенная Сыну Неба, позволю себе хоть какие-то вольности с другим мужчиной?!

В голосе наложницы зазвенели металлические нотки, и евнух поспешно замотал

головой:

– Что вы, моя госпожа! Даже в мыслях не было!..

Ли Ляньин принялся торопливо разоблачаться. Пальцы его неловко цеплялись за маленькие пуговицы халата. Орхидея, безукоризненно разыгравшая сценку «госпожа сердита», наблюдала за суетливыми движениями слуги.

Наконец евнух замер возле вороха скинутой одежды, низко склонив голову и прикрыв пах.

– Уберите руки, – приказным тоном распорядилась наложница, усаживаясь на кровати. – И подойдите ближе.

Слуга повиновался. Глаза Орхидеи впились в треугольный рубец внизу его живота.

Она протянула руку и осторожно дотронулась до шрама, затем провела пальцами по ноге евнуха. Словно прислушиваясь к ощущениям, погладила его бедра.

Замерев и, казалось, не дыша, Ли Ляньин испуганно смотрел на девушку, так беззастенчиво делавшую неслыханные вещи, которые попирали столетиями заведенный порядок.

Но молодой евнух понимал, что не расскажет о случившемся никому. Верность и преданность госпоже, единственной, кто отнесся к нему по-человечески и проявил сочувствие, стали для юноши важнее приказов.

– Вы говорили, что язык дан мужчине для многих целей, в том числе и для любви, – вкрадчиво произнесла Орхидея, продолжая поглаживать тело слуги. – Я хочу убедиться в правдивости этих слов.

– Но я не мужчина... – вновь попытался напомнить Ли Ляньин.

Орхидея откинулась на спину и улыбнулась.

– Поэтому вы и покажете мне, что следует ожидать от мужчины. Ведь я должна быть готова ко всему...

...С каждой неделей теплело, распускались нежные листья на деревьях, а жухлая прошлогодняя трава сменилась на молодую и яркую. Расцвели высаженные дворцовыми садовниками светло-розовые орхидеи, Орхидея старалась больше времени проводить в прогулках, ступая по мягко шуршащим дорожкам сада и прислушиваясь к по-весеннему радостному щебету птиц. Девушка, чей голос, бывало, завораживал всю округу, вновь занялась пением. Вскоре она научилась подражать затейливым соловьиным мелодиям, да так искусно, что порой пичуги начинали порхать над ее головой. Спустя какое-то время ей и вовсе удалось приручить нескольких из них. Теперь, стоило ей запеть и вытянуть вперед руку, на которой поначалу лежали лакомые зерна, птицы слетались к ней из разных уголков сада. Служанки и Ласточка восхищенно смотрели на это представление. Иногда Орхидея зазывала на прогулку свою невеселую соседку, но та от хождений по мелкому щебню отказывалась – ноги ее, настоящий образец *лепестков лотоса*, не были приспособлены для длительной ходьбы.

Как-то вечером Ласточка, утерев слезы и часто шмыгая носом, пустилась в воспоминания о своем детстве. Сидя в плетеном кресле, вынесенном служанками из дома к пруду, и положив крохотные ступни в расшитых красных башмачках на низкую скамеечку, девушка поведала историю своих страданий.

– До тех пор, пока мне не исполнилось семь лет, бабушка звала меня «малышкой-попрыгуньей», – блеклым голосом начала она свой рассказ и снова едва не разрыдалась.

Если бы Орхидея могла испытывать жалость, вряд ли бы она удержалась от того, чтобы не подарить чахнувшей от горя соседке свой серебристый талисман. Но Крокодил

надежно защищал хозяйку от непростительных проявлений слабости, и она лишь отстраненно, но внимательно слушала китайнку, отмечая в ее истории детали, которые могут пригодиться ей.

— А потом все изменилось. Сначала мать проколола мне уши, велев терпеть и привыкать к тому, что боли в жизни девушки будет немало. Я и представить не могла, насколько она окажется права. Не успело с мочек сойти покраснение, как мать снова позвала меня — я играла у ворот с соседскими ребятами. Сказала мне, что сегодня самый подходящий день. Я всё поняла, испугалась и убежала в дом. Спряталась на кухне, за кучей плетеных корзин, и мать долго не могла меня отыскать. Но потом услышала, как одна из корзин упала на пол. Мать вбежала, выдернула меня из укрытия и побила. За руку приволокла в спальню, усадила на кровать, а сама пошла кипятить воду. Принесла таз. Достала нож, иголку и нитки, вытащила из ящика целый ворох повязок. У меня все сжалось внутри, будто я упала в холодную воду. Я принялась упрашивать отложить то, что она задумала, до следующего месяца или недели. Но мать отвечала, что медлить нельзя — если ноги забинтовать сегодня, в первый день второго лунного месяца, то будет почти не больно, а если перенести хотя бы на завтра, то мучения будут очень сильные. Я поверила и подчинилась. Мать вымыла мне ступни, вытерла, густо обсыпала квасцами. Обрезала ногти, потом подогнула все пальцы, кроме большого, и принялась обворачивать длинными лентами. Когда закончила с правой ногой, принялась за левую. Не успела она ее замотать, как я уже почувствовала боль. Но это оказалось ничто по сравнению с тем, когда на меня надели тесные башмачки и велели пройтись. Вот тогда я поняла, что самое трудное еще впереди! Казалось, я не вынесу страданий. Мать запретила мне снимать обувь на ночь. Ноги мои словно положили на жаровню, я не смогла заснуть и бесконечно плакала.

«Похоже, это вошло у тебя в привычку», — подумала Орхидея, с наигранной жалостью покачивая головой.

Погруженная в воспоминания, Ласточка грустно продолжала:

— Бабушка больше не называла меня попрыгуньей, а мать стала часто бить. За то, что я плакала, и за то, что не хотела ходить — а меня заставляли каждый день передвигаться по двору, чтобы пальцы сильнее вдавились. Я пыталась ступать на пятку, но мать меня лупила и за это, говорила, что не видать мне прекрасных очертаний, если буду продолжать ходить как крестьянка. По ночам я тайком пробовала снять бинты и за это тоже получала тумаков. Через неделю меня перебинтовали, снова засыпали ноги квасцами, потом надели обувь поменьше. Прошло несколько месяцев, я сменила еще несколько пар ботинок, каждая теснее предыдущей. Ноги мои часто опухали, особенно если я ела мясо, и почти постоянно из них сочились кровь и гной. Мать не меняла мне повязки теперь, говорила, что, когда со ступней сойдет плоть, они станут изящными. Летом мои бинты ужасно воняли, а зимой ноги страшно мерзли — ведь кровь не несла к ним тепло. За год ступни уменьшились до *цуней*, а потом еще почти на один *цунь*. Но мне уже было не так тяжело — я начинала привыкать, и к тому же пришел черед моей сестры, а вдвоем всегда легче переносить такое.

К концу рассказа с Ласточкой произошла заметная перемена. Глаза ее высохли, печаль улетучилась с лица, уступив место горделивому выражению. Разглядывая свои расшитые золотыми нитями башмачки, размером не больше крыла садовой пичужки, она невольно залюбовалась ими.

— Поначалу я завидовала вам, маньчжуркам, что в ваших обычаях нет бинтования. Жалела, что не родилась нищей крестьянкой — ведь низшие сословия тоже избавлены от наших мучений. Но когда подросла, то поняла, что мать оказалась права — кому нужна большеногая китайнка...

Ласточка бросила произвольный взгляд на обувь Орхидеи — высокие «цветочные горшки»

– Зато теперь у меня словно два серпика молодой луны! – улыбаясь, пошевелила она крохотными башмачками. – Признаюсь – хоть и волнуясь ужасно, но с нетерпением жду часа, когда они взойдут над плечами Сына Неба! Уж кто, как не он, сумеет их оценить как следует!

Последние слова наложница произнесла торжественным тоном. Щеки и уши ее покраснели, глаза широко раскрылись и возбужденно блеснули.

Орхидея, пристально глядя на соседку, мастерски изобразила дружелюбную улыбку.

– Что-то я озябла, – вдруг поежилась Ласточка. – Весенние вечера частенько прохладны. Уже поздно. Пора спать. Ты идешь?

– Нет, я еще посижу и полюбуюсь закатом, – ответила Орхидея. – Приятных тебе снов!

Осторожно поднявшись из кресла, Ласточка засеменила в сторону дома.

Красные закатные облака неподвижно висели высоко над кронами деревьев и стенами императорского дворца. Метались по темнеющему воздуху летучие мыши. Стылой влагой тянуло со стороны пруда. Прощальные сполохи неба отражались в воде багровыми разводами. На Запретный город ложилась ночь.

ГЛАВА 10

НЕЖНАЯ И УДИВИТЕЛЬНАЯ

Новый день обещал быть таким же невыносимым, как и вчерашний.

Сын Неба лежал на пропотевшем ложе и с тоской смотрел на длинные полосы света, идущие наискось через всю спальню. Золоченные драконы вспыхивали яркими бликами, будто под потолком занимался пожар. А когда солнечные лучи добрались до покрытых красным лаком деревянных колонн, на миг все помещение приняло кровавую окраску. Император смежил веки и вслушался в шорохи и шумы, что заполняли его уши. Слабое сердце толкало нездоровую кровь, разносило хворь по всем членам тела. Вялые руки и ноги не желали шевелиться. Голову, безвольно откинутую на желтые шелковые подушки, стягивал обруч нарастающей боли. Обильный пот не выводил недуг, а лишь отравлял плоть снаружи, липко увлажняя нездоровую кожу.

С началом лета к прежним страданиям повелителя прибавилось еще одно. Удушающая жара обволакивала Пекин с раннего утра. Накатываясь на дома и дворцы, к полудню она заливала ослепительным кипенным светом мраморные площади, превращая их в каменные сковороды. Раскаляла черепицу крыш и колонны террас, заставляла воздух дрожать, и тогда казалось, что дворцы Запретного города – всего лишь болезненный мираж, готовый оплыть и расплавиться вместе с обитателями. С белесого неба лился нестерпимый зной, мучительно медленно тянулись дневные часы. Но и вечера не приносили столь желанной прохлады – горячий камень не успевал остыть к новому восходу беспощадного солнца.

Евнухи постоянно окатывали ступени и полы спального дворца водой, но это помогало лишь до определенного часа раннего утра, затем в воздухе воцарялась влажная духота. Не спасали и широкие веера, которыми специально приставленные слуги беспрестанно обмахивали ложе Дракона.

Единственное утешение император находил в Павильоне воды и чистого цветения. Многие каналы обмелели, а некоторые совсем пересохли, и вместо блестящей поверхности взору представало испещренное трещинами бурое дно. А в этом павильоне, выстроенном над подземным источником, до сих пор приятно журчали фонтаны, орошая мельчайшими брызгами лицо и шелковую одежду отдохавшего. Там император проводил большую часть дня, скрываясь одновременно и от жары, и от докучливых министров и принцев. Изнемогая от каждого лишнего движения, Сын Неба и думать не мог об официальных приемах.

Настанет осень, придут первые холода – быть может, и его здоровье улучшится. А если правитель не хворает, то и в государстве дела идут на лад. Набравшись сил, он подумает о многих насущных проблемах. Как усмирить мятежных китайцев, чей бунт расползлся во все стороны империи, подобно пожару по степи. Как обуздать жадных, грубых и наглых иностранцев, наседающих на многострадальные южные провинции. Донесения поступали одно тревожнее другого, и Сяньфэн настолько опасался новых гонцов, что порой отказывался принимать их, а также выслушивать придворных советников.

Плохи дела в стране. Не лучше они и у самого императора. Болезни, терзавшие его тело, сильно досаждали молодому мужчине. С недавних пор к уже имевшимся недугам добавился самый тягостный, угнетающий Сына Неба более всех других неприятностей, посылаемых ему судьбой. Затея вдовствующей императрицы с выбором жены и наложниц оказалась тщетной. Новая супруга не могла родить ему наследника. И ни одна из многочисленных дворцовых девушек, очевидно, не была в силах разрешить эту ситуацию – прежде всего потому, что сил не стало у самого повелителя. Хотя он и старался следовать предписаниям трактата благородного Лю Цзина, искушенного мужа, открывшего наилучший способ поддержания здоровья мужчины.

«Следует взять молодую женщину с развившейся, но еще не сформировавшейся грудью. Она должна обладать прямыми и густыми волосами, маленькими и спокойными глазами. Кожа ее должна лосниться, а голос быть благозвучным. Ее кости должны быть тонкими, суставы не выпирающими. На лобке и подмышками не должно быть волос, но если они есть, то лишь тонкие, почти незаметные. Предпочтительнее воспользоваться неопытной. Мужчина всегда должен спать с молодыми девушками: благодаря этому его кожа станет нежной, как у девочки. Но выбранные для укрепления здоровья женщины не должны быть и слишком юными: будет хорошо, если им от пятнадцати до восемнадцати лет».

Регулярно паланкин Величайшего относили в самое прохладное место Запретного города, где под тихие звуки падающей воды и шелковых струн *гучжэна* проходили его свидания с прекрасными нежными девушками, каждая из которых всячески старалась вызвать в нем желание. Но ни роскошные прически, ни стройные юные тела, ни восхитительные лotosовые ножки, ни утонченные ласки не могли более возбудить пресыщенного и больного Сына Неба. Удрученный, вечером он возвращался в свой дворец, где его ожидала кроткая супруга, день ото дня принимавшая все более печальный вид.

Утрата мужской силы императора грозила катастрофой всему государству. Не будет наследника – начнутся интриги, возникнет грызня между кланами, да и среди китайцев с новой силой вспыхнут пересуды о скором падении династии.

Придворные лекари усиленно пичкали его сложными снадобьями и особой едой. В ход шли и павлиньи языки, приправленные сычуаньским перцем, и медвежьи лапы, перемешанные с человеческим последом, и приготовленные в сое бычьи половые органы... Но император оставался вял. Горе-врачевателей за неумение исцелять с позором изгоняли из Запретного города, перед этим хорошенько поколотив палками. Посещения Павильона воды Сын Неба не оставил, втайне надеясь на чудесное воскресение своей былой Драконьей страсти и силы. Сама мысль, что из-за немоги он стал походить на прислуживающих ему скопцов, подавляла. Всё чаще Сяньфэн, слывший ранее мягким правителем, срывал зло на придворных, сурово наказывая за малейший пустяк, а иногда и вовсе без повода. Порой истошные крики получавших свою порцию палок евнухов или чиновников не стихали возле Полуденных ворот до самого вечера...

...Минувшей зимой император еще мог начинать день с пары чашек горячего вина сразу после пробуждения, закусывая мясными пирожками. Это согревало, бодрило и придавало сил до полуденного сна. Но с приходом жары Сын Неба был не в силах проглотить ни куска до наступления темноты – и никакие возбуждающие аппетит настойки не помогали.

Лишь холодный чай, что подавали ему в постель, помогал освежиться и приготовить себя для утомительной утренней процедуры переодевания.

Сегодняшний ритуал омовения и облачения показался Сяньфэну особенно долгим и невыносимым. Троим слугам было назначено наказание, немедленно исполненное прямо за порогом спальни. Посвист плети и вопли провинившихся ненадолго взбудрили изнывавшего от жары Высокопочтимого правителя и его подданных.

Восемь евнухов подхватили резной паланкин императора, возложили шесты на плечи и привычно зашагали в направлении Горного кабинета, откуда шла короткая и ровная дорога к Павильону воды. Укрытый за желтыми занавесками повелитель не мог видеть, как к управляющему подбежал толстый Ань Дэхай и, обмахиваясь веером, отдал негромкое распоряжение, подтвердив его взмахом руки в сторону сада под названием Тень платанов. Указанный путь был длиннее, но лица управляющего и носильщиков остались невозмутимы. Споро развернувшись, евнухи засеменили по горячим плитам дорожки, унося своего повелителя от видневшейся над кронами деревьев крыши Горного кабинета.

Сяньфэн, слишком утомленный утренними сборами, не обратил никакого внимания ни на наружную суету вокруг своего паланкина, ни на большее время следования до вожденного Павильона. В голове его вяло, будто медузы у кромки берега, колыхались мысли о государственных делах.

Сводный брат правителя, энергичный и воинственный принц Гун, требовал предпринять немедленные меры – ударить разом и по заморским дьяволам, и по ненавистным тайпинам. Он заверял, что войска вполне способны на успешные действия, ведь разбить иноземцев в Гуанчжоу не составит труда. Пусть корабли англичан грозны, но на суше численный перевес на стороне императорской армии. А чтобы направить к берегам Поднебесной новые силы, белым варварам нужны время и средства. К тому же путь через множество морей изрядно истреplet их эскадры.

Сяньфэн не разделял боевого духа брата и склонялся к продолжению и без того затянутых переговоров, на которых из месяца в месяц применялась практика туманных обещаний, мнимых уступок или молчаливого игнорирования требований заморских наглецов. Иноземцы, будучи представителями молодой варварской культуры, стремились заполучить свое путем наскока и применения силы, и в этом с ними состязаться было бы опасно – технически белые дикари оказались развиты превосходно. Но душевным складом европейцы немногим превзошли малолетних детей – требовательные, жадные, своенравные и нетерпеливые, они явно терялись и запутывались в искусно сплетенной тактике переговоров, когда им сулили вожденные сокровища, на деле оказывавшиеся миражами. Впрочем, император понимал, что бесконечно так длиться не может, и получил тому подтверждение – англичане и французы, не оставляя в покое юг Китая, уже встали на рейде неподалеку от Тяньцзина. А ведь от этого портового города до Пекина – всего три дня пути.

Но если стремления заморских дьяволов были ясны – ими двигала заурядная алчность, и посулы еще большей выгоды сдерживали их воинственность, то мятежники-чанмао доставляли правящей династии куда больше беспокойства. Восставшие крестьяне, возглавляемые сумасшедшим фанатиком, бывшим сельским учителем, ненавидели маньчжуров столь яростно, что могли объединиться с иноземцами для свержения императора.

«Тем из вас, – гласило воззвание длинноволосого главаря, объявившего себя воплощением бога, которому поклонялись европейцы, – кто сумеет схватить и привести собаку Сяньфэна или отрубить и доставить его голову, и тем, кто сможет схватить и обезглавить всех маньчжурских варваров, будут дарованы большие чины».

Росказами про вселившегося в него бога неистовый мятежник Хун Сюцюань завораживал китайских простолюдинов и пытался заручиться поддержкой европейцев. Судя по донесениям, последнее у него выходило неплохо – армия тайпинов начала получать от

англичан ружья и даже пушки. Лазутчики, проникавшие в лагерь бунтовщиков, возвращались далеко не все. Многих бдительные и подозрительные мятежники сумели раскусить, но еще большее число посланных двором разведчиков неожиданно переметнулись на сторону восставших. А те, кто возвращался, рассказывали удивительные вещи – будто бы иноземное божество действительно благоволило к предводителю бунтовщиков, наделяя его энергией невероятной силы. Говорили, что даже лицо вожака преобразилось от наложенной на него печати злого заморского духа и глаза его стали столь страшны, что Хун Сюцюань вынужден носить очки с черными стеклами.

От невеселых дум императора отвлек странный мелодичный звук, едва различимо доносившийся снаружи. Поначалу Сяньфэн решил, что это привычный шум в ушах и льющаяся вода фонтанов создали иллюзию, превратившись в сладкоголосое женское пение. Но быстро понял, что такого быть не может – слишком искусным казался голос.

Император прислушался. Затем отодвинул занавеску и без слов указал в ту сторону, откуда доносились чарующие звуки. Управляющий отдал команду евнухам, и те направились к воротам сада под названием Тень платанов.

«Надо же, во дворце есть еще одно место, название которого соответствует сути», – удивился Сяньфэн, разглядывая уголок, в котором никогда не бывал ранее. Широкие листья действительно давали тень, закрывая солнечные лучи – те едва пробивались сквозь густые кроны, теряли свой яростный напор и рассеянным ажуром падали на дорожки и гладь пруда. По стенам построек плясала изумрудная и янтарная светотень. На многочисленных клумбах пестрели цветы, их аромат витал в прохладном воздухе и приятно щекотал ноздри.

Обитатели сада при виде свиты и паланкина, раскрашенного в желтый императорский цвет, упали на колени там, где их застало появление столь неожиданных гостей. Служанки и наложницы склонились до земли, однако песня продолжала звучать, как ни в чем ни бывало. Нежный голосок доносился из внутреннего двора одной из построек.

Жестом Сяньфэн приказал опустить паланкин. Ощувив неожиданный прилив сил и любопытства, словно вернулась рано утраченная молодость, император велел всем хранить молчание и крадучись отправился в дом. Там никого не было, обстановка оказалась довольно скромна, но зато жилище украшали рисунки и каллиграфия. Подойдя к одному из окон, Сяньфэн прочитал стихи о цветах и обратил внимание на подпись: не лишенными изящества мазками автор вывел свое имя – «Маленькая Орхидея».

Следуя за так взволновавшим его чудесным пением, император подошел к дверям, выходящим на задний дворик, и замер.

Спиной к нему, возле колодезной ограды из серого камня, прячась в тени сливовых деревьев, стояла девушка в красном халате. Угольно-черные волосы были собраны над изящной шеей, а в руке колыбался веер из белоснежных перьев – им певица плавно обмахивалась, покачиваясь и изгибаясь в такт мелодии.

Восхищенный Сяньфэн хотел было кашлянуть, чтобы она обернулась, – так ему захотелось увидеть ее лицо, но тут зазвучала новая песня. Император осторожно вышел на крыльцо, оперся о резные перила и принялся вслушиваться в слова. В куплете, искусно выводимом незнакомкой, в каждой строке менялись лишь один или два иероглифа, придавая произведению многозначительное наполнение.

Осенний месяц висит в пустоте, звучит мелодия флейты.

Месяц в пустоте словно играет, звуки флейты чисты.

В висящей пустоте играет флейта мелодию чистой обиды.

В пустоте звучит мелодия флейты, рождается чистая обида.

Заканчивая куплет, девушка грациозно изогнулась и плавно протянула к ветвям тонкую руку. Не успел Сяньфэн восхититься вслух прекрасным исполнением, как снова

поразился – на ладонь певицы опустились две пичуги.

– Это удивительно! – не удержавшись, воскликнул император. – Ничего подобного я не слышал и не видел ранее!

Девушка вздрогнула и обернулась. Птички с писком сорвались с ее ладони и упорхнули, спрятавшись в кроне дерева. Сама певица упала на колени и, склонив голову, представилась:

– Недостойная наложница Орхидея, урожденная Ехэнара!

Сяньфэн, досадуя, что лица девушки опять не видно, велел ей поднять голову. Наложница повиновалась. Не смея встречаться взглядом с Десятитысячелетним господином, она смотрела на его колени, пряча глаза за густыми длинными ресницами.

Пораженный красотой Орхидеи и впечатленный искусством ее пения, император восторженно разглядывал ее, позабыв про все неприятности, что одолевали его совсем недавно.

– Посмотри на меня, – попросил он, удивляясь тому, как звучит его голос – ласково и робко, словно боясь отказа.

Новое потрясение ожидало его, когда наложница подняла взгляд и глаза ее ярко полыхнули разноцветным огнем.

– Да кто же ты такая?! – ошеломленно спросил Сяньфэн.

Девушка повторно представилась, но император покачал головой, перебив ее:

– Эти слова ни о чем не говорят мне. Разве что могу сделать вывод, что твой голос одинаково сладок при пении и в речах. Но все остальное – необъяснимо! Видит Небо, такой волнующей свежести и такого взгляда мне встречать не приходилось! До сегодняшнего дня я полагал, что среди маньчжурок давно перевелась настоящая красота, но теперь вижу, что ошибался!

Наложница склонилась в благодарности.

– Я хочу отдохнуть и побеседовать с тобой, – сказал Сяньфэн и, сделав знак Орхидее, вошел обратно в дом.

Девушка торопливо поднялась, легко избежала по ступенькам и последовала за императором.

...Сяньфэн с интересом осматривался, сидя на кровати в комнате Орхидеи. Тут тоже повсюду висели ее рисунки и каллиграфические упражнения. От взгляда императора не ускользнула и плотная бумага с иероглифом «долголетие», выполненным в виде переплетающихся золотых драконов и пурпурных орхидей.

Наложница, почтительно склонив голову, стояла перед своим господином с нефритовым кубком в вытянутых руках. Полубовавшись ее тонкими, словно вылепленными из белого фарфора пальцами, Сяньфэн принял угощение, сделав несколько глотков прохладного чая.

– Ты можешь всегда смотреть на меня, – сказал он, возвращая тонкостенный сосуд девушке. – Такие удивительные глаза нельзя прятать. Почему же мне раньше ничего не было известно о тебе?..

Изображая волнение, Орхидея заставила пальцы дрожать, и неожиданно кубок выскользнул из них. Упав на каменный пол, он со звонким треском разбился, брызнув крошечкой во все стороны. Девушка тихонько вскрикнула, затем прикрыла рот и с испугом посмотрела на императора.

Тот засмеялся и похлопал узкой ладонью по атласному покрывалу:

– Садись рядом, не бойся. К тому же на полу теперь полно осколков, ты можешь пораниться.

– Надо позвать прислугу, чтобы убрали... – нерешительно прошептала девушка,

повинуясь, однако, приглашению господина.

Скинув расшитые туфли, она взобралась на кровать и поджала ноги так, чтобы халат слегка распахнулся и Сяньфэну открылись ее зеленые штаны и белые чулки, а также краешек нижней рубашки, выглядывающий на груди.

Как она и рассчитывала, император с живым интересом все заметил. Сделав вид, что допущенная оплошность крайне смутила ее, Орхидея попыталась поправить одежду, но Сяньфэн быстро протянул к ней руку и остановил.

– Сегодня такой жаркий день, – произнес он ласковым голосом. – Не будет ли разумнее скинуть лишнее? К тому же мы остались без прохладительного питья...

Девушка на миг замерла, словно в испуге и нерешительности.

– Прикажете позвать служанок, – попросила она императора.

Но тот вновь рассмеялся и покачал головой:

– Нет, лучше мы позовем управляющего!

Одного его слабого хлопка было достаточно, чтобы в спальне мигом оказался евнух из свиты – тот самый, с вытянутым лицом, что в первый день появления Орхидеи во дворце ходил по пятам за Ань Дэхаем и записывал в тетрадь его указания.

– Отправь гонца в Павильон воды, чтобы сегодня меня там не ждали. Пусть все делают, что хотят, а я остаюсь в Тени платанов до заката.

Отлично поняв своего господина, слуга поднялся с колен, поклонился и вышел, притворив дверь.

– Ну вот, теперь мы одни, – поглаживая руку девушки, сказал Сяньфэн. – Ну и беспорядок же тут у тебя! – с шутливой укоризной добавил он.

Орхидея встрепенулась, порываясь вскочить и прибрать осколки и разлитые остатки чая, но император притянул ее к себе.

– Какие необычные у тебя глаза... – проговорил он, обняв наложницу и всматриваясь в ее лицо. – У жителей Поднебесной страны разве бывают подобные?... Только у варваров-иноземцев, но и у них обычно глаза одноцветны. Как же тебя, маньчжурку, угораздило заполучить такое чудо?

– Они стали такими в ночь, когда я ожидала вызова во дворец. Мама убеждена, что это от сильных переживаний...

Орхидея, в свою очередь, разглядывая Сяньфэна, про себя отметила – ласковые темные очи императора были подернуты туманом недуга.

– Впрочем, если господину не по нраву моя внешность, прикажите разжаловать меня в служанки, – продолжила Орхидея, словно не замечая, что ласки Сяньфэна становились все более настойчивыми и одна из его ладоней уже скользнула под ее халат.

Император отрицательно покачал головой. Необычный облик этой наложницы напротив, казался ему весьма привлекательным. К тому же она не была так робка, как его супруга Цыань.

Орхидея помогла Сяньфэну освободиться от одежды – свою она скинула первой – и прижалась к болезненно-худому телу Десятитысячелетнего господина...

...Сын Неба в приятной истоме лежал рядом с девушкой, сумевшей пробудить в нем мужскую силу, и любовался ее телом. В ушах еще стоял ее страстный шепот, еще слышался выдох боли, которым она огласила стены спальни...

Восхищенный взгляд императора отмечал очаровательную форму маленького подбородка наложницы, ее красивую грудь, плоский живот, белые соблазнительные бедра, узкие ступни и даже блестящий лак на ноготках крохотных пальцев ног. Глаза наложницы были сомкнуты – ресницы едва заметно вздрагивали, губы были приоткрыты. Дыхание ее успокаивалось. Казалось, осчастливленная Сыном Неба, она вот-вот заснет.

Орхидея, лежа возле правителя Поднебесной, мастерски разыгрывала любовную негу – какой она должна быть, ей удалось познать с помощью тайных уроков приставленного к ней евнуха. Тот оказался усердным слугой. Именно благодаря ему Орхидее открылись и названия трав, вызывающих бесплодие женщины, – в обширном дворцовом хранилище рукописей и книг, куда Ли Ляньин имел доступ, имелось немало трудов по снадобьям. Ему же было поручено раздобыть наиболее сильные и редкие составляющие, а остальное, под видом отдушек, было приказано купить в аптекарских лавках служанкам. Изготовить благовонные палочки и ароматные масла, насыщенные приобретенным зельем, оказалось задачей нелегкой, но Орхидея справилась и с этим. Вот уже несколько месяцев в спальне ее величества курится приятный ноздрям и губительный для женского чрева дымок, а через кожу проникает добавочная порция яда. Неоценимой оказалась и помощь Ли Ляньина в подкупе Ань Дэхая. Всесильный главный евнух, богатства которого, по слухам, были несметны, обладал болезненной жадностью. Частенько приговаривая: «Капельки собираются в реку!» – толстяк не брезговал и мелкими взятками, а уж от щедрого подношения, собранного из многомесячного жалования наложницы, и вовсе не думал отказываться.

План удался – императора, по указанию Ань Дэхая, понесли новой дорогой, мимо Тени платанов, где Орхидея тщательно отыграла перед ним спектакль «Девушка поет в саду». Не подвели и прирученные птицы. Все пока складывалось самым удачным образом – немощный, болезненный Сын Неба воспылал настоящей страстью к новой наложнице. Сколько продлится его увлечение, предположить было трудно – слишком истощен и пресыщен Десятитысячелетний правитель. В том, что ему не суждено прожить и десяти лет, Орхидея почти не сомневалась... Но и этого срока ей хватит с лихвой. А если император отвернется от нее и обратит свой взор на других наложниц – она будет действовать решительно и беспощадно. Силу и власть – а их она рассчитывала заполучить в самое ближайшее время – рассчитать сумеет.

Лишь одно вызвало бы у Орхидеи беспокойство, не защищай ее сердце ледяной Крокодил. И хотя душа ее была по-прежнему спокойна, но ум лихорадочно просчитывал варианты. Вот-вот к императору должен был явиться главноуправляющий евнух – наложница не сомневалась, что он давно переминается за дверью. От того, что скажет мужчина, лежащий сейчас рядом с ней, зависела ее судьба.

Словно подтверждая догадку девушки, из-за двери раздался громкий выкрик:
– Время пришло!

Однако Сяньфэн никак не отреагировал на этот вопль, а продолжал блаженно улыбаться и разглядывать наложницу.

Лишь когда возглас повторился второй, а затем и третий раз, император хлопнул в ладоши. Главноуправляющий евнух тотчас появился в спальне и снова встал на колени перед их ложем.

– Оставить или нет? – спросил он, склонив голову.

Из рассказов Ли Ляньина Орхидея знала, что в случае ответа «нет!» из нее изгонят «драконово семя», что сейчас пребывало внутри нее – особым нажатием на живот.

Ни на миг не колеблясь, Сяньфэн, улыбаясь, кивнул:

– Оставить.

Привыкнув после подобного ответа заворачивать наложницу в покрывало, забирать из императорской спальни и относить в закрепленные за ней покои, а затем записывать в тетради: «В такой-то месяц, такого-то числа и такой-то час император осчастливил наложницу такую-то», евнух растерялся.

Сяньфэн, видя его затруднение, добродушно помахал ему рукой, приказывая удалиться.

Сам он, вместе с Орхидеей, вышел из ее дома лишь к закатному часу. Лицо его светилось от удовольствия, глаза сияли, на губах играла улыбка. Евнухи из свиты, весьма

обрадованные увиденным, подали своему господину паланкин. Император взошел на сиденье, бросил взгляд на стоявшую неподалеку на коленях Орхидею и кивнул ей на прощание. Лицо его скрылось за желтым пологом, паланкин взмыл на плечи носильщиков и в сумеречном воздухе поплыл к выходу из сада.

Едва ворота затворились, как к Орхидее, все еще в задумчивости стоявшей на коленях, бросились служанки, наложницы и несколько оставшихся в Тени платанов евнухов, среди которых был и Ляньин. Все принялись горячо поздравлять девушку, снискавшую такое внимание властелина.

Орхидея заметила, что усердия и почтительности со стороны прислуги по отношению к ней стало значительно больше. Даже наложницы выказывали ей уважение и восхищение, впрочем, не столь искреннее, каким пытались представить.

Сияющий от гордости за подопечную Ли Ляньин склонился к ее уху и прошептал:

– Если чутье не обманывает меня, госпожа, будьте готовы в самое ближайшее время к вызову. Я распоряжусь приготовить для вас ванную и умщения.

Молодой евнух не ошибся.

В тот же вечер в сад явился посланник из Палаты важных дел и провозгласил, что драгоценного человека Орхидею ожидают в императорских покоях.

ГЛАВА 11

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Осень выдалась поздняя и погожая.

Днем над городом все еще пылало жаром солнце – не так яростно, как пару месяцев назад, но достаточно, чтобы нагревать стены и кровли жилищ. Торговцы углем сучали в своих лавках и подсчитывали убытки. Но с заходом светила, когда небо, отыграв закатными сполохами, стремительно набирало черной густоты, сквозь которую прорывалось алмазное сияние звезд, воздух заметно остывал. Все явнее ощущалось дыхание зимы – пока еще не близкой, но уже идущей в Поднебесную с севера, из приграничных земель косматых и бородатых варваров.

Принцы и министры прибыли к воротам Запретного города задолго до рассвета. Покинув коляски и паланкины, они поеживались от ночной прохлады и терпеливо ожидали часа, когда стража распахнет мощные окованные створы и под гулкий протяжный звук медной трубы им будет дозволено войти. Тем временем в нижнем дворе уже зажигались фонари. Десятки евнухов молчаливыми тенями сновали по террасе Дворца аудиенций, проверяли фитили светильников, обмахивали метелками ступени и плиты, чтобы ни один случайно упавший лист не посмел нарушить идеальной чистоты и строгого порядка.

Вельможи, чинно стоявшие на широкой площади возле ворот, негромко переговаривались. В руках многих виднелись свернутые прошения, приготовленные для передачи императору.

Наконец прозвучал сигнал. Лица ожидавших исполнились значительностью момента. Вмиг умолкли разговоры, и министры с принцами выстроились группами, каждая под своим знаменем. Ворота дрогнули и словно поплыли в предутреннем сером свете. Под массивным кирпичным сводом заплясали тени – стража освещала путь факелами. Очередность прохода в Запретный город, как и место, занимаемое в Зале аудиенций, определялась знатностью клана и заслугами его отдельных представителей.

Вскоре все опустились на колени перед пустующим пока тронном Дракона. Во дворце воцарилась напряженная тишина, не стало слышно ни осторожных покашливаний престарелой знати, ни отрывистого перешептывания евнухов. Все замерло, как цепенеет

живая природа перед скорым небесным явлением – бурей или затмением.

Фонари в виде слонов, держащих хоботами факелы, заполняли зал неровным, мерцающим светом, заставляя беспокойно трепетать тени неподвижных людей.

Благоговейное безмолвие нарушил рев медной трубы. Лица присутствующих, и без того застывшие в почтении, казалось, окаменели вовсе от чрезвычайной важности грядущего события. Сигнал глашатая извещал всех собравшихся: император покинул дворец, в котором провел эту ночь, и его паланкин направляется в Зал аудиенций.

За неподвижными лицами-масками прибывших во дворец сановников таилась радость – наконец-то Сын Неба обратился к государственным делам! Почти все лето трон Дракона пустовал – император проводил все без остатка время с пленившей его разум и душу наложницей и наотрез отказывался от любых официальных приемов. Между тем, безотлагательных дел скопилось за эти долгие недели немало, и среди приближенных ко двору зрела паника. Но даже принц Гун не смог повлиять на своего сводного брата. Сяньфэн, казалось, с головой погрузился в блаженство и удовольствия, не расставаясь с разноглазой маньчжуркой ни ночью, ни даже днем, – поведение для того, кто почитался как Сын Неба, немыслимое!

Императрица Цыань, поначалу благосклонно смотревшая на увлечение супруга, к концу лета стала выказывать беспокойство, старательно поддерживаемое одним из влиятельнейших людей дворца – родственником императора и начальником Управления царствующей семьи хитрым и мстительным Су Шунем. Этот человек, выделявшийся среди дородных чиновников сухопаростью и хищными, ястребиными чертами лица, знал когда-то отца Орхидеи и не раз чинил ему препятствия по службе, после того как тот не угодил ему с подарком на одном из праздников. Мастерски владея искусством интриг и имея доступ к императорской семье, Су Шунь проводил с Цыань беседу за беседой, повышая накал тревоги. В конце концов одним ранним утром императрица уселась в паланкин и приказала доставить ее в тот самый сад Теней платанов. Прибыв туда, она потребовала указать ей на дом, где проживала нынешняя фаворитка. Встав перед входом на колени и положив себе на голову свитки с заветами предков по управлению государством, она принялась наизусть громко зачитывать их. Разбуженный Сяньфэн с испугом вскочил с кровати и растерянно взглянул на Орхидею. Та, не колеблясь, посоветовала ему выйти к жене. Сяньфэн поспешил наружу, встал на колени рядом с супругой и начал уговаривать ее замолчать, обещая к полудню вернуться во дворец. Сдержав слово, император до самого вечера терпеливо принимал докладчиков, хотя мысли его витали совсем в другой стороне, и тело просило новых порций любовной ласки и опьяняющего удовольствия. Орхидея сумела поразить воображение Сяньфэна множеством талантов, среди которых оказалось умение готовить шарики опиума, раскуривать трубку и выпускать из прелестных губ легкие облачка дыма занятных форм – то вверх устремлялась маленькая рыбка, то мимо лица Сяньфэна проплывала черепаха или пролетала птичка. Наркотик, к которому ранее Сын Неба прибегал в лечебных целях, пытаясь унять боли от физических недугов, стал приносить и душевное облегчение. Часами император лежал в полнейшем расслаблении, ум его был чист и пуст, а душа словно отлетала вместе с призрачным дымком к разукрашенному потолку спальни и парила там среди пятипалых драконов и небесных светил. Иной раз случалось и такое, что, уступив настойчивым требованиям принца Гуна, Сяньфэн позволял явиться брату или его подчиненным на доклад. Считая лишним даже сесть, он лежал на кровати с отрешенной улыбкой, не вникая в суть произносимых ими слов, и благосклонно кивал, когда наложница спрашивала разрешения ответить за него. После таких «приемов» принц возвращался, красный от переполнявшего его негодования, а более выдержанный Су Шунь, сохраняя внешнее спокойствие, шелестел ядовитым шепотом в ухо императрицы – разноглазая девка из самой низкой категории позволяет себе вершить государственные дела, одурманивая правителя...

В свой первый день восседания на троне после летнего перерыва, едва дождавшись окончания аудиенции, Сяньфэн с облегчением собрался было оставить зал, как вдруг заметил у дверей распростертого на полу молодого евнуха, пребывавшего в крайнем смятении. Зная, что это не кто иной, как личный слуга Орхидеи, император встревожился и спросил, в чем дело. Ли Ляньин доложил, что, как только повелитель покинул Тень платанов, за его наложницей явились слуги императрицы, чтобы доставить ее во Дворец земного спокойствия. Вопреки своему умиротворяющему названию, место это имело недобрую репутацию – именно в нем проводились допросы и пытки провинившихся.

Не успел Сяньфэн принять решение, что делать дальше, как Ли Ляньин, по-прежнему уткнувшись лицом в пол, спросил: «Обратил ли внимание Десятитысячелетний господин, что вот уже третий месяц у драгоценного человека Ехэнара не было *малиновых гостей*?»

От услышанного у императора закружилась голова.

Сяньфэн, жена которого так и не смогла забеременеть, приказал евнуху подняться. Ошеломленно взглянув на слугу, император только и произнес: «Значит ли это?..»

Получив утвердительный ответ, Сын Неба, не снимая официального наряда и не дожидаясь подачи паланкина, бросился во Дворец земного спокойствия.

Картина, которую он, бледный и запыхавшийся, застал там, едва не лишила его чувств.

Орхидея, в разорванной одежде и с растрепанной прической, стояла на коленях перед императрицей, чей облик источал гнев столь яростный, что служанки, державшие наготове бамбуковые палки, тряслись от страха и едва не роняли инструменты для наказания провинившейся. Было видно, что порцию пощечин и таскания за волосы Орхидея уже получила. Но теперь ее ожидала настоящая расправа, которую не всякому дано пережить.

«У-у, подлая лисица! – возмущенно бросала императрица в лицо наложницы ругательства. – Мало того что ты непонятными чарами удерживаешь правителя возле себя, так еще посмела давать ему советы! А то и вовсе сама решать начала! Даже я, его жена, не позволяю себе такого!»

Но больше всего Цыань злилась от смутной догадки, что по неизвестной причине та, что смиренно застыла перед ней на коленях, совсем не боится ее, хотя и пытается не выказать своего спокойствия. Колдовские глаза выдавали наложницу – как ни старалась та изобразить дрожь и благоговейный ужас, взгляд ее оставался пуст и холоден, словно у рептилии.

«Посмотрим, как ты запоешь сейчас!» – зловеще произнесла императрица и усмехнулась получившейся игре слов. Ей давно донесли, что разноглазая ловко завлекла ее супруга именно пением. Обернувшись к служанкам, Цыань взмахнула платком, угол которого сжимала в кулаке. Те, переглянувшись, взяли за палки поудобнее и обступили Орхидею.

Сяньфэн подбежал к супруге и схватил ее за рукав. «Нельзя бить этого человека! – закричал он, умоляюще глядя на рассвирепевшую Цыань. И прежде чем та успела разразиться негодующей тирадой, добавил высоким от напряжения голосом: – Она беременна!»

Императрица осеклась. Побледнев, она бросилась к наложнице и подняла ее на ноги. Орхидея, поблагодарив за милосердие, снова опустилась, всем видом выражая смирение.

Несчастная Цыань, готовая разрыдаться, обратилась к мужу. «Почему же мне никто не сообщил об этом? Если в ее чреве наследник, то я могла совершить несмыслимый грех перед предками, убив, пусть и по неведению, столь драгоценную ношу!»

Орхидею немедленно была дарована новая одежда, поднесены дорогие украшения и вручена значительная сумма денег. Страдавшая бесплодием императрица заглаживала вину, как могла. Впрочем, наложница-фаворитка проявила по отношению к жене своего господина столь ласковые и кроткие чувства, что мигом растопила остатки неприязни, и между двумя девушками вскоре завязалась теплая дружба. И Цыань, и даже принц Гун заметили здравость рассуждений и ясность ума Орхидеи и уже не считали зазорным выслушать ее

мнение, а императрица и вовсе стала часто обращаться за женскими советами – как ухаживать за кожей лица, как сохранять упругость тела, как придать волосам блеск... Лишь злопамятный Су Шунь, на дух не переносивший наложницу, продолжал убеждать правителя и его супругу, что в лице разноглазой лисицы двору грозят неприятности и опасность, но от его слов отмахивались, зная его тяжелый и склочный характер...

...Покончив к полудню с приемом сановников, Сяньфэн, утомленный бременем государственных дел, поспешил в Тень платанов, единственное место в Запретном городе, где он чувствовал себя счастливым. Ведь там ждала его та, кто способна родить наследника. Та, которая разбудила в нем мужчину. Та, с которой можно было, не таясь, беседовать о том, что тревожило душу.

Приняв из рук Орхидеи очередную трубку, император сделал затяжку и улегся поудобнее на кровати. Желанная пустота не приходила. Так сильно была загружена голова, что вместо приятного расслабления в ней роились мысли – короткие, мрачные, торопливые, словно стая летучих мышей металась под каменным сводом.

– Вот-вот будет новая война... – пожаловался Сяньфэн. – Конечно, мы ее проиграем, как и предыдущую. В этом никакого сомнения, во всяком случае, у меня. Не представляю, откуда брат Гун черпает уверенность в грядущей победе...

Орхидея задумалась.

– Иноземцы полагают, что наша страна подобна поверженному слону, делающему последние вздохи, – наконец отозвалась она. – Принц Гун считает, что Поднебесная похожа на раненого и рассерженного льва, готового к решительному броску. Ошибаются и те и другие.

– Продолжай, – заинтересованно произнес император, приподнявшись на локте.

Наложница принялась готовить новую трубку. Аккуратно присаживая темный и вязкий шарик на прокопченную чашечку, девушка вскинула бровь и ответила:

– Война, которую развязали против нас торговцы этим зельем, была необходима и нам. Вернее, ее исход был очень важен для Китая. Ведь мы извлекли горький урок из поражения, поняв, что нельзя недооценивать заморских дьяволов.

Сяньфэн усмехнулся, слабыми пальцами поглаживая мундштук из слоновой кости.

– «Нет большей беды, чем недооценивать противника», – утомленно процитировал он мудреца Лао Цзы, наблюдая за тем, как Орхидея управляет с огоньком лампы, регулируя его. – Наша беда была в том, что белых людей мы посчитали ниже себя. Так оно и есть, конечно, длинноносые нам не ровня. Но мы не можем противостоять их грубой силе, их дьявольским машинам. Их изобретения дают им неоспоримое преимущество, и все может закончиться плачевно – варвары способны разбить нас и установить господство над всей Поднебесной. Об этом не знали древние мудрецы.

Услышав полные обреченности слова, Орхидея помрачнела и задумалась.

– Есть ли у нас шансы предотвратить эту беду?... – спросила она.

Сяньфэн покачал головой. Припав губами к кончику мундштука, вдохнул в себя матовый дурман.

– Скорее, мы накликаем на себя новую. Увы, мы уступаем им в силе, а они требуют открывать для торговли все новые порты. Наш отказ вызывает у них ярость. Так и полагается вести себя варварам – ведь из-под носа грозят убрать лакомый кусок. Когда еще правил мой отец, они обстреляли с кораблей прибрежные крепости и даже простые поселения в устье Жемчужной реки. Силой и угрозами отняли земли. И они не остановятся, ведь их слетается все больше. Те, кто уподобляет нашу империю издыхающему слону, ближе к истине, чем мы

думаем. И белые стервятники тому подтверждение...

Прелестное лицо Орхидеи вновь омрачилось.

– В чем сила иноземцев, я понимаю. А в чем наша слабость? – обратилась она к императору.

Сяньфэн ответил не сразу. На некоторое время в спальне повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огонька в лампе. Наконец, негромко кашлянув, Сын Неба сказал:

– В том, что мы привыкли действовать по заветам китайских мудрецов. Но те жили в давние времена. Они представить не могли, что дикие западные племена неожиданно совершат такой скачок в развитии. Ведь Китай считался единственной страной в подлунном мире, о других народах представления были либо смутные, либо неверные. А теперь, когда мы столкнулись с нашествием иноземцев, нам приходится перетряхивать устои. Мы видим, как культура и разум уступают натиску грубой силы и безудержной алчности. Но мы не знаем, как противостоять этому.

– С заморскими дьяволами нужно сражаться их же методами! – воскликнула Орхидея. – Следует перенять их мастерство и вооружиться, подобно им!

Сяньфэн горестно усмехнулся:

– Это невозможно. Как только мы вооружим китайцев, мы сразу же будем свергнуты. Ведь для них маньчжуры такие же враги, как и англичане. И пусть наши предки пришли сюда два столетия назад, но мы в глазах местных до сих пор ненавистные захватчики... Сделай мне еще трубку и ложись рядом. Только сама не кури – ведь в тебе мой ребенок. Молю Небо, чтобы ты разрешилась мальчиком... Наследник необходим... маньчжурский трон... династия... опасность...

Речь императора становилась все более бессвязной, голова его откинулась на красную атласную подушку, глаза закрылись, а рот безвольно раззявился...

Орхидея получила время побыть наедине с собой и обдумать дальнейшие планы.

О том, что чрево ее пусто, знала лишь она, да Ли Ляньин, который и выдумал историю с беременностью, чтобы спасти хозяйку от расправы. Пока срок был заявлен небольшой, особых проблем не возникало – Орхидея исправно пила приготовляемое евнухом снадобье, от которого прекратились женские ежемесячные хлопоты. Но через месяц-другой забот прибавится. Необходимо будет подкупить придворных врачей. Но самое главное, когда подойдет время «родов», нужно раздобыть младенца мужского пола... Нет, это все слишком рискованно. Обман может легко раскрыться, самая уязвимая часть – это фальшивый живот, который придется постоянно увеличивать... Нужен иной выход.

Мысли ее были неожиданно прерваны знакомой мелодией.

Орхидея прислушалась.

Кто-то старательно распевал неподалеку от дома сценку из популярного спектакля «Излучина реки». Наложница медленно поднялась с кровати и босиком проследовала к задней двери. Осторожно приоткрыв ее, посмотрела в щель и увидела на берегу пруда свою бывшую соседку. С тех пор как император принялся навещать фаворитку в саду Тени Платанов, Ласточку сразу отселили к двум девушкам на другой берег пруда. Орхидея уже и забыла о существовании плаксивой китайки, но та сама напомнила о себе. Тщательно выводя куплеты и покачиваясь в такт пению, девушка явно рассчитывала привлечь внимание императора своим искусством.

Орхидея вспомнила, как не раз с отцом исполняла эту сценку перед матерью и младшими детьми. Перед глазами возникли родные лица – улыбки, блеск глаз... До мельчайших деталей представился интерьер гостиной, и даже стал будто слышен шелест листвы многолетних деревьев в их роскошном саду...

Девушка непроизвольно поднесла руку к груди и прижала спрятанный под одеждой

талисман покрепче к телу. Если бы не забота Крокодила, быть может, сердце разорвалось бы от тоски...

– Кто же там такой старательный и мелодичный? – неожиданно раздался слабый голос Сяньфэна за ее спиной. – До твоего мастерства этому голосу далеко, конечно. Но усердие всегда похвально. Позови певицу сюда, я хочу взглянуть на нее.

Орхидея поспешно вернулась к кровати и села на ее краешек, взяв императора за руку.

– Уже близок час заката, ваше величество!.. – огорченно произнесла она. – Как бы я желала, чтобы вы остались со мной до утра... Но негоже лишний раз давать вашим сановникам основания для их глупых утверждений, будто я ворожкой отвлекаю вас от государственных дел и от супруги. Стоит пойти такой молве снова, и как тогда я предстану перед императрицей, какими глазами посмотрю на нее?

– Разноцветными... – вяло улыбнулся Сяньфэн. – Колдовскими, как уверяют министры...

Дымка опиумного дурмана еще колыхалась в его взгляде. Однако он послушно приподнял голову с подушки и указал на свой халат.

Орхидея почтительно подала господину одежду. Помогая ему облачиться, она ласково, но настойчиво продолжала:

– Вам необходимо покинуть Тень платанов до наступления темноты. Ведь ваша супруга ждет вас. А каких-то певичек или даже просто птичек в нашем саду вы сможете послушать в любое время, когда важные дела не требуют вашего участия.

Сяньфэн неохотно кивал, вникая доводам своей фаворитки.

– Пожалуй, в твоих словах есть здравый смысл, – рассеянно сказал он. – На некоторое время мне придется прекратить визиты...

Увидев, что лицо наложницы приняло встревоженное выражение, император поспешил успокоить любимицу:

– Это никак не связано с тобой. Разных дел действительно скопилось много. Но будь готова к вызову. Ведь пока твой живот не вырос, у нас есть время...

Сяньфэн с нежностью посмотрел на Орхидею, ласково провел ладонью по ее стану и вызвал главноуправляющего евнуха, приказав тому привести пару слуг. Император чувствовал себя слишком утомленным, чтобы самостоятельно добраться до ожидавшего его паланкина.

Едва Сын Неба отбыл, как и пение в саду тут же смолкло.

Орхидея ощутила себя не менее уставшей, чем покинувший ее спальню Десятитысячелетний господин. Изображение пылкой страсти, приготовление трубок, разговоры о государственных делах – это было уже привычно и не слишком трудно, но появление новых проблем серьезно осложняло положение. Одна лишь задача достоверно разыгрывать роль беременной отнимала много сил. Она давно уже поняла, что зачать от Сяньфэна не удастся – семя Дракона было пустым. Орхидея сначала даже предположила, что надышалась парами во время изготовления «благовоний» для императрицы и сама обрела бесплодность, но Ли Ляньин заверил, что такого быть не может...

А тут еще новая напасть – эта навязчивая китайка Ласточка, похоже, не так проста, какой поначалу казалась. Правильно посчитав, что довольно скоро интимные встречи императора и Орхидеи прекратятся, она решила попытать счастья и занять освобождающееся место.

Поразмыслив, наложница хлопнула в ладоши, и тот час на ее зов явился верный Ли Ляньин.

– У госпожи был нелегкий день? – скорее утвердительно заявил, чем спросил сообразительный евнух. – Легкий массаж способен вернуть в тело бодрость. Не желаете ли?

Орхидея, сидя на краешке кровати, молча кивнула и откинулась на постели, опираясь

на локти. Ее вытянутые босые ноги покоились на полу. Евнух встал перед ней на колени и осторожно взял в руки прохладную ступню Мягкими нажимами прошелся по внешнему краю, аккуратно, но настойчиво поглаживая, придавливая, прощупывая каждую косточку. Разглядывая, как Ли Ляньин выполняет массаж, Орхидея принялась шевелить пальчиками ног – сгибала и разгибала, разводила, словно крохотный веер, и крепко сжимала, стремясь ухватить пальцы слуги. Тот невозмутимо продолжал свою работу, но от внимательного взора наложницы не утаились мимолетное движение его губ и взгляд. Ли Ляньин сдерживал улыбку, считая игривость хозяйки высшим проявлением ее расположения. Вместе с увесистым мешочком серебра, полученного им от Орхидеи на днях, благосклонность ее была воистину бесценной. Из глаз евнуха лучились обожание и собачья преданность.

– Скажи мне, могут ли такое проделывать китайки? – Орхидея выдернула ступню из рук слуги и повертела перед его носом, растопыривая миниатюрные пальчики. – И правда ли, что они считают нас, маньчжурок, большеногими образами?

– Ваши стопы прекрасны, почтенная, – склонив голову, ответил Ли Ляньин. – Главное их достоинство в том, что вы можете явить их мужчине обнаженными. Китайки лишены такой свободы, как вы знаете. Даже в любовной игре их ноги должны быть прикрыты чулками. Мужчинам не рекомендуется видеть такие стопы без бинтов... И конечно, о свободе движений такой женщины речи быть не может.

– Что случится, если их ноги лишатся покровов? – заинтересованно спросила Орхидея. Ли Ляньин пожал плечами:

– В спальне это может произойти, только если между мужчиной и женщиной существуют глубокие отношения. Если мужчина настаивает на праве взглянуть на неприкрытые тканью и обувью ножки, а дама ему уступает и показывает, это означает, что степень их близости невероятно высока. Ходить же без повязок не только крайне трудно, но и мучительно больно.

Евнух снова завладел ногой госпожи и скручивающими движениями принялся разминать, внимательно наблюдая за реакцией, чтобы не причинить боли. Но лицо Орхидеи оставалось бесстрастным.

– Завтра вы будете нужны мне для важного дела, – проронила она и вытянула вторую ногу. – Вам понадобится помощь пары человек. Захватите с собой тех, кому доверяете. И пусть они принесут моток прочной веревки, а также несколько крепких бамбуковых палок.

Ли Ляньин очередным поклоном выразил послушание.

...Раннее утро, солнечное и прохладное, полное запахов осенних цветов, ударило в окно, едва Орхидея открыла его. Поежившись и вдохнув полной грудью бодрящей свежести, наложница позволила служанкам себя умыться, одеть и причесать. Облаченная в пурпурный халат и расшитую жемчугом красную безрукавку, она с аппетитом позавтракала. По заведенному ей правилу, каждый день подавались новые блюда, и ни одно не должно было повторяться в течение месяца.

Закусив приготовленными на пару пирожками, императорская фаворитка пожелала провести чаепитие на воздухе и приказала вынести кресло со столиком к берегу пруда.

Прислуге пришлось открыть обе створки дверей, чтобы исполнить повеление. Орхидея бросила взгляд в проем и заметила стоявшего неподалеку от крыльца Ли Ляньина в сопровождении двух молодых евнухов. За спиной одного из них висела холщовая торба, из горловины которой торчало несколько палок разной толщины.

Оглядев в зеркало свою сложную высокую прическу – Сын Неба называл ее «облако волос», – Орхидея осталась недовольна нефритовой заколкой в виде бабочки.

– Посмотрите сами, – вежливо обратилась она к одной из служанок. – Она слишком зеленая, этот цвет совершенно не подходит к сегодняшней одежде. Безобразное сочетание.

Принесите что-нибудь другое!

Переведя взгляд на другую девушку, Орхидея дружелюбно улыбнулась и попросила:

– Прошу вас отправиться к дому сестрицы Ласточки и передать от меня приглашение на чай.

Еще около получаса любимая наложница императора придирчиво выбирала заколку, то и дело посылая за новой коробочкой – их на полках в ее комнате скопилось уже немало. Во время примерок она время от времени бросала взгляд во двор. Через распахнутые створки ажурных ворот виднелся краешек пруда, на берегу которого светлым пятном выделялась Ласточка, облаченная в лазоревый халат. Китайка томилась, ожидая появления пригласившей ее Орхидеи. За прошедшие месяцы она весьма похорошела – несчастное выражение исчезло с ее милого личика, глаза и нос больше не опухали от слез, кожа сияла белизной. Даже с большого расстояния можно было заметить красные расшитые туфельки на ее крохотных ножках.

Наконец, остановив свой выбор на аисте из серебра и жемчуга, Орхидея велела приколоть его к своим волосам. Грациозно поднявшись, она в сопровождении шести служанок проследовала к выходу из дома.

Появившись на крыльце, Орхидея на миг сладко зажмурилась под еще бледными лучами солнца. Она улыбнулась и приветливо помахала ожидавшей ее Ласточке, затем повернулась к замершим в ожидании приказа евнухам и скомандовала:

– Схватить эту разряженную лисицу-оборотня!

Тонкий палец указал в сторону китайки.

Евнухи беспрекословно бросились исполнять повеление хозяйки. Подбежав к оторопевшей Ласточке, заломили ей руки за спину и наклонили ее вперед так, что собранные в волнообразную прическу волосы наложницы почти коснулись земли. Девушка вскрикнула и попыталась вырваться, но лишь причинила себе боль. Ее громкий плач разнесся над гладью пруда.

– А вы что стоите? – обратилась Орхидея к служанкам. – Сорвите с нее все, что она напялила!

Насмерть перепуганные, те кинулись к рыдающей жертве и вцепились в ее одежду, принялись тянуть и дергать. Раздался треск ткани, и через пару минут от халата и юбки остались лишь разбросанные по берегу лоскуты.

Орхидея в это время чинно расположилась в кресле за столиком с чайными приборами. Изящно держа фарфоровую чашку, она постукивала по ее расписному боку острыми кончиками серебряных футляров для ногтей, украшавших мизинец и безымянный пальцы. Наслаждаясь жасминовым напитком, императорская любимица разглядывала обнаженную соперницу – плач несчастной сменился всхлипываниями и неразборчивыми причитаниями.

– Свяжите ее хорошенько, – обронила Орхидея, сделав маленький глоток чая.

Ли Ляньин достал из торбы моток веревки, и евнухи сноровисто управились с заданием. Черные витки врезались в высокую грудь, опутали руки, перечеркнули белые бедра.

– Мне стало достоверно известно, что эта лисица вынюхивала сведения о Десятитысячелетнем господине – с целью околдовать его! – ледяным тоном произнесла Орхидея. – Также она собиралась подмешать яд в мою пищу – желая смерти и моей, и наследника!

Орхидея бросила взгляд на своего слугу. Предусмотрительный Ли Ляньин кивнул и выудил из рукава небольшой сверток.

– Вот печенье, изготовленное этим оборотнем, – сказал он, показывая окружающим содержимое. – Найдено во время тайного обыска в ее комнате!

Ласточка закричала, мотая головой:

– Это неправда! Кто-то оговорил меня! Сестрица Орхидея, мы же были подругами!..
Поставив чашку на блюдце, Орхидея нахмурилась:

– У меня, носящей под сердцем ребенка императора, нет друзей – ведь каждая может причинить вред. Жаль, что ты не устояла перед искушением сплести заговор! Теперь тебе придется ответить за зло, что ты намеревалась совершить!

Не обращая внимания на крики связанной наложницы о невинности, евнухи повалили ее на землю и принялись охаживать палками. Ли Ляньин бил по спине тонкой и хлесткой лучиной – после каждого удара кожа девушки вздувалась и лопалась, сочаась кровью. Его подручные орудовали палками потолще. Отдуваясь, они поочередно лупили по бедрам и голням, словно выколачивали пыль из матраса.

После первой сотни ударов крики Ласточки сменились хрипом и сипением. К исходу второй – девушка затихла, уткнувшись лицом в землю и оплывая кровью. На спине ее не осталось живого места, ноги распухли, приняв фиолетовый цвет. Евнухи остановились, переводя дух и отирая со лбов бисерины пота. Ли Ляньин вопросительно глянул на хозяйку. Орхидея отрицательно покачала головой, дав понять, что наказание не окончено.

Служанки сбегали за ведрами и тазами. Наполнив их водой из пруда, они окатили провинившуюся, и та слабо застонала.

– Поднимите ее и развяжите, – приказала Орхидея. – Снимите не только веревки, но и бинты с ног!

С полуживой Ласточки скинули обувь и сорвали повязки. Она едва могла стоять, но ее заставили ходить взад и вперед перед чайным столиком, за которым восседала мучительница. Каждый шаг давался жертве с мучительной болью, лицо искажалось от страданий.

Орхидея, принимаясь за вторую чашку, недовольно поморщилась:

– Изменщица слишком ленива, ходит недостаточно резво. Пусть пробежится вокруг пруда!

Подхватив Ласточку под локти, ее отволокли к дорожке из белого щебня, что шла вдоль берега. Когда обнаженные ступни китаянки, похожие на уродливые копытца, коснулись острых камешков, она истошно вскрикнула и чуть не упала – но евнухи цепко удерживали. Одна из служанок принялась хлестать Ласточку расщепленной бамбуковой палкой – удары срывали целые лоскуты окровавленной кожи. Подгоняя таким образом несчастную, ее заставили бежать. Не одолев и двух десятков шагов, девушка рухнула на колени – евнухи намеренно ослабили хватку. Один из них пнул ее в спину – и наложница полетела лицом на щебень. Не издавая ни звука, она лежала ничком и, казалось, не дышала.

Взгляды прислуги устремились на Орхидею. Разноцветный взор хозяйки Тени платанов навел ужас на каждого, включая верного Ли Ляньина – такой смертельный холод сквозил из глаз любимой наложницы императора. Лицо ее напоминало маску.

Ровным, спокойным голосом Орхидея объявила:

– Тут стало недопустимо грязно. Пересыпьте дорожку и сметите мусор, все до единого клочка.

– Как прикажете поступить с заговорщицей, госпожа? – осторожно спросил Ли Ляньин.

В ответ та указала на пруд. Острые футляры на ногтях хищно блеснули, словно длинные когти.

Тело изувеченной китаянки положили на кусок ткани, туда же ссыпали окровавленную щебенку и завязали концы. Раскачав, евнухи закинули сверток в зеленоватую воду. Испуганные всплеском стрекозы принялись изумрудными зигзагами носиться над прудом.

Допив чай, Орхидея какое-то время еще неподвижно сидела за столиком, разглядывая расходящиеся по поверхности водоема круги. В том, что за расправой осторожно, стараясь не попасться на глаза, наблюдали из домика на противоположном берегу, она не сомневалась.

Наложницы, живущие там, не отличались особым умом, но усвоить урок наверняка смогли.

ГЛАВА 12

РОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА

С наступлением холодных дней, когда вестниками грядущей зимы потянулись по небу длинные серые облака, Сяньфэн, опасаясь, что в Тени платанов будет промозгло и неудобно для проживания и любовных игр, повелел переселить свою любимую наложницу в Парк радости и света. Пока одни служанки торопливо расчесывали хозяйку, сооружая прическу, другие запыленно носились по дому, упаковывая вещи. Когда все было собрано, Орхидея подошла к дверям и, обернувшись, бросила прощальный взгляд на место, в котором провела несколько лет и торопливо проследовала к воротам.

Даже если бы на груди не висел защищавший от пустых переживаний амулет, девушка не испытала бы сожаления. Рисунки, каллиграфические прописи, ухоженные клумбы с благоуханными цветами – все это пройденный этап, принесший свои плоды. Что же касалось соседок, то, может, Орхидея и посочувствовала бы им – ведь тем суждено прозябать долгие годы, тоскуя и дурнея от невостребованности. В том, что ни одна из наложниц не попадет в императорскую спальню, Орхидея не сомневалась. Ведь она лично позаботится, чтобы повелитель позабыл про этот уютный сад. Никогда «молодым серпикам луны» китайок не взойти над плечами Сына Неба. Напрасны оказались их страдания детства, зря прошла юность. Как вянут цветы, лишенные солнечного света и воды, так безвозвратно пропадут девушки в Тени платанов. Поблекнут волосы, испортятся зубы, иссохнет тело. И быть им колченогими старухами, не нужными никому ни во дворце, ни за его пределами. А вздумай кто из них повторить глупость Ласточки и попытаться привлечь внимание императора – повторят и ее судьбу.

Желтый паланкин уже ожидал Орхидею за воротами сада. Носильщики склонились в почтении перед ней, и девушка, стараясь ступать как можно величественнее, забралась внутрь и уселась в кресло. Евнухи подхватили длинные шесты. Орхидея взмыла над мощеной дорожкой и поплыла навстречу судьбе.

...Новое место оказалось просторным и действительно светлым – от облицованной мрамором ограды до большого и красивого дворца, стены которого были выкрашены в нежно-желтый цвет. Дорожки тут были широкие, усыпанные белым щебнем, а через длинный и глубокий пруд, рябой от свежего ветерка, тянулись легкие арки мостиков.

Орхидею поселили в отдельном флигеле, выделив ей в услужение множество людей. Ли Ляньин по-прежнему почти неотлучно находился рядом.

Спальня девушки размерами превосходила весь ее прежний дом в Оловянном переулке. В огромной комнате имелась просторная ниша, стены которой были увешаны полками. На них любимая наложница императора хранила книги, украшения и подарки своего господина, а также подношения от придворных – немало приближенных к правящей семье людей искало расположения разноглазой маньчжурки.

От основного помещения нишу отделял искусно расшитый серебряными нитями атласный занавес. Над кроватью Орхидеи высился каркас из дорогих пород дерева. Белые креповые занавески спускались с него, создавая уют и укрывая спящую. Вокруг ложа было подвешено множество мешочков, наполненных душистыми травами, а набивкой подушек служили чайные листья.

Когда Орхидея отправлялась ко сну, с внешней стороны дверей ее покой охраняли шесть евнухов, бодрствуя всю ночь. Внутри спальни присутствовало еще больше народу. В

обязанности двух девушек входил массаж ног госпожи, а две пожилые служанки внимательно наблюдали за их действиями. Придворная дама присматривала за поведением своих подчиненных. Пара евнухов следила за женщинами, а Ли Ляньин, чтобы исключить любую возможность злого умысла, приглядывал за всеми разом.

На туалетном столике Орхидеи стояло множество флаконов с ароматными маслами и мылом. Утром служанки будили наложницу и приступали к ее умыванию. В конце процедуры ее лицо вытирали мягким полотенцем, смоченным в отваре меда и цветочных лепестков.

Отдельную комнату во флигеле дворца занимала гардеробная. В лакированных коробках хранились платья и халаты Орхидеи – общим числом далеко за сотню. Девушка предпочитала носить одежду из бледно-зеленого атласа или голубого шелка, а поверх халата часто надевала накидку из жемчуга, отделанную нефритовыми кистями.

Несмотря на множество драгоценностей, от которых ломились полки в ее спальне, в ушах Орхидея всегда носила только скромные жемчужные сережки, подаренные Сяньфэном в самом начале их встреч. И хотя позже Сын Неба завалил ее дорогими подарками, узнав о возможности появления наследника, она так и не сменила это ценное для себя украшение.

С беременностью дело удалось обставить весьма успешно. Драконово семя оказалось бесплодно, но отступать уже было нельзя – и хитроумный Ли Ляньин предложил действовать наверняка. Несколько раз к якобы занемогшей наложнице им был доставлен один из императорских врачей, полноценный мужчина. Подкупом и уговорами, подкрепленными соблазнительным поведением Орхидеи, от него удалось добиться желанного – вскоре девушка ощутила утреннее недомогание. Едва стало ясно, что в чреве ее зародилась жизнь, как алчному и сладострастному лекарю Ли Ляньин собственноручно перерезал горло и сбросил его тело в один из колодцев, затерянных на задворках Запретного города.

Живот Орхидеи округлился, а лицо ее лучилось искусно разыгрываемым счастьем и гордостью. Теперь всю надежду она возлагала на то, чтобы ребенок оказался мужского пола.

Репутация будущей матери наследника должна быть кристально чиста, напомнил госпоже верный слуга и осторожно поинтересовался, не остался ли за стенами императорского дворца кто-нибудь способный бросить на нее тень. Всякое может случиться, людьми движут разные чувства – в том числе зависть и ревность. Из-за неучтенных мелочей рисковать в столь важном деле, какое затеяли они под носом императорской семьи, нельзя, пояснил Ли Ляньин. После минутного раздумья Орхидея назвала адрес чайной лавки, где служил помощником паренек, некогда обожавший ее, девчонку из своего квартала. Евнух удовлетворенно кивнул. Не мешкая, он в тот же вечер послал за ворота дворца одного из своих проверенных людей, чтобы тот, под покровом ночи, решил проблему самым надежным способом. Исполнитель, проворный молодой евнух, вернулся утром и доложил, что кроме старика и парня в доме находился кто-то третий и поэтому плату за услугу полагается повысить. Ли Ляньин озадаченно глянул на Орхидею, но та лишь пожала плечами. Выяснив, что работа сделана на совесть, слуга императорской наложницы поднес своему человеку угощение – жасминовый чай и миндальные пирожные. Дождавшись, когда хрипы и агония отведавшего лакомство исполнителя прекратятся, евнух завернул его тело в покрывало, а с наступлением темноты взвалил тюк на плечо и отнес к колодцу.

Теперь, даже сняв с шеи охранявший от тревоги талисман, Орхидея могла бы спать спокойно – тот, с кем она встречалась на свиданиях и кто снабдил ее этой магической фигуркой, уже никому, никогда и ничего не расскажет. Конечно, было бы лучше заполучить парня живьем и хорошенько допросить, откуда все-таки у него оказался Крокодил... Ведь не исключено, что подобных вещей существует несколько. Взять эти упорные слухи о якобы колдовских глазах предводителя бунтовщиков. Если у него действительно имеется некий предмет, схожий с тем, что достался Орхидеи, его действие явно иного плана – длинноволосый вождь тайпинов неукротим в своей ярости, это подтверждают многие

видевшие его воочию. Одно лишь плохо – схватить Хун Сюцюаня вряд ли удастся. Его армия, набранная из всякого отсталого китайского сброда, непостижимым образом оказалась столь сильна, что маньчжурские войска терпели поражение за поражением, уступая мятежникам целые провинции.

Но гораздо сильнее, чем государственные неурядицы, Орхидею заботила собственная беременность. К тошноте она привыкла быстро, а с неудобствами, которые причинял росший с каждой неделей живот, смирилась не без труда. Девушка прекрасно понимала, что несколько десятков наложниц с нетерпением ожидают того времени, когда она перестанет быть желанной для императора. Урок, преподанный в свое время в Саду теней, следовало повторить и на новом месте.

Две прелестные китайки, которые ранее пользовались благосклонностью Сына Неба, уже в открытую выражали недоумение тем, что господин так сильно увлекся грубой маньчжуркой – давно пора обратить внимание и на других, более достойных и утонченных красавиц, чьи фигуры не потеряли привлекательности. Звали их Пионовая Весна и Абрикосовая Весна, они не были наложницами, но входили в число дворцовых служанок, осчастливленных в свое время императором. В стремлении вернуть бывшее расположение Десятитысячелетнего повелителя, обе девушки принялись одеваться как можно наряднее и искать способы попасться ему на глаза. Об этом Орхидее донесли евнухи – чувствуя, что красавицы явно утратили свой прежний статус фавориток, а влияние разноглазой маньчжурки на императора огромно, дворцовая прислуга переметнулась на ее сторону.

Окрыленный предстоящим отцовством Сяньфэн, пребывая в нетерпеливой радости ожидания наследника, наделял возлюбленную все новыми подарками и правами. Власть Орхидеи в пределах Парка радости и света стала столь сильна, что в один из дней девушка решила на месть.

Когда ей в очередной раз доложили о непристойных ужимках красоток перед господином и якобы его благосклонном взоре на это действие, она велела схватить обеих бесстыдниц и привязать к стволам кипарисов, росших перед флигелем, где она жила. Приказ наложницы был выполнен немедленно – испуганные и плачущие девушки, в чьи обнаженные тела впились крепкие веревки, умоляли пощадить их. Сидя у окна своей гостиной, Орхидея какое-то время молча взирала на них, пока склонившийся к ее уху Ли Ляньин не доложил, что все готово для наказания. Орхидея распорядилась принести ей чай и сладости. Затем она ехидно поинтересовалась у связанных, с кого из них следует начинать. Ведь вина их совершенно очевидна – обе они не человеческого рода, а хитроумные оборотни из лисьего племени, проникшие во дворец с целью погубить императора. Плач несчастных стал еще громче. Когда к ним приблизились палачи с дубинками, заостренными палками и полными ковшом вязко булькающей горячей смолы, девушки забились в отчаянии, но все было тщетно.

Первой приняла мучения Пионовая Весна. Руки и ноги ей выдернули из суставов, после чего один из евнухов, уродливый и низкорослый, ухмыляясь, достал палочки для еды и выколол ими китайке глаза. Слепленную и обезумевшую от боли девушку отвязали от дерева, повалили на землю окровавленным лицом вверх и залили раны дымящей смолой, выплеснув остатки и в раскрытый рот. Тело несчастной все еще сотрясала агония, когда палачи подступили к ее обезумевшей от увиденного подруге. Служанку принялись лупить палками. Через какое-то время ее визг стал походять на жалобный скулеж. Тогда евнухи отбросили дубинки и начали наматывать на руки волосы девушки, вырывая из целыми прядями. Голова жертвы моталась из стороны в сторону, и лишь когда на ней почти не осталось волос, мучители перерезали веревки. Абрикосовая Весна рухнула на землю, но тут же вскочила и побежала к видневшемуся неподалеку колодцу, желая броситься в него и избавиться от дальнейших мучений. Но преследователи настигли ее на полпути, повалили и

распластали. Пара подоспевших с мечами евнухов отсекла бывшей красавице ступни и кисти рук. Кровь хлестала из обрубков, орошая траву и палую листву. Напоследок один из палачей резким ударом вогнал в «яшмовую пещеру» жертвы заостренный бамбуковый шест.

Едва Орхидея закончила чаепитие и покинула свое место у окна, Ли Ляньин распорядился прибраться возле дворца. Тела девушек разрубили на части и сбросили в тот самый колодец, куда пыталась спрыгнуть Абрикосовая Весна.

Останавливаться на достигнутом Орхидея не собиралась. Со времени расправы над двумя бывшими фаворитками она каждую неделю учиняла подобные казни, всегда с одним и тем же объяснением – под сводами дворца обнаружилось целое логово лисиц-оборотней. И едва император покидал Парк света и радости, как тут же, словно в насмешку над возвышенным названием, это место Запретного города наполнялось плачем, стонами и предсмертными воплями. Благоухание цветов на многочисленных клумбах было не в силах перебить тяжкий смрад из переполненного колодца. Тогда вновь замученных девушек стали топить в пруду. Многие служанки, страшась подобной участи, пытались подкупить евнухов и бежать из дворца, а некоторые из страха перед пытками предпочитали уйти из жизни сами – вешались или бросались в воду.

Но была среди служанок одна, которую Орхидея берегла как зеницу ока.

Пару месяцев назад вездесущий Ли Ляньин разузнал, что китайка по имени Чу Ин забеременела от дворцового стражника. Срок зачатия всего на несколько недель разнился с тем, что был у самой Орхидеи. К соблазнительно китайки был незамедлительно послан один из подчиненных Ли Ляньина – польстившись на угощение, простоватый воин с удовольствием опустошил поднесенный ему кувшин душистого сливового вина. Яд, подмешанный евнухом в напиток, начинал действовать на третий день, вызывая сильнейшую рвоту и жестокий понос, словно человек съел что-то испорченное. Таким образом, никто не заподозрил неладное, и, когда свидетеля не стало, Чу Ин, не успевшую еще оплакать смерть возлюбленного, схватили и разместили в самой дальней комнате флигеля.

План Ли Ляньина был прост. Нужно дождаться родов служанки – по его расчетам, они случатся не более, чем на месяц раньше того, как отойдут воды у самой Орхидеи. И если китайка родит мальчика, то у них в руках окажется готовый наследник. На вопрос хозяйки о том, как быть, если она тоже носит в чреве младенца мужского пола, евнух пожал плечами – зачем рисковать, когда они заранее обзаведутся необходимым. Орхидея возразила, что ее ребенок, будущий император, хотя бы маньчжурских кровей, ведь заронивший в нее свое семя лекарь тоже был маньчжуром. Ли Ляньин поинтересовался, действительно ли это так важно для нее, и собирается ли она уступить власть после совершеннолетия наследника. На что уже Орхидея пожала плечами, соглашаясь с разумными доводами слуги. Оставался вариант, что обе они родят девочек, но в этом случае ничего не поделать, очевидно, придется искать младенца за стенами Запретного города.

Несчастной Чу Ин разбинтовали ноги, чтобы она не могла никуда сбежать. Орхидея еженедельно навещала девушку, желая лично проследить, что беременность той протекает благополучно. Китайка, начинавшая понимать, почему ее содержат взаперти, скрывая от посторонних глаз, часто плакала. Желая разжалобить императорскую фаворитку, Чу Ин рассказывала ей о себе и своей семье. Отец девушки раньше служил на незначительной чиновничьей должности, денег получал мало, а взятки ему никто не предлагал, и частенько их семья едва сводила концы с концами. Чу Ин подрастала и становилась все красивее, так что многие богатые чиновники приезжали свататься. Но отец всем отказывал, считая женихов корыстными и бессердечными, недостойными девушки, которую многие сравнивали с феей реки Ло. Едва Чу Ин исполнилось шестнадцать лет, как отец ее скончался, оставив семью без средств. Мать, узнав, что во дворец набирают служанок, отправила дочь туда, соблазнившись высоким заработком...

Орхидея внимательно выслушивала служанку, отмечая про себя удивительные совпадения с собственной жизнью до попадания в Запретный город. Она распорядилась содержать китаянку как можно бережнее и сама не раз угощала ее пирожными. Девушка перестала плакать и начала даже радоваться визитам разноглазой маньчжурки.

Когда у Чу Ин начались родовые схватки, она принялась горячо клясться молчать о ребенке, что и единственное, о чем она просит, – это оставить ей жизнь. Ласково поглаживая пленницу, Орхидея заверила ее, что за прошедшие месяцы сроднилась с ней, как с сестрой, и волноваться не о чем. Впервые за все время заточения китаянке разрешили покинуть комнату – Орхидея пригласила ее в свою спальню, и с помощью евнухов девушка перебралась туда.

К вечеру схватки усилились. Младенец вот-вот должен был появиться на свет.

Роды принимали Ли Ляньин и двое его подручных. Орхидея находилась рядом, пристально наблюдая за их действиями. Заткнув истошно кричавшей роженице рот тряпичным кляпом, евнухи подхватили ее под колени, удерживая в вертикальном положении, а стоявший перед ней на коленях Ли Ляньин помогал плоду покинуть чрево. Стоны Чу Ин напоминали протяжное глухое мычание. Взгляд ее, полный боли и отчаяния, искал встречи с глазами Орхидеи. Время от времени «сестрица» ободряюще улыбалась ей и благосклонно кивала.

В полночь своды комнаты огласились жалобным тонким плачем. Личный евнух Орхидеи поднялся и, держа ребенка в руках, торжествуя поворачиваясь к хозяйке:

– Это мальчик!

Орхидея шагнула в его сторону, рассматривая перепачканное кровью и слизью сморщенное тельце, лежавшее в ладонях слуги. Глаза младенца казались крепко зажмуренными, багровое личико – бесформенным. Маленький беззубый рот заходил в прерывистых криках, а скрюченные ручки и ножки подрагивали.

Пока Ли Ляньин управлялся с пуповиной, его подручные не теряли времени. Обмотав шею роженицы длинным матерчатым ремнем, они потянули его концы в разные стороны. Чу Ин извивалась всем телом и, ломая ногти, тщетно хваталась за впившуюся в кожу ткань. Ее изуродованные пятки стучали по полу, лицо стремительно синело, глаза закатились.

Мельком взглянув на возню помощников, Ли Ляньин уложил ребенка в корзину и прикрыл ее верх тканью – плач младенца стал доноситься чуть глуше. Слуга вопросительно посмотрел на госпожу.

– Пора действовать, почтенная! – произнес он, протягивая Орхидее пиалу с заранее приготовленным снадобьем. – Выпейте это разом. Через четверть часа лекарство подействует, и ваше тело само избавится от плода.

Дивясь выдержке своей хозяйки, евнух наблюдал, как та без колебаний приняла из его рук предложенный отвар и поднесла пиалу к губам.

Орхидея, глотая вязкую горькую жидкость, не испытывала ни малейшего страха, хотя и сожалела о том, что талисман бессилен в защите от физических страданий. Ей предстояли преждевременные роды, и она бы испытала на себе все те мучения, которые наблюдала, пока от бремени разрешалась китаянка. Мудрый создатель Крокодила неспроста наделил фигурку способностью оберегать только от эмоций – это позволяло владельцу не делать ошибок и выживать в самых трудных ситуациях. А избавь навсегда человека от чувства голода, жажды или физической боли – и он умрет в скором времени, не заметив черты, за которой поджидает смерть.

Но для спасения от телесных мучений давно найдено достаточно способов. Одним из них верный евнух предложил ей воспользоваться, протянув другую пиалу – с опиумной настойкой. Во многом действия наркотика и серебрястой вещицы казались схожи – оба подавляют тревогу, печаль, раздражение и гнев. Но Крокодил, в отличие от опиума, был не

способен приносить радость и счастье, и в этом заключалось его преимущество – он всего лишь служил щитом. А бальзам из млечного макового сока, даруя облегчение и наслаждение, проникает в душу и разрушает ее. Ведь то, что вызывает привязанность, в конечном счете и губит.

Девушка привычно поблагодарила в мыслях свой талисман, с которым даже сильное дурманящее средство всего лишь умирало боль и не вызывало отупляющего привыкания.

– Все, что вам нужно, госпожа, – это громко кричать, – пояснил Ли

Ляньин. – Страданий вы не почувствуете, но изобразить их необходимо – вас должны слышать обитатели дворца.

Орхидея едва заметно кивнула. Ей, щедро наделенной артистизмом, эта задача вполне по плечу. Едва к горлу подступила тошнота, а внутри начались судорожные толчки, наложница принялась так правдоподобно голосить, что евнухи настороженно переглянулись, а Ли Ляньин даже понюхал последнюю опустошенную хозяйкой пиалу, желая убедиться, что там была правильная настойка. Но Орхидея улыбнулась, показав, что все в порядке, и продолжила издавать душераздирающие вопли так искусно, что ни у кого из слышавших не возникло сомнений – в эту ночь она родила младенца.

Девушка отстраненно почувствовала, как нечто покидает опадавшее чрево. Окровавленный сгусток выскользнул между ее ног на пол. Один из евнухов нагнулся, потрогал безжизненное тельце, внимательно рассмотрел и сообщил:

– Это была девочка!

Ли Ляньин с облегчением выдохнул и радостно взмахнул руками.

Орхидею тотчас уложили на покрытый циновками топчан. Мертвые тела припрятали в нише, набросав сверху тряпья и заставив мебелью, а корзину с новорожденным мальчиком подхватили и с величайшей торжественностью вынесли из покоев...

...Рождение сына-наследника невероятно ободрило Сяньфэна, последнее время все чаще пребывавшего в тяжелых думах – военные неудачи его армии в действиях против иноземцев и китайцев-бунтовщиков омрачали сердце повелителя. Вместе с ним радовалась Великая императрица Цыань, сановники и дворцовая челядь. Простой люд тоже предавался ликованию – почти в каждом доме по вечерам зажигались разукрашенные поздравительными надписями фонари.

В самом грандиозном сооружении Запретного города – Тронной палате высшей гармонии – император праздновал рождение сына, принимая подарки от многочисленных визитеров. Нескончаемая вереница подданных шествовала по мраморным ступеням, поднимаясь на террасу с установленными там солнечными часами, проходила мимо искусно высеченных в белом камне пятипалых драконов, шла вдоль золоченых урн для благовоний и благоговейно входила в зал, где на широком троне восседал в парадных одеждах владыка Поднебесной.

Женщинам пребывание в этой палате воспрещалось, поэтому Орхидея, только что получившая вожделенный титул «драгоценной наложницы», находилась неподалеку, в Тронной палате полной гармонии, куда императором пересылались получаемые подарки.

Однако золотые и серебряные украшения, россыпи жемчуга, нефритовые статуэтки, огромное количество шелка и парчи не производили на девушку никакого впечатления.

Куда важнее для нее был факт, что теперь она, согласно дворцовой иерархии, лишь на ступень ниже императрицы Цыань, а фактически – равна и даже превосходит. Ведь только ей, урожденной Ехэнара, удалось подарить господину сына.

К своему счастью, от ухода за ребенком Орхидея была избавлена полностью. Новорожденному принцу, получившему имя Цзайчунь, полагалось иметь четыре десятка нянек, из которых только кормилиц было восемь, а еще в штат входили надзирательницы за

поведением, поварами, швеи и даже несколько женщин, обязанностью которых был сбор драгоценных испражнений наследника престола. И в будущем особых хлопот для Орхидеи не предвиделось – по правилам, когда приходило время отнятия от груди, кормилиц заменяли на евнухов, которые учили ребенка есть, ходить и говорить.

Такое положение дел полностью устраивало новоиспеченную мать, которой полагался теперь не флигель одной из построек, а целое роскошное здание, где она была полновластной хозяйкой.

...Однако провести во дворце годы безмятежной жизни, наслаждаясь почестями и регалиями, а также заботой о ней императора, Орхидеи не было суждено. Бесчинства бунтовщиков-тайпинов, за несколько лет захвативших множество городов, среди которых оказался и крупный Нанкин, объявленный ими своей «Небесной столицей», лишали Сяньфэна покоя, заставляли его со страхом выслушивать очередные неутешительные новости от придворных докладчиков. Из-за постоянных тревог и без того слабое здоровье Сына Неба за последние несколько лет серьезно ухудшилось. Император ощущал постоянную слабость, у него начались приступы невыносимой головной боли и частые обмороки. Порой по две-три недели повелитель проводил в спальне, не покидая ложа, окруженный толпой евнухов и врачей. Добавил ему горечи и доставленный в Пекин манифест мятежников, где говорилось следующее:

«Нынешний маньчжурский дьявол Сяньфэн является заклятым врагом Китая. Он желает заставить нас поклоняться нечистым духам и выступать против истинного Господа Бога! Но пусть знают все: нечестивец осужден небом, и неизбежная смерть от наших рук уже ожидает его!»

Неистовый Ху из сельского учителя метил напрямик на императорский трон, а варварские армии заморских пришельцев – французов и англичан – всячески поддерживали полчища тайпинов, снабжая нечестивцев оружием и оказывая им помощь в сражениях. Ослабленное маньчжурское войско больше не могло сдерживать натиск врага на Пекин, и неминуемый захват столицы близился с каждым часом.

Приближенные Сына Неба прекрасно понимали, что ему недолго оставаться среди живых. Ожидаемая смерть Сяньфэна поставила вопрос о регентстве ребром. Малолетний наследник оказался заложником схватки двух влиятельных сил. Сводным братьям императора принцам Гуну и Чуню, которые поддерживали императрицу Цыань и драгоценную наложницу Орхидею, противостояла клика влиятельного советника Су Шуня и принцев крови Дуаня и Цзя. Из донесений шпионящих за ними евнухов стало известно, что советник и принцы договорились отправить мать наследника в иной мир, лишь бы не допустить ее регентства. Боязливая и недалекая Цыань их не беспокоила – она сторонилась всяческих дворцовых интриг и борьбы. Свой замысел заговорщики готовились реализовать в первый же удобный момент, и такой, к их великой радости, близился – не без косвенной помощи варваров-иноземцев и религиозных мятежников. Понимая, что в Пекине добраться до Орхидеи слишком трудно, да и к самому императору доступ ограничен, Су Шунь всячески стремился убедить повелителя покинуть столицу и срочно переехать всем двором в провинцию Жэхэ, где имелась императорская резиденция, защищенная глубоким рвом и массивными стенами. Там обстановка изменилась бы в пользу крамольников – видется с императором они смогли бы ежедневно, а его наложницу без особого труда изолировать.

Пребывание же в Пекине, уверял правителя Поднебесной его коварный советник, лишь усилит желание иноземцев захватить и разграбить столицу. Разумнее оставить ее и удалиться вглубь страны, тем самым спасая себя и дворец.

Малодушный Сяньфэн соглашался с доводами сановника, все чаще подумывая о подготовке к отъезду.

Орхидея понимала, что оставление Запретного города грозит ей смертельной опасностью.

Пользуясь своей привилегией, она навестила больного господина.

В императорских покоях царил полумрак, многочисленные висащие драпировки спальни едва проступали из темноты. В дальнем углу был зажжен лишь один небольшой матовый фонарь – глаза Сяньфэна раздражал яркий свет.

Сын Неба выглядел удручающе. Даже при скудном освещении виднелись преждевременные морщины на изможденном лице.

Слабо улыбнувшись той, кого он любил всем сердцем и чьим советам внимал всей душой, Сяньфэн поделился с ней своими опасениями и намерениями.

Орхидея принялась с жаром уверять императора, что самое разумное – это оставаться в столице. Ведь Пекин, окруженный высокими и невероятно толстыми стенами, по сути, является неприступной крепостью, способной выдержать любой штурм. Противостоять иноземцам и мятежникам город может весьма долго – во всяком случае, до момента подхода маньчжурского подкрепления. А там уже будет нетрудно отбросить белых дьяволов к морю.

Внимая речам возлюбленной, Сяньфэн на время воодушевился и даже принял было решение остаться – так убедительно она говорила о том, что длинноносые пришельцы не посмеют напасть на город, в котором находится Сын Неба.

Однако добившийся в тот же день приема советник Су Шунь желчно высмеял приведенные Орхидеей доводы и красочно обрисовал императору бесчестность и беспринципность иноземных захватчиков. В своем стремлении к грабежам эти исчадия не остановятся ни перед крепостными башнями, ни, тем более, перед титулами правителя Поднебесной, которые для их варварского ума – пустой звук.

Пушечная канонада, с каждым днем становившаяся все более отчетливой и близкой, окончательно склонила Сяньфэна к решению покинуть Пекин. В конце сентября из городских ворот выдвинулся длинный обоз. Но, в отличие от былых торжественных выездов, на этот раз императорский кортеж больше напоминал вереницу напуганных беженцев. Покачивались паланкины, скрипели тяжело груженные двухколесные повозки, пылила сапогами стража, ревели табуны скота, громко причитали евнухи, плакали наложницы и служанки.

Население Пекина перепугалось не на шутку – ведь слухи о бегстве правителя разнеслись по городу быстрее ураганного ветра. Брошенные на произвол судьбы, грязные и оборванные солдаты-маньчжуры рыскали по рынкам и лавкам в поисках пропитания, не гнушаясь мародерством наряду с осмелевшими простолюдинами. Чиновники-китайцы спешно оставляли свои посты, собирали семейства и покидали столицу. Беспорядки охватывали квартал за кварталом, подобно пожару.

Орхидея сидела в паланкине вместе с четырехлетним наследником, которого на свой риск она взяла в длительную и трудную поездку – оставить мальчика в Пекине под присмотром принца Гуна она наотрез отказалась. Хотя брату Сяньфэна она полностью доверяла, но ребенок мог попасть в руки иноземцев – а те известные мастера шантажа.

Главное, чтобы ни Сяньфэн, ни считавшийся его сыном Цзайчунь не умерли по дороге в Жэхэ. Случись это, и клика заговорщиков мигом отправит следом за императором и принцем саму Орхидею – некому будет заступиться за нее.

По прибытии в резиденцию следует приставить к мальчишке самых верных слуг и не спускать с него глаз – жизнь этого китайчонка на данный момент поистине бесценна.

Что касается императорского здоровья, то существовала опасность иного рода. В глуши, вдали от тревожных событий, в старом дворце, построенном еще маньчжурским правителем Цяньлуном, болезненный повелитель мог почувствовать улучшение. Девственные леса и живописные озера, окружавшие резиденцию, по заверениям придворных лекарей, одним своим видом способствовали исцелению многих хворей. Недаром в Жэхэ любили

ездить стародавние правители – они развлекались тут охотой на диких зверей или предавались различным забавам в роскошно отделанных павильонах. Но времена поменялись, и дворцовые постройки начали приходить в упадок. Потемнела отделка стен, растрескались барельефы, облупилась позолота, местами осыпалась черепица, а дорожки и просторные мраморные террасы поросли сорной травой...

Именно в таком неприглядном месте император надеялся на отдых и поправку, чтобы весной вернуться в Пекин, а драгоценная наложница Орхидея готовилась к решающей схватке за власть.

ГЛАВА 13

ЦЫСИ

Несколько часов Орхидея провела в раздумьях и ожидании, прислушиваясь к шуму дождя за окнами. Непогода разгулялась. Потоки воды низвергались с низкого неба, хлестали по башням и стенам обветшавшего дворца, тяжелыми струями падали с крыш, реками сбегали по замшелым камням в переполненный ров. Время от времени раздавались раскаты грома, столь схожие с пушечной канонадой, что и служанки, и даже отнюдь не пугливый Ли Ляньин вздрагивали, втягивали головы в плечи, удивляясь храбрости хозяйки – та, казалось, не обращала на грозу внимания.

Поразмыслить было о чем.

Дни, а возможно, и часы Сяньфэна сочтены. Многочисленные недуги берут свое. Вот уже две недели император провел в покоях Охотничьего дворца, не вставая с постели. О здоровье владыки Орхидее докладывали несколько раз в сутки – слуги наблюдали за всеми действиями врачей и пристально следили за малейшими изменениями состояния Сына Неба, впавшего три дня назад в горячку. Один не в меру ретивый лекарь, от микстуры которого сознание императора временно прояснилось, по совершенной случайности прошлой ночью упал в затопленный жидкой грязью ров. Нерасторопный евнух, что сопровождал его и не сумел вовремя спасти, был поутру обезглавлен, но это не могло изменить положения дел – рецепт спасительного лекарства оказался утрачен...

Не одно лишь самочувствие Десятитысячелетнего господина занимало мысли Орхидеи. В тот вечер, когда Сяньфэн ненадолго пришел в себя, к нему незамедлительно явился коварный Су Шунь в сопровождении двух начальников приказов и пятерых членов Государственного совета. Краткого времени им вполне хватило, чтобы убедить немощного больного подписать три документа. Согласно первому, все они объявлялись членами Регентского совета, заботящимися о наследнике трона. Второй документ запрещал Орхидее вмешиваться в дела совета и контролировать его. Когда же действие целебной микстуры стало заканчиваться, а владыку принялись заново одолевать боли, ему поднесли трубку с опиумом. Дождавшись, пока дурман забытья надежно окутает угасающий ум императора, заговорщики вынудили повелителя распорядиться о написании третьей бумаги, в которой урожденной Ехэнара высочайшей милостью даровалось самоубийство. Его Орхидея была обязана совершить незамедлительно после ухода Сына Неба в мир теней, дабы и там прислуживать и оставаться любимой наложницей.

Полученные таким способом документы Су Шунь спрятал под подушками умиравшего Сяньфэна – чтобы потом, якобы случайно, «отыскать» их, избежав обвинений в подлоге.

Однако, как донесли люди Ли Ляньина, шпионящие за всем происходящим во дворце, императорская печать на документах проставлена пока не была, а значит, силы они еще не

имели.

Нужно во что бы то ни стало опередить хитроумных сановников!..

Размышления Орхидеи прервал юный евнух, помощник Ли Ляньина. Под внимательным взглядом своего начальника он хлопотал возле письменного стола. Налив немного воды в специальную подставку, слуга растер в ней кусок сухих чернил, положил рядом кисточку из шерсти ягненка и, отступив, поклонился.

Орхидея медленно подошла к разложенной перед ней чистой бумаге. Обмакнув кончик кисти во влажную черную пасту, она принялась изящными мазками выводить иероглиф за иероглифом, безукоризненно копируя манеру письма Десятитысячелетнего господина.

«Я, император Срединного царства Сяньфэн, повинуюсь зову моих великих предков и готовлюсь к воссоединению с ними. В полной ясности ума, подкрепленной моей нерушимой волей, объявляю, что наследником Трона Дракона является ребенок мужского пола, рожденный наложницей Ехэнара. Он должен быть объявлен новым императором, который взойдет на престол после моего ухода из жизни. До того, как он достигнет возраста шестнадцати лет, я назначаю регентшами императрицу Цыань и драгоценную наложницу Орхидею. Ими они становятся в день моей смерти...»

Орхидея любовалась на стройные столбики иероглифов. Оставив свободное место возле слов о смерти, она продолжила:

«Я, Сяньфэн, прилагаю свою династическую печать к Моему указу».

Рядом с этой фразой она тоже предусмотрела пробел.

Когда чернила просохли, Орхидея осторожно свернула бумагу в тонкую трубочку и спрятала у себя в рукаве.

Ли Ляньин все это время неподвижно стоял поодаль, ожидая приказаний госпожи. На лице евнуха отражалась крайняя изможденность, но попросить позволения отдохнуть он не осмеливался.

Вдруг одна из служанок насторожилась, затем подбежала к закрытой двери и замерла, приложив к ней ухо. Девушка эта славилась острым слухом, способным издалека уловить зов Орхидеи. Вот и сейчас даже шум дождя не помешал ей услышать приглушенные звуки в коридоре.

– Кажется, кто-то идет, – шепотом сообщила она. – Причем очень быстро, почти бежит.

Ли Ляньин встрепнулся и стремглав бросился к столу, за которым продолжала сидеть госпожа. В мгновение ока он спрятал все письменные принадлежности. Орхидея, поняв все без слов, встала и отошла к окну.

Евнух подхватил полы халата и кинулся к выходу. Отодвинув служанку, он повернул щеколду, приоткрыл дверь и выскользнул в коридор. Через минуту верный слуга появился снова.

– Почтенная госпожа, – тихо произнес он, – это пришел один из врачей господина, с важной новостью.

Орхидея, глядя на сбегавшие по стеклу капли, ответила:

– Пусть войдет!

На смерть перепуганный лекарь в синем халате тут же предстал перед взором наложницы. Упав на колени, он сбивчиво зашептал, не поднимая головы:

– Почтенная, времени совсем не осталось. Владыка умрет не позднее завтрашнего утра. Только что в его покои снова приходил Су Шунь с двумя князьями. Они требовали от императора поставить печати на документах, созданных по их наущению! Сын Неба не услышал злодейских слов, так как лежит в беспомощности. Тогда нечестивцы учинили настоящий обыск в императорской спальне, но ничего не нашли и удалились, крайне сердитые. Они непременно вернуться, мне удалось разобрать их перешептывания.

С бесстрастным лицом выслушав донесение, Орхидея велела подать ей верхнюю одежду и, не мешкая, отправилась в Охотничий дворец. О паланкине и речи не было – из-за козней, чинимых кликой Су Шуня, обеих женщин поселили подальше от дворца императора и запретили видаться не только с ним, но и друг с другом.

Впрочем, пришло время действовать, невзирая на незаконные распоряжения.

Вечернее небо беспросветно закрывали лохматые сизые тучи. Временами внутри них мерцали тусклые вспышки, и над дворцом прокатывался рокот. Ливень не прекращался.

Ли Ляньин закутал Орхидею в плащ и усадил себе на спину – как в старые времена, когда доставлял драгоценного человека по требованию Сына Неба в его спальню. По бокам, увязая в грязи, семенили служанки, прикрывая госпожу зонтами.

На ходу наложница шептала евнуху указания:

– Будь начеку. В нужный момент ты должен отвлечь всех, кто окажется возле ложа императора.

– Будет исполнено, госпожа, – тихо ответил слуга.

Преодолевая огромные лужи, вода в которых словно кипела от бьющих по ним струй дождя, через четверть часа процессия достигла высокой громады Охотничьего дворца.

– Поставь меня на землю! – скомандовала Орхидея.

Стараясь ступать как можно величественнее, она, не обращая внимания на чавкающую под ногами жижу, пересекла площадь перед центральным входом.

Стража, укрывшаяся от непогоды на широком крыльце, собралась было преградить им путь, но Ли Ляньин твердо и громко выкрикнул:

– Мать наследника, по делу государственной важности, к своему господину!

Диковинные глаза Орхидеи пылали разноцветным ледяным огнем. Взгляд ее был устремлен поверх остроконечных шапок караульных. Ни на секунду она не замедлила свой шаг, и охрана расступилась, услужливо отворив двери.

Ли Ляньин задержался на крыльце лишь на миг – сообщить воинам, что госпожа признательна им за лояльность и не забудет наградить.

Под ликующие крики, зазвучавшие за спиной, Орхидея спешила по темным, сырым проходам и узким коридорам. Она упала бы не раз, не будь рядом верного евнуха, который поддерживал ее за локоть. Обувь на высокой подошве не позволяла передвигаться быстрее, и Орхидея уже подумывала, что лучше сделать – сбросить ее и бежать босиком или снова взобраться на спину слуги. Лишь бы успеть, только не оказалось бы слишком поздно!..

Поднявшись по скрипучим деревянным ступеням на верхний ярус дворца, они торопливо прошли через несколько пустых залов и спален и наконец добрались до самой дальней. Не останавливаясь, Орхидея направилась прямо к открытой двери, в проеме которой маячил ожидавший их главный евнух.

– Что с моим господином? Жив ли еще Сын неба? – требовательно спросила она.

– Едва дышит, – плачущим шепотом взвыл Ань Дэхай.

Облик у него был испуганный и жалкий, ранее таким его видеть Орхидея не доводилось. Но не этот толстяк сейчас интересовал ее.

Возле большой кровати, установленной в нише стены, стояло на коленях множество евнухов. Закрыв лица руками, они вполголоса плакали. Плечи их сотрясались, спины гнулись, но сквозь пальцы виднелись внимательные и настороженные взгляды.

Орхидея властно повела рукой, и евнухи, не вставая с колен, поспешно расступились, покачиваясь, словно перекормленные индюшки.

Сяньфэн лежал, утопая в желтых подушках, и лицо его сливалось с их цветом. Веки были сомкнуты, щеки ввалились, а губы безвольно приоткрылись, явив черную щель рта.

– Мой повелитель!.. – произнесла наложница негромким голосом, полным сострадания

и печали.

Ответа не последовало.

– Мой господин! – снова окликнула его Орхидея, повысив голос.

На этот раз император услышал, и его веки чуть дрогнули. С усилием он открыл глаза и повернул голову.

– Вы слышите меня?! – радостно всплеснула руками Орхидея, но тут же придала лицу строгое и скорбное выражение. – Покорно прошу уделить мне лишь минуту.

Сяньфэн слабо шевельнул рукой, подзывая ближе. Кожа на его кисти была сморщенная и темная, будто засохший осенний лист.

– Мой господин, – проникновенно сказала Орхидея, склонившись к лицу императора. – Я должна стать регентшей при вашем сыне. Только я смогу сохранить ему жизнь. Лишь мне под силу защитить его от заговорщиков и других врагов. Дайте знак, что согласны с моими словами.

Не отводя от возлюбленной тусклого взора, Сяньфэн попытался что-то сказать. Орхидея припала ухом к его потрескавшимся губам и сделала вид, что внимательно прислушивается.

– Сын Неба ответил: «Да!» – восторженно воскликнула она и вынула спрятанную в рукаве бумагу.

Пребывавший в ожидании за письменным столом императора Ли Ляньин обмакнул кисть в красные чернила, подбежал к ложу и заботливо вложил ее в длань Сына Неба.

– Мой господин, я обо всем уже позаботилась! Ведь кому, как не мне, известны все ваши чаяния! Теперь на вашем завещании не хватает лишь подписи, – нежно сказала Орхидея, поглаживая пальцы Сяньфэна. – Пока сил у вас недостаточно, моя обязанность помогать вам во всем. Вы знаете, что я поддерживала вас всегда.

Кисть коснулась бумаги, выводя кровавую линию.

– Вот так...

Императорская рука, подчиняясь движениям Орхидеи, вывела высочайший титул.

– Благодарю вас, мой господин, – не отрывая взгляда от умиравшего, наложница протянула подписанный документ верному евнуху, и тот принялся осторожно покачивать его, просушивая чернила.

Орхидея равнодушно рассматривала лежавшего перед ней человека, не забывая держать углы своих губ скорбно опущенными.

Жизнь едва теплилась в Сяньфэне, взор его становился все туманнее. Дыхание императора походило на прерывистый шелест. Он явно пытался что-то сказать любимой, но силы покидали его с каждым мгновением. Неожиданно он протянул к ней обе руки, вцепился в одежду и даже сумел приподнять голову. Но за этим кратким мигом последовал предсмертный хрип, и Сын Неба откинулся на подушку. Под причитания евнухов он несколько раз выгнулся в агонии, и душа его навсегда покинула изможденное тело.

Орхидея мысленно поблагодарила Крокодила за то, что он оберегал ее от ненужных чувств. Талисман помог ей сохранить перед придворным выдержку и бесстрашие в тот момент, когда умиравший схватился за ее халат. Кроме того, фигурка спасала сейчас от пустых переживаний и сожалений – ведь рядом остывало тело человека, который был действительно влюблен в нее. Не будь на груди магического украшения, Орхидея наверняка бы если не разрыдалась, то уж точно предалась грусти. Ведь она не бессердечна, и всегда жаль наблюдать, как умирает совсем молодой мужчина. Особенно печально, когда в иной мир уходит тот, кто обладал множеством женщин, но сам так никогда и не узнал настоящей ответной любви.

Впрочем, ей тоже пришлось пойти на жертвы. Любовь сделалась неведома молодой и красивой девушке, стоило ей попасть во дворец. Под желтыми кровлями сердечные

чувства – только во вред. Пожалуй, разве что злоба и ненависть могут сыграть на руку, но лишь до поры, до времени. Негодник Су Шунь добился многого и забрался слишком высоко, а падать ему будет больно. Темная душа суетного интригана бессильна против чистого холодного разума. И документ, припрятанный верным евнухом, станет тому подтверждением. Осталось лишь раздобыть печать...

Орхидея величественно поднялась, сохраняя на лице выражение горя и скорби. В сопровождении плачущего Ли Ляньина она покинула спальню медленным шагом, как и подобало овдовевшей женщине.

Под непрерывные громовые раскаты весть о том, что Сын Неба умер, облетела все дворцовые здания. Тело императора оставили в спальне, переложив с кровати на специально сооруженный постамент. В Охотничьем дворце закрыли все входы и выходы, а возле каждой двери застыла многочисленная стража. Под отсыревшими черепичными крышами, на загнутых краях которых мокли под дождем облезлые золоченые драконы, повисла напряженная тишина. Схватка за власть в любой момент могла вспыхнуть с новой силой. Двор замер в ожидании. Кому выражать почтение и верность, было неясно. Сумеет ли молодая, не достигшая и тридцатилетия мать наследника противостоять целой клике коварных и опытных сановников?

Едва Верховному советнику Су Шуню сообщили о смерти императора, он тотчас вызвал к себе главного евнуха.

– Немедленно отправляйтесь к императрице Цыань, затем к матери принца драгоценной наложнице Орхидее, сообщите им о нашем скором визите. Со мной будут оба принца-регента. Мы известим о последней воле Сына Неба.

Ань Дэхай молча поклонился и, пятась, покинул покои надменного вельможи.

Приказав свите не сопровождать его, толстяк отважился проделать путь бегом, что далось ему нелегко. Хрипя и задыхаясь, под изумленными взглядами сановников и стражи, евнух спешил по коридорам и переходам. Выскочив на крыльцо, он растолкал столпившуюся на нем челядь и, едва не поскользнувшись, сбежал по мокрым ступеням, не обращая внимания на дождь. Подхватив полы халата, утопая по щиколотку в воде, Ань Дэхай ринулся через площадь...

...Орхидея восседала на своем троне, облаченная в белые траурные одежды – от туфель до головного убора. С момента, как наложница покинула спальню почившего владыки, она ничего не ела, не пила и провела это время в молчании. Сложив руки на коленях, мать наследника сидела, устремив взор в пустоту. Девушки из ее свиты стояли по обе стороны трона, прикладывая к глазам платки и оглашая помещение плачем. Глаза Орхидеи были сухи, а лицо неподвижно. Казалось, возлюбленная императора окаменела от горя.

Но едва раздался торопливый стук, как она подобралась, выпрямила спину и взглянула на Ли Ляньина. Тот кинулся к дверям, otvorил их, и перед Орхидеей предстал вымокший до нитки главный евнух. Грудь его ходила ходуном, щеки надувались и опадали, а покрасневшее лицо выражало испуг и растерянность.

– Беда, моя госпожа! – отдышавшись, сказал Ань Дэхай. – Су Шунь и принцы имеют на руках бумаги за подписью почившего господина! И они намерены прийти к вам в самое ближайшее время, дабы огласить его волю – о назначении их попечителями наследника!

Орхидея бесстрастно выслушала его. Отведя глаза, она снова принялась разглядывать пустоту перед собой. Выдержав небольшую паузу, обронила усталым голосом – словно лишь неимоверный долг лица, облеченного властью, вынуждал ее ответить:

– Негоже Верховному советнику и принцам являться без вызова. Не иначе, как известие о смерти господина омрачило их рассудки. Исправьте это недоразумение. Немедленно вызовите их от моего имени и приведите сюда. Передайте, что мать наследника намерена исполнить волю ушедшего в мир теней господина.

Ань Дэхай всплеснул руками и снова часто задышал – на этот раз от охватившего его ужаса.

– Почтеннейшая, но ведь они расправятся с нами еще до окончания грозы!

– Судя по непогоде, мы проживем еще долго, – с усмешкой возразила наложница. Словно в подтверждение ее слов, над крышами дворца громыхнуло с новой силой.

– Но, почтеннейшая... – Ань Дэхай в сомнении покачал головой. – Дождь не может идти вечно!

Повернувшись в сторону главного евнуха, Орхидея нахмурилась:

– Красивая фраза, но сейчас не время для гаданий и рассуждений, уважаемый. Исполняйте мой приказ!

Мокрый и жалкий толстяк попятился к двери и скрылся в сумерках коридора.

...Не прошло и четверти часа, как перед Орхидеей предстал едва скрывавший злобное ликование Верховный советник. С предводителем явились и оба принца, но их взгляды не были столь дерзки – в них плескался страх за свое будущее и угадывалось сомнение в правильности выбора. Но как бы то ни было, сейчас они находились перед троном матери наследника и дворцовые правила нарушать не решились.

Орхидея приняла почтительные поклоны принцев Дуань Хуа и Цзай Юаня. Желая показать, что смерть господина уладила ее властность и гордыню, она поднялась с трона и ответно поклонилась. Сев на место, вопросительно посмотрела на Су Шуня. Тот стоял, вызываясь вскинув голову. Решив не напоминать сановнику об очередном совершенном им нарушении пристойности, Орхидея тихим голосом известила прибывших, что в эти скорбные минуты прежде всего их общий долг – исполнение воли покойного.

– Именно так, уважаемая, – согласился сановник, сдерживая усмешку. – За этим мы и прибыли. Позвольте объявить вам указ о попечительстве. Согласно воли Сына Неба, изъвленной им в последний час...

Орхидея неожиданно перебила Верховного советника:

– Подождите, высокочтимый. Долг велит мне подчиниться воле Сына Неба, но для этого необходимо завещание с его подписью...

– Разумеется, у нас такой документ есть! – торжествуя, ответил Су Шунь и картинным жестом извлек из рукава скрученную бумагу. – Прошу вас ознакомиться и убедиться!

Орхидея скупым жестом остановила сановника:

– Я непременно это сделаю, из уважения к вам. Но чуть позже.

Су Шунь непонимающе взглянул на нее.

– Мне неизвестно, откуда у вас эта бумага, – охотно пояснила Орхидея. – Говорят, вы обнаружили ее в спальне почившего господина. Вполне возможно, это всего лишь черновой вариант, подписанный Сыном Неба в минуты помрачения от страданий. А то и вовсе подделка.

В этот момент над дворцом полыхнула очередная молния, на мгновение осветив сумеречные покои мертвенно-бледным светом и вспышкой выхватив искаженное ненавистью лицо Су Шуня.

– Уважаемая!.. – прорычал он сквозь стиснутые зубы, полоснув Орхидею злобным взглядом, но быстро взял себя в руки. – Разумеется, документ подлинный, что подтверждается подписью господина.

Су Шунь вытянул свиток перед собой и раскрыл его так, чтобы текст был виден сидевшей на троне наложнице.

Под сверкание молний и раскатыстые громыхания Орхидея внимательно прочитала и кивнула, дав понять, что документ можно свернуть.

Су Шунь бережно убрал свиток обратно в рукав. Мельком глянув на сообщников-принцев, он перевел победный взор в сторону наложницы и выжидающе замер.

Пауза затянулась, казалось, на целую вечность.

Ань Дэхай, все это время прятаясь за дверной створкой, не выдержал и высунулся в беспокойстве. Встретившись глазами с Ли Ляньином – тот стоял позади трона, укрываясь за деревянной колонной, – главный евнух вопросительно кивнул, но не получил никакого знака в ответ. Личный евнух матери наследника словно ушел в себя, готовясь к чему-то важному.

Орхидея наконец нарушила тишину.

– Позвольте и мне предъявить документ, – голосом, исполненным доброжелательства и терпения, объявила она. – Думаю, вы будете рады увидеть *подлинное* завещание Сына Неба.

Су Шунь сузил и без того неширокие глаза – словно два угля, они накалялись яростью. На скулах сановника заиграли желваки. Ища поддержки, он повернулся к принцам.

– Нас обвиняют в подлоге! – гневно выкрикнул Верховный советник. – Не стойте же как пни! Дело касается чести!

Однако оба заговорщика, бледные и настороженные, промолчали. Их внимание было приковано к чинно вышагнувшему из-за колоны личному евнуху драгоценной наложницы.

Ли Ляньин, повторив жест Су Шуня, вытащил из рукава и развернул перед собой бумагу с текстом, подписанным рукой Сяньфэна.

– Господин приложил свою руку к этому завещанию в моем присутствии и в присутствии многих евнухов, – придав голосу как можно больше кроткой невинности, пояснила Орхидея. – Кроме того, он скрепил свое имя императорской печатью. Как вы знаете, без оттиска этой печати ни один документ не имеет силы.

Опешивший советник впился взором в раскрытое перед ним завещание. Дуань Хуа и Цзай Юань, осторожно выглядывая из-за его плеч, пытались рассмотреть печать и подпись.

Орхидея снисходительно обратилась к верному евнуху:

– Прочтите уважаемым весь текст. Ведь они пришли сюда узнать и исполнить последнюю волю Сына Неба.

Словно плети, за окном хлестали воздух белые молнии.

Срывающимся от волнения голосом Ли Ляньин зачитал поникшим вельможам завещание. С каждой произнесенной им фразой лица заговорщиков становились все более унылыми, а подступивший страх сгорбил их плечи. Даже Су Шунь опустил голову и стоял, потрясенный. Откуда у этой лисицы оказалась печать?!

Закончив чтение документа, евнух благоговейно свернул его. Отступив на шаг, он поклонился окаменевшим визитерам и своей хозяйке, на лице которой проявилась холодная улыбка.

– Теперь, уважаемые, когда все недоразумения разрешены, пришло время определить вашу судьбу, – сказала Орхидея, разглядывая заговорщиков. – Каждому из вас воздастся по заслугам.

Едва она произнесла последнее слово, как в покои стремительным шагом, бряцая оружием и доспехами, вошел отряд стражников.

Лицо Су Шуня прояснилось. Удача вновь благосклонна к нему – ведь подкупленные им воины не побоялись неожиданного поворота событий или попросту еще не успели узнать последние новости. Но в любом случае их прибытие означало, что у советника появился шанс силой завладеть императорской печатью и уничтожить состряпанное разноглазой девкой подложное завещание.

Однако радость сановника была недолгой – ровно до момента, когда стражники присягнули на верность Орхидее под довольную ухмылку прихвостня-евнуха. Вездесущий Ли Ляньин не только перекупил нанятый советником отряд, но и пообещал каждому воину личное покровительство будущей правительницы.

Выдержав соответствующую моменту паузу и полюбовавшись на едва живых от предчувствия скорой и жестокой расправы дворцовых мятежников, Орхидея снова поднялась с трона и поклонилась каждому из них.

Ошеломленная троица уставилась на нее с изумлением.

Заняв свое место, Орхидея обратилась к Су Шуню, спесивый вид которого давно испарился, и теперь весь его облик выражал уныние.

– Уважаемый советник, – ласково произнесла наложница. – Вы зарекомендовали себя ревностным служителем, верным исполнителем воли правителя. Ваш опыт бесценен, а ваше имя овеяно славой ваших государственных деяний! Поэтому я прошу вас об одном одолжении...

Сухопарая физиономия Су Шуня вытянулась от недоумения. Советник не удержался и быстро переглянулся с сообщниками.

Заметив его реакцию, Орхидея заговорила и с ними:

– Достойные слуги императора Сяньфэна и его наследника, уважаемые принцы Дуань и Цзай! Вы проявили самые доблестные качества в усердном исполнении воли господина! И не ваша вина, что недоразумение с бумагами заставило вас принять неверное решение.

Обращаясь ко всем неудавшимся крамольникам, драгоценная наложница проникновенно сказала:

– Враги вынудили императорский двор покинуть столичную резиденцию, но сводный брат нашего почившего господина, доблестный принц Гун, остался там олицетворять власть правящей династии. Обстановка в Пекине до сих пор сложная. Вскоре мы обязаны доставить тело повелителя в Запретный город для окончания церемонии прощания. Кому, как не вам, я, мать наследника императора, могу доверить столь важное дело – стать моими посланниками? Прошу вас в самые ближайшие сроки отбыть в Пекин, чтобы оказать принцу Гуну всевозможную помощь в ведении дел и обеспечить подготовку к приему похоронной процессии. С вами последует главный евнух как человек, сведущий в дворцовых траурных ритуалах, для организации всего на месте.

Потрясенные неожиданным помилованием и оказанным доверием, советник и принцы под взглядами стражи направились к дверям, услужливо распахнутым для них радостно улыбающимся Ань Дэхаем. О причинах довольства толстяка догадаться было легко – главный евнух места себе не находил в нынешней резиденции, переживая за сохранность своих сокровищ, припрятанных в столице.

Следом за помилованными заговорщиками наложница приказала страже и свите девушек покинуть ее покои. Оставшись наедине с Ли Ляньином, Орхидея скинула обувь. Без лишних слов слуга опустился на колени, аккуратно ухватился за ступню и умелыми пальцами принялся делать расслабляющий массаж.

Склонив голову, чтобы избежать тяжелого взгляда хозяйки, евнух ловко разминал ухоженные ноги Орхидеи, ожидая начала доверительного разговора, который не замедлил состояться.

– Мы едва успели... – обронила наложница, прислушиваясь к шуму дождя.

Она запустила руку в одежды и достала из них увесистый нефритовый камень с высеченным на нем императорским символом Сына Неба.

– Подумать только, целых восемнадцать столетий эта вещь переходит от правителя к правителю и едва не досталась таким проходимцам! – воскликнула она, всматриваясь в темные разводы, украшавшие камень. – Мы могли и опоздать!

Ли Ляньин согласно кивнул:

– Определили их не более чем на четверть часа, моя госпожа.

Орхидея несильно толкнула его ногой в грудь.

– Признавайся, как тебе это удалось!

Евнух прижался щекой к ее ступне и позволил себе встретиться с хозяйкой глазами.

– Моя заслуга невелика, почтеннейшая! У дворцовых слуг множество способов узнать различные секреты. Когда мне довелось разведать, где покойный господин хранил печать, дело оставалось за малым.

Ли Ляньин хихикнул, довольный неожиданной игрой слов.

– В прямом смысле – за малым, – продолжил он. – Я велел одному мальчику проползти в спальню императора через отдушину, что под самым потолком. Ведь двери охранялись очень тщательно, а на крышу из-за грозы стражу не поставили. Мы с евнушонком поднялись туда, я обмотал его веревкой, объяснив, что и где искать. Он протиснулся в дыру и спустился внутрь. Признаться, больше всего я опасался, что малец что-нибудь напутает и вместо печати прихватит какую-нибудь безделушку. Но он оказался толковым, управился ловко со всем.

– Где он сейчас? – поинтересовалась наложница, размышляя о чем-то.

Евнух притворно вздохнул.

– Жизнь порой так несправедлива... Мальчишка едва успел передать мне добычу и вдруг упал с крыши. Расшибся насмерть. Мокрая черепица ужасно скользкая, я и сам едва удержался.

Орхидея удовлетворенно кивнула.

– Позаботьтесь о его семье. Передайте родне денег. Сумма не должна быть слишком большой во избежание подозрений.

Ли Ляньин понимающе улыбнулся.

Гроза неожиданно утихла. Воздух за окнами принялся молочно колыхаться, светлея.

– Самое трудное и опасное позади, почтеннейшая? – участливо спросил евнух, глядя на усталое, бледное лицо хозяйки.

Орхидея покачала головой.

– Всё только начинается.

Преданно склонив голову, Ли Ляньин снова принялся за массаж ступней своей госпожи.

Закрыв глаза от блаженства – хвала создателю Крокодила за то, что предмет избавлял от душевных переживаний, но не лишал телесной чувственности, – Орхидея размышляла о предстоящих делах.

Пятилетнего Цзайчуня следует незамедлительно возвести на престол. О том, что мальчишка – всего лишь безродный китайчонок, известно только Орхидее и верному Ли Ляньину. Впрочем, за евнухом нужно пристально наблюдать, и если возникнет хоть малейшее сомнение в его преданности, тайна происхождения императора *Тунчжи* именно такой девиз правления Орхидея придумала для наследника – останется ведома лишь ей одной.

Совместно с Цыань они будут заботиться о новом правителе вплоть до его совершеннолетия. Сама Орхидея по возвращении в Пекин примет титулы «императрица Западного дворца» и «Мать-императрица», а Цыань будет носить звание «императрица Восточного дворца».

Если у кроткой Цыань хватит ума не мешать Матери-императрице держать в своих руках бразды правления государством, то проживет свой век в почете и достатке. Если же не догадается уступить и отойти в тень – прямиком уйдет в мир теней загробных, откуда возврата не бывает.

Туда же отправится и наследник, едва достигнет возраста самостоятельного правления. А может, и раньше, если вдруг проявит строптивость.

Регентство – залог власти, и всегда наготове должны иметься другие возможные младенцы-преемники.

Наконец-то она может в полной мере позаботиться о доме. И хотя мать с остальными детьми уже давно живет в роскошном особняке в их прежнем районе Шишахай, этого мало. Родня – самые верные агенты, надежные глаза и уши.

Лотос нужна Орхидея тут, под желтыми дворцовыми крышами. Принц Гун, к сожалению, женат. А вот у его родственника, молодого и красивого принца Чуня, недавно умерла супруга – пора бы ему обзавестись новой, и лучше, чем младшая сестра императрицы, кандидатки ему не найти.

Подумала Орхидея и о подросших братьях. Особым умом они не отличались, но нести службу в дворцовой охране вполне сгодились бы.

Принцу Гуну, оставшемуся представлять императорскую власть в столице, Ань Дэхай передаст секретное письмо с подробными указаниями.

Заговорщиков, посланных в Пекин, следует тепло принять, чтобы усыпить их бдительность, и лишь спустя некоторое время наказать. Чем больше пребудет сановник в упоении властью и благами, тем больше для него окажется неожиданная кара. Всем второстепенным членам клики – в виде высочайшей милости, проявленной матерью наследника, следует даровать самоубийство. Принцев Дуань Хуа и Цзай Юаня, что имели наглость явиться к ней сегодня, обезглавить на площади перед Полуденными воротами. Головы надеть на шесты и оставить до новогодних празднований. А их предводителя Су Шуня там же при скоплении толпы закидать камнями и грязью, а затем четвертовать, предварительно разбив ему лицо и суставы дубинками.

И настало время проститься со своим домашним именем. Благоуханный цветок – это красиво и мило, но Мать-императрица, на попечении которой несовершеннолетний воспитанник, обязана принять соответствующий приличиям и государственным традициям девиз. И он уже придуман.

慈禧

Едва Тунчжи взойдет на трон, как Орхидея наречет себя кратким и емким именем Цыси, что означает – Милосердная и Счастливая.

С годами к нему будут прибавляться новые титулы.

Главная, Глубокомысленная, Ясная, Величавая, Мудрая, Охраняемая, Здоровая, Чтимая, Возвышенная и Высочайшая – все это будет о ней, урожденной Ехэнара, старшей дочери инспектора Хой Чжэна, взятой наложницей во дворец из бедного дома в Оловянном переулке.

Но об этом пока не знало скорбящее по усопшему императору Срединное государство и не ведал лежавший по его окраинам варварский мир

Еще не подозревала об этом и сама будущая императрица Цыси.

Открыв глаза, она устремила холодный разноцветный взор в окно и принялась наблюдать за рождением нового дня. Короткая ночь миновала, от ненастья не осталось и следа. По голубому шелку небосклона переливались рубиновые лучи встающего светила. Кровавыми ранами они испещрили воздушную высь, словно предупреждая – горе тем, кому уготовано жить в грядущих нелегких временах.

ЭПИЛОГ

Вечер выдался душным. Небо уже совсем потемнело. В приземистых домах квартала Тяньцзяо на другой стороне реки зажглись тусклые огоньки. Отгромыхали груженные камнем и песком телеги по плитам Небесного моста — у Южных ворот вовсю кипела стройка. Жители укрепляли городские стены и башни в ожидании нападения заморских дьяволов. Но старику отказали в найме, даже подсобным рабочим он не годился — так дряхло выглядел. Невелика печаль.

Прошел еще один день. Который по счету в его жизни?.. Сколько их будет еще?..

Теперь можно и отдохнуть. Ноги гудят от ходьбы, да и годы не придают сил. Когда-то он мог без усталости носиться по улицам, обгонять менее проворных рикш, молодцевато задирая колени и держа спину прямой... Да те времена давно прошли. Нынче совсем другая жизнь. Не такая уж плохая — его лежанку никто не разорил за день. Даже сборщики мусора не позарились на куски тряпья, на которых он спал уже много месяцев, а может, и лет.

Старик улыбнулся. День удался. Он и Хуа-Хуа насобирали себе на хороший ужин — рис и жареный тофу, а главное — сегодня вышло прикупить бутылку крепкой ароматной водки. Дорогая, конечно, но иногда можно и позволить себе. Хуа-Хуа не любит, когда хозяин пьет водку. Отец не пил совсем. Ведь у него была работа, дом, жена и шестеро детей. Да что толку... Умерли родители, умерли братья и сестры. Остался лишь он.

Дун Ли очень старый. У него никого нет, кроме Хуа-Хуа. Нет жены, нет детей. Нет и дома. Когда-то у него было жилье, и работа, и даже девушка, которую он без памяти любил. Теперь лишь темный свод моста над головой, а неподалеку — пыльный куст, куда Дун Ли справляет нужду. Вонючие лохмотья, старый бамбуковый зонтик да холщовый мешок — вот и всё имущество.

Отчего же не выпить...

Дун Ли уселся поудобнее, подтянул худые колени к подбородку и похлопал ладонью по сухой, теплой земле.

— Хуа-Хуа! — позвал он негромко своего друга. — Иди сюда! Пора есть!

Тот выскользнул откуда-то из темноты, там, где опора моста врыта в землю. Весело таякнув, подбежал и сел напротив. Умные глаза внимательно разглядывали хозяина. Куцый хвостик дробно постукивал по земле. Ростом Хуа-Хуа был чуть больше кошки. Дун Ли порывлся в мешке. Зачерпнул горсть вареного риса и положил перед собакой. Бросил и кусочек тофу.

— Ешь, ешь, — сказал он, отправив вторую горсть риса себе в беззубый рот.

Обнюхав угощение, Хуа-Хуа, не привередничая, принялся за еду. Хорошая собака, умная. Умеет вставать на задние лапы и танцевать. Людям нравится, и подают они охотнее. Не человеку, а животному подают. Бывает, даже несколько монеток. До Хуа-Хуа в ладонь попрошайки — а именно им стал бывший рикша и приказчик — редко попадало больше одного медяка. Лишь однажды какой-то длинноносый черт, которого Дун Ли взял в оборот на торговой улице, дал целый лян. Всего лишь за то, что услышал от старика-оборванца историю, как тому прежде доводилось встречать таких же разноглазых людей, как и этот белый господин. Станные они, эти ян гуэй цзе... Дун Ли вытащил бумажную пробку из бутылки и хлебнул из горлышка. Крепкий напиток приятно скользнул в желудок.

Хорошо!

Заморских дьяволов всегда бывало много в центре, в Посольском квартале. Роскошные там особняки... Где-то там в незапамятные времена жила та, которую он любил...

Дун Ли зажмурился и сделал сразу несколько глотков. Вдруг ему пришла мысль, что он непременно станет богатым. Переберется из-под моста в нормальный заброшенный дом. Обзаведется матрасом и посудой. Найдет себе крепкую обувь... Ведь когда-то он жил как

нормальный человек. До той страшной ночи, покуда в жилище дядюшки Чжэня не проник неизвестный душегуб. Как знать, что привело его... Быть может, грешки прошлой жизни неожиданно вернувшегося сына хозяина чайной лавки. Ведь как раз за день до несчастья объявился крепкий и загорелый, молодой, но повидавший много городов и стран моряк по имени Фан. Уж как был рад дядюшка Чжэнь! Собирался обоим парней объявить названными братьями...

Но лихой человек, прокравшийся в дом, когда они все спали, всадил нож в сердце Фана. Тот умер не сразу — захрипел, забился, разбудив отца. Злодей перерезал горло и Чжэню, едва тот вскочил с кана. А когда от шума проснулся Дун Ли, убийца замешкался. Хотя лица его, замотанного тряпкой, разглядеть было нельзя, но в движениях появилась растерянность. Казалось, он не ожидал, что в доме есть кто-то еще. Но быстро совладал с собой — быстрее, чем оторопевший парень успел что-либо предпринять для защиты. Под ребрами полыхнула боль — вначале тупая, а затем невыносимо-жгучая, нараставшая с каждым мигом, до желтой темноты в глазах... Зажимая рану, Дун Ли начал оседать на пол, глядя вслед убийце — швырнув нож на пол, тот спешно пробирался к выходу. Парень попытался броситься за ним, но силы быстро оставляли — едва добравшись до ворот, он рухнул на землю...

Дальнейшие события Дун Ли всегда стремился забыть, но память то и дело подкидывала ему страшные картины. Утром его обнаружили соседи, но даже не подумали помочь — обнаружив в доме хозяина чайной лавки два тела, они принялись избивать раненого парня. На счастье Дун Ли, довольно быстро подросла городская стража, палками отогнала разъяренных людей и доставила преступника — а никто не сомневался, что пойманный именно таков, — в участок. Там его наскоро перевязали. Нож прошел под самым сердцем, распоров легкое, и окровавленного парня бросили помирать в каталажку, забитую разным сбродом, ожидавшим суда и приговора. Несколько недель Дун Ли провел в горячке и беспамятстве. Если бы не забота сидельцев, точно бы умер. Ему меняли повязку, смачивали губы водой, и этого для крепкого парня оказалось достаточно. Поражая даже видавших виды бродяг и преступников, он потихоньку шел на поправку. Впрочем, радости от этого испытал немного — его ожидал суд, а затем и неизбежная казнь. Ведь его вина была для всех очевидна. Недостойный приказчик зарезал сына почтенного хозяина Чжэня из ревности и страха утратить покровительство, а когда обезумел от крови, лишил жизни и самого владельца лавки. Отец и сын, защищаясь, сумели перед смертью ранить его, поэтому ограбить их дом у злодея Дун Ли не вышло... Так и сказал судья, назначив наказание в виде оставления убийцы в стоячей колодке до полного удушения.

И быть бы тому, но случилось нечто неожиданное — во всяком случае, для самого Дун Ли. Под канонаду орудий и треск ружейного огня в Пекин вошли войска заморских дьяволов. Император бежал из дворца в отдаленную провинцию. Пожары и беспорядки объяли всю столицу, а проникшие в город вместе с иноземцами бунтовщики-тайпины открыли тюрьмы, выпуская томившихся там сообщников, а заодно с ними и всех остальных... Так Дун Ли очутился на свободе, но прежняя жизнь закончилась как для него, так и для всей страны... Десятки лет скитаний, нужды, страданий и горя. Давно нет в живых императора, умер и его сын, а из-за стен Запретного города почти полвека правит Поднебесной и держит всех в страхе та, которую он помнил невинной и нежной девушкой с чарующим смехом и волшебным голосом...

Воспоминания Дун Ли прервались рычанием Хуа-Хуа.

— Знаю, знаю... — усмехнулся старик. — Уж если собака так ворчит на мужчину, когда он решил немного выпить... Представляю, как недовольна была бы жена, будь она у меня!

Дун Ли уже порядком захмелел, и говорил больше сам с собой, глядя из-под полуприкрытых век куда-то в темноту. Спиной он привалился к теплему камню, готовый вот-вот уснуть.

Собака, напротив, забыв про еду, переминалась и тревожно поскуливала.

ДунуЛ слабый ветерок. Как-то необычно, порывом. Будто совсем рядом пролетела огромная птица.

Дун Ли протер глаза и выругался. Неужели будет гроза? Но ведь на небе не было ни облачка, когда он добрался до своего логова... Впрочем, погода в Пекине капризная, меняется мгновенно. Светило солнце — и вот налетели со стороны гор мохнатые, полные влаги тучи... В ненастье таким, как Дун Ли, нелегко. Дожливый день — голодный день. Все сидят по домам или перебегают улицу под зонтиками. Никто не полезет за мелочью — руки заняты. А вымокнешь ночью — не сможешь просушить обноски, будешь трястись, заболеешь да помрешь в канаве. Хорошо, что сейчас над головой крыша, пусть и без стен.

Воздух будто загустел и наполнился тихим гулом.

Ветер усилился. Неподалеку, возле самого берега, закрутился по кругу мелкий сор. Что-то затрещало и сверкнуло. Потом сверкнуло еще раз, да так сильно, что от опоры моста на землю упала четкая тень.

Не похоже на молнию. И почему-то нет грома...

Черт побери, что это? Дун Ли решил посмотреть поближе и уже приподнялся, как вдруг упал навзничь от толчка горячего воздуха. Раскрытый зонтик, служивший старику ширмой, кувыряясь, улетел в темноту. Хуа-Хуа поджал хвост и заскулил.

Раздался негромкий хлопок, и старик зажмурил глаза — так резанул их яркий свет. Его затрясло от страха. Такой грозы он не мог припомнить...

Бродяга перевернулся набок, поджал ноги и обхватил голову руками.

Сквозь пальцы он все же попытался рассмотреть, что происходит. То, что он увидел, напугало его еще больше.

На месте куста вырос большой, выше роста человека, дрожащий серебристый овал, словно призрачное зеркало. В нем рассерженными змеями сверкали тонкие молнии. Затем что-то снова будто хлопнуло, и ветер начал утихать.

Дун Ли растерянно огляделся. Собаки нигде не было. Неподалеку от своей поджатой ноги он обнаружил лежавшую бутылку. Водки пролилось много, она уже впиталась в землю, оставив лишь темное пятно.

— Ах, чтоб тебя... — пробормотал старик. — Сколько добра пропало!

Он приподнялся на локте и в страхе замер, тут же забыв о понесенном ущербе.

В нескольких шагах от него стояла парочка самых настоящих заморских дьяволов! Да еще один из них, ушастый коротышка в очках, держал на руках крупного серого кота в узком ошейнике. Рыжеватая борода иноземца торчала неопрятными клочками, словно грязная вата из прорех старого халата. Костюм прищельца был под стать его чудаковатому лицу — нелепая куртка, распахнутая так, что из-под нее виднелось нижнее белье, завязанное у горла длинным темным лоскутом, и широкие штаны.

Второй длинноносый черт был повыше ростом, но тоже одет как бродяга. На нем старик разглядел исподнюю белую рубаху с оборванными возле плеч рукавами и грубые штаны из выкрашенной в синий цвет мешковины, местами вылинявшей до светлых пятен. Обут этот тип был в черные тапки с тремя белыми полосами по бокам.

Оторопело уставившись на невесть откуда взявшихся ян гуэй цзе, Дун Ли позабыл про свою собачку, но та сама напомнила о себе. С яростным тьяканьем Хуа-Хуа выскочил из темноты и принялся звонко заливатьсь возле ног ушастого бородача в очках.

Вдруг раздалось такое громкое шипение, что старик вздрогнул, а Хуа-Хуа осекся, затем тонко взвизгнул и бросился наутек.

Дун Ли не стал искушать судьбу.

— Дьяволы! — что есть силы закричал он и кинулся вслед за своим хвостатым напарником.

* * *

— Эва... — обронил Костя Чижигов, задумчиво глядя вслед стремительно удалявшейся спине перепуганного старика-оборванца.

— А ты как думал! — подхватил Сумкин, поглаживая мигом успокоившегося кота.

Шпунтик блаженно жмурился, удивляясь легкости выигранного сражения. Не пришлось даже вытягивать когти и лупить себя по бокам хвостом.

— Слушай, старик, — приняхиваясь и морщась, произнес Костя, покрутив головой. — Запашок тут такой...

Чижигов пошевелил пальцами, подыскивая определение.

Сумкин втянул ноздрями воздух и пожал плечами:

— Обычный такой. Типичный, можно сказать, аромат путешествий во времени и пространстве. Вспомни, как аутентично эпохе воняли наши древнекитайские шмотки!..

— Ага. Нам ли привыкать, Федор Михайлович...

— Это ты верно заметил, это ты правильно, — похвалил Сумкин приятеля и почесал кота между ушей.

Шпунтик снисходительно принял комплимент на свой счет.

Чижигов снова принялся оглядываться.

— Ты вот скажи мне, как китаист китаисту, мы куда вообще попали-то? — растерянно спросил он, пытаясь рассмотреть пейзаж из-под тяжелого каменного свода. — Что за пожилые дети подземелья тут обитают? В каком мы времени и месте, старик?

— Давай-ка для начала закурим. Все эти прыжки по пространствам даются мне тяжелее полетов «Аэрофлотом». Заодно и запах немного настоящим «кэмелом» облагородим.

Сумкин опустил кота на землю. Тот брезгливо подергал лапкой и с укором посмотрел на хозяина, всем видом выражая простую мысль: «Вот ты доверил меня этому типу, а между тем, совершенно напрасно!»

— Шпунтик, отстань, — отмахнулся Чижигов. — Не до тебя сейчас, понял?

Шпунтик понял. Демонстративно тряхнув кончиком хвоста, он с независимым видом удалился на обследование странной пещеры, куда волею судеб его занесло на этот раз.

— Любопытно, любопытно... — пробормотал Сумкин.

Избавившись от кота, он времени даром не терял. С наслаждением пыхая сигареткой, Федор присел на корточки, отчего удивительным образом сделался похож на постаревшего, но не изменившего образу жизни гопника с питерских окраин, лишь по досадной случайности облачившегося в пиджачную пару.

— Тебе бы, Федор Михайлович, костюмчик сменить на «спортивки»... — не удержался от ехидной ухмылки Котя. — И по линзам скакать сподручнее, и, так сказать, имидж новый. Очки вот только все портят...

Сумкин равнодушно хмыкнул, пропустив колкость мимо своих оттопыренных ушей.

Покопавшись в мусоре, что служил сбежавшему старикану спальным ложем, великий китаист выудил несколько клочков бумаги. Поправляя большим пальцем съезжавшие на кончик носа очки, он пытался разобрать начертанные письма.

— Ни хрена не видно, — с досадой пропыхтел он и взглянул на приятеля. — Старик, раз уж все равно просто так стоишь, принеси пользу. Посвети-ка зажигалочкой.

Котя похлопал себя по карманам, затем вспомнил:

— Федор, я же бросил. Давай свою!

Укоризненно покачав головой, Сумкин подбородком указал на боковой карман пиджака.

Чижигов выудил пластиковую китайскую «одноразку» и крутанул колесико.

Желтый лепесток пламени с едва слышным шипением закачался над клапаном поддельной «крикет».

Федор быстро оглядел обстановку и деловито изрек:

— А, это мы не в пещере. Под мостом мы. Смотри — сверху камень, по бокам ничего, а вон там опора, по-научному — устой. Но гораздо важнее понять, что за время и что за местность.

Сумкин вернулся к изучению клочков.

— Почтенный старик, благородный хозяин этой обители — безусловно, китаец. Об этом нам говорит его внешность, но самое главное — полный отчаяния крик. Кстати, он нас окрестил нечистой силой. Явно северный диалект. Вряд ли наш новый знакомец владеет грамотой и читает на досуге газеты, но то, что он их натащил себе в норку приличную кучу, — безусловно, хорошо... О, даже «Шень Бао» есть!

Чижилов ойкнул и зашипел, встряхнув рукой — зажигалка слишком накалилась. Под сводом моста вновь воцарились потемки.

— Свет! — скомандовал Сумкин тоном хирурга, требующего скальпель.

Костя испуганно чиркнул колесиком и вернул освещение.

— Таак, так, так... — принялся бормотать Федор Михайлович, тасуя клочки грязной бумаги, как заправский картежник. — Вот самые поздние, очевидно, и самые свежие... Угу, ага.

Удовлетворенный китаист поднялся с корточек, изъяс у друга источник света и тепла, отряхнул руки и вновь поправил съехавшие очки.

— Старик, у меня для тебя есть хорошая и плохая новости, — заговорщически произнес он. — С какой...

— С плохой начинай! — перебил его Чижилов, с опаской прислушиваясь к окружающим звукам.

Что-то осторожно шуршало и подозрительно потрескивало неподалеку.

— Ну, плохая новость в том, что мы попали в самую мякотку — а чего иного ожидать от нестабильной линзы... В общем, мы в Пекине. На дворе начало двадцатого века, а именно — тысяча девятисотый год. Что же тут нехорошего, спросишь ты. А я охотно отвечу — да все тут нехорошо. И что мы промахнулись с эпохой, и что в такое время сюда попали.

— А что у них случилось в нулевом году? — взволнованно осведомился Чижилов.

Сумкин отмахнулся и небрежным тоном пояснил:

— Да всякая ерунда, старик. Тут ведь постоянно что-то происходит трагическое, это же Поднебесная. Но нас с тобой больше всего касается печальный факт, что именно в этом году иностранцы в Китае подверглись наибольшему гонению. Статистику убитых и раненых я тебе приводить не буду. Тем более, это все еще впереди — сейчас самое начало июня. Буквально через неделю-другую тут все так завертится, что мало не покажется...

— Давай хорошую новость тогда, — с надеждой попросил Чижилов.

— А хорошая, старик, заключается в том, что мы все же попали в Китай, а не выскочили где-нибудь в Занзибаре, Калахари или Сахаре. Весь вопрос теперь в том, как мы будем разруливать реальности...

В кустах неподалеку раздался уже уверенный шорох.

— Хватит там шлаться, — крикнул в темноту Чижилов. — Еще блох местных нахватаешь! Возись с тобой потом...

Шпунтик покинул изученные заросли и без лишних споров вернулся к хозяину. Странная троица осторожно выбралась из-под каменного свода и взошла на безлюдный в ночное время мост. Сумкин стянул с носа очки и концом галстука протер грязные стекла.

— Нет сомнений, что вон там — не что иное, как Храм Неба, — прошептал он, нацепив окуляры обратно и тыча пальцем в темень справа от моста. — Вернее, целый храмово-монастырский комплекс, но так его попозже назовут, в путеводителях. А вообще эта постройка уникальна — единственный храм в городе, имеющий круглую форму. Оттого и узнается так легко. Ну, ты сам взгляни, хоть и видно плохо. Разве не прелесть?

— Угу, — неопределенно согласился Котя и посмотрел на Шпунтика.

Тот и ухом не повел, показывая полное безразличие к архитектуре династии Мин.

— Значит, двигаться нам надо вон туда, — продолжил Федор, переведя палец на серую ленту дороги, сползавшую в густой сумрак. — Видишь, там чутьок посветлее? Это отблески факелов и фонарей, их зажигают в Запретном и Внутреннем городах.

— И там для нас будет безопаснее? — недоверчиво поинтересовался Чижииков.

Потеребив бородку, Сумкин вздохнул:

— Видишь ли, старик, мы попали в такое место и время, где «белым обезьянам» вроде нас будет одинаковый кирдык, попадись мы хоть где. Сейчас мы в самом неблагоприятном райончике этого славного города. Представь, что ты очутился в Гарлеме с плакатом «Ненавижу ниггеров», но только ты не Макклеин в исполнении неподражаемого Брюса Виллиса, а все тот же питерский полуинтеллигент Костя Чижииков. Представил? Силы твоего художественного воображения хватает на картину катастроф и разрушений, которые с тобой произойдут?

— Ну, допустим, — нехотя процедил Костя, начиная злиться на приятеля.

— Вот! — Сумкин воздел указующий перст к темному небу и блеснул очками. — То, что ты представил, — это ерунда. Здесь нас просто забьют до смерти или банально зарежут. Чик — и мы уже на небесах! А вот если нас повяжут возле стен императорского дворца...

— На кол посадят? — поежился питерский полуинтеллигент.

Заметно оживившись, Сумкин покачал головой:

— Нет, конечно! Старик, ты забываешь, что мы не в какой-нибудь янычарской Турции, не в дикой Европе в гостях у Влада Цепеша. И даже не на родине, горячо любимой, времен Ивана Васильевича. Мы с тобой на территории культурнейшей страны, имеющей многотысячелетнюю историю. Здесь нет места всяким грубым варварским казням. К нам применяют замечательную утонченную штуку под названием линчи.

— Это что еще такое?

Сумкин зевнул.

— Да ничего особенного, в сущности. «Казнь тысячи надрезов». Это когда постепенно с тела срезается, по кусочкам, все выступающее. Начинают с макушки, как правило. Потом брови, щеки, нос. Руки-ноги, по чуть-чуть. Затем...

— Слушай, Федор, хватит! — наконец вскипел Чижииков. — Так какого черта нам туда надо?

Шпунтик настороженно взглянул на хозяина и перевел недобрый взгляд на великого китаиста. Действительно, какого черта?

Сумкин с сожалением посмотрел на товарища по несчастью.

— А такого, старик, черта нам туда надо, что именно возле императорского дворца находится Посольский квартал. Его осаждают с прошлого года, но он держится. И наша задача — туда проникнуть, через баррикады пробраться к своим. Там американцы, французы, немцы, итальянцы, англичане, японцы. Настоящий Ноев ковчег... Но самое главное — наши русские моряки там, с двух броненосцев. В общем, с нашей колоритной внешностью, сам понимаешь, среди местных нам не затеряться.

А линчи отменяют только через пять лет.

Котя сглотнул и машинально провел рукой по лицу.

— Тогда веди нас в этот чертов квартал скорее! Ты дорогу, надеюсь, знаешь?

Сумкин пожал плечами:

— Теоретически да. Другое дело, что все туристические маршруты, которые появятся через полвека, в нынешней ситуации не слишком пригодны. Но ты не волнуйся. Я на днях дивную книжку прочел. Автор — Иван Сусанин, «Как завести друзей».

— Сволочь ты, Федор, — скрипнув зубами, изрек Чижииков. — Шпунтик, видишь, какой

дядя плохой? Таким быть не надо!

Шпунтик согласно шевельнул ушами.

Великий китаист, игнорируя порицание, снова прикурил и с наслаждением затянулся.

— Ну что, мой хвостатый друг, — тихим голосом обратился Чижигов к запрыгнувшему ему на руки коту. — Вперед, на поиски приключений и чудесного спасения?

Насчет этого предложения Шпунтик не возражал.

— Бросал бы ты, Федор Михайлович, смолить, как заведенный, — проворчал Чижигов, оглаживая кота. — Бери с меня пример. Второй месяц без табака!

— Нашел, чем хвастаться, — хмыкнул в ответ Сумкин.

Однако, сделав подряд несколько глубоких затяжек, решительно отправил окурок с моста в темноту. Красный росчерк мелькнул дугой и исчез.

Странная парочка с котом спустилась с моста и, крадучись, растаяла во мгле.

* * *

Душная тревожная ночь плыла над огромным городом. Тяжело и черно нависало небо над черепичными кровлями императорских дворцов, над толстыми стенами и высокими башнями, над особняками иностранных миссий, превращенных в казармы и штабы, над притихшими в беспокойном сне кварталами богачей и над лачугами бедноты.

Где-то возле угрюмой линии горизонта пылали подожженные армиями иноземцев и мятежников деревни — там багровыми пятнами виднелись зарева, набравшие силу с каждым часом. Вскоре огни далеких пожарищ раскинулись на полнебосклона. Казалось, над Пекином шевелилась и кроваво вздрагивала гигантская пелена, готовая обрушиться на головы сотен тысяч людей и принести с собой нескончаемую череду событий — трагичных и страшных.